

ISSN 2587-9448

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

РОСТОВСКОГО
ФИЛИАЛА
РОССИЙСКОЙ
ТАМОЖЕННОЙ
АКАДЕМИИ

№ 3⁽³²⁾
2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

П.Н. БАШЛЫ	проректор-директор Ростовского филиала Российской таможенной академии, доктор технических наук, доцент (председатель совета, главный редактор)
С.В. ПАШКО	начальник Южного таможенного управления, генерал-лейтенант таможенной службы
А.У. АЛЬБЕКОВ	и. о. ректора Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор экономических наук, профессор
А.В. ГАВРИЦКИЙ	директор Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент
С.Н. ГАМИДУЛЛАЕВ	проректор-директор Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор экономических наук, профессор
А.Г. КОБИЛЕВ	заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
В.М. МАЧИНСКИЙ	заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук
И.М. УЗНАРДОВ	заведующий кафедрой мировой экономики, политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор исторических наук, профессор
Д.М. МАДИЯРОВА	профессор кафедры экономики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор экономики
Антонино ЗАНЕТТЕ (<i>Antonino Zanette</i>)	доцент департамента экономики и статистики Удинского университета (г. Удине, Италия), <i>PhD in Mathematics</i>
ЭШРЕФ ТРУШИН (<i>Eshref Trushin</i>)	доцент Школы бизнеса Даремского университета (г. Дарем, Великобритания), <i>PhD in Economics</i>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.В. Адамова, М.В. Алексеева, Д.А. Безуглов, О.Н. Бондина, Л.Г. Давиденко, Э.В. Дригола, С.В. Зубарев, Л.И. Ипатко, Н.В. Киселёва, Т.Е. Кочергина, Т.А. Кудинова, О.Е. Кудрявцев, А.П. Мясников, И.А. Подройкина, А.И. Рябошапка, М.Б. Смоленский, З.В. Удалова, А.В. Ширикова, О.Г. Узнародова (ответственный редактор).

© Все печатные и иллюстрированные материалы, если это не оговорено дополнительно, являются собственностью «Академического вестника Ростовского филиала Российской таможенной академии». Перепечатка допускается только с согласия редакционного совета Ростовского филиала Российской таможенной академии.

Редакторы – О.Г. Узнародова, Е.И. Меньшикова, компьютерная верстка – И.В. Литвинова.

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ

344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20, [http:// akvest.donrta.ru](http://akvest.donrta.ru).

Подписано в печать 11.10.2018. Гарнитура NewCenturySchoolbook. Усл. печ.л. — 17,25. Тираж 70 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Ростовского филиала
Российской таможенной академии (г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОЙ СИСТЕМЫ

М.А. Кадыркулов

К вопросу о классификации инструментов таможенного регулирования.....5

Е.Н. Беляева

Экспертная оценка отдельных параметров таможенных платежей
по импорту с использованием элементов экономического анализа9

НАЦИОНАЛЬНАЯ И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

М.Ю. Еременко

Концептуально-методологические основы формирования
и развития теории международной экономической интеграции16

Т.Е. Кочергина

Торговые войны как форма международных конфликтов:
причины, методы, последствия.....22

Н.В. Мозолева

Исламский банкинг в системе мировых финансов.....27

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ

Д.А. Заставной

Перспективы применения методов DataMining для проверки
достоверности классификации товаров35

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТАМОЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.М. Андрианова

Актуальные вопросы правового регулирования запретов и ограничений
в условиях совершенствования таможенного законодательства ЕАЭС.....40

Э.В. Дригола

Административная ответственность за сообщение в таможенный орган
недостоверных сведений о количестве грузовых мест, об их маркировке,
о наименовании, весе и (или) об объеме товаров, перемещаемых
через таможенную границу Евразийского экономического союза.....44

В.В. Лавринов

Эволюция уголовной ответственности за совершение контрабанды
в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года51

Е.В. Миллеров

Вопросы регламентации этической составляющей проведения личного
таможенного досмотра в таможенном законодательстве стран СНГ.....58

А.А. Подопригора

Некоторые проблемы уголовно-процессуальной регламентации
возмещения вреда лицу, незаконно или необоснованно подвергнутому
уголовному преследованию или осуждению62

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

М.В. Алексеева

Правовые основы поддержки традиционных (отличных от доступных с использованием сети Интернет) форм распространения знаний при формировании информационного пространства знаний в системе государственного управления.....	69
---	----

И.В. Бухарова

Новеллы гражданского и арбитражного законодательства или совершенствование процессуального права	75
--	----

А.Н. Горбачев

О понятии и видах права природопользования	79
--	----

С.В. Михайлов

К вопросу о совершенствовании механизма правового регулирования процедуры банкротства физических лиц	85
--	----

И.А. Подройкина

К вопросу об административной преюдиции в уголовном праве	90
---	----

Е.В. Серегина, Ю.В. Преснухина

Проблема назначения наказания с учетом смягчающих обстоятельств	95
---	----

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

О.В. Адамова, М.Б. Худжатов

К вопросу о формировании компетентности выпускников Российской таможенной академии	101
--	-----

Е.Ю. Есионова

Роль модальных частиц в развитии социолингвистической компетенции при изучении иностранного (немецкого) языка	107
---	-----

В.Д. Пономарева

Пути оптимизации учебного процесса при обучении иностранному языку (английскому) студентов неязыковых вузов	114
---	-----

Б.Г. Солдатов, Н.В. Солдатова

Факторы формирования познавательной самостоятельности студентов в процессе изучения иностранных языков	120
--	-----

В МИРЕ КНИГ	126
--------------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ	128
--------------------------	-----

Уважаемые коллеги!

*Научно-практический журнал «Академический вестник
Ростовского филиала Российской таможенной академии»
размещается в базе данных научной электронной
библиотеки eLIBRARY.RU*

*Публикации учитываются при расчете
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Лицензионный договор от 22.08.2014 г. № 498-08/2014*

CONTENTS

TOPICAL PROBLEMS OF THE CUSTOMS SYSTEM FUNCTIONING

M.A. Kadyrkulov

To the issue of classification of instruments of customs regulation5

E.N. Belyaeva

Expert estimate of selected parameters of customs payments under import
using elements of economic analysis9

NATIONAL AND WORLD ECONOMY

M.U. Eremenko

Conceptual and methodological bases for forming and development
of the theory of international economic integration16

T.E. Kochergina

The trading war as a form of international conflicts: causes, methods,
implications22

N.V. Mozoleva

Islamic banking in the world of finance27

INFORMATION TECHNOLOGY IN THE ECONOMY

D.A. Zastavnyy

A Datamining approach for verifying product code during custom clearance.....35

CUSTOMS ACTIVITIES NORMATIVE LEGAL REGULATION

E.M. Andrianova

Actual issues of legal regulation of prohibitions and restrictions
in conditions of improvement of the EEU customs legislation40

E.V. Drigola

Administrative responsibility for the message to customs body of inaccurate
information on the number of cargo packages, about their marks,
about the name, weight and (or) about the volume of goods transported through
the customs border of the Eurasian Economic Union44

V.V. Lavrinov

The evolution of criminal liability for the commission of smuggling
in the Criminal Code of the Russian Federation of 199651

E.V. Millerov

The issues of regulation of the ethical component of a personal
customs inspection in the customs legislation of the CIS countries.....58

A.A. Podoprigora

Some problems of criminal procedural regulation of compensation
to persons unlawfully or groundlessly subjected to criminal prosecution
or conviction.....62

STATE AND LAW

M.V. Alekseeva

The legal framework of supporting traditional (non-accessible through the Internet) forms of dissemination of knowledge in the formation of information space of knowledge in the public administration69

I.V. Bukharova

Novels of civil and arbitration legislation or improvement of procedural law.....75

A.N. Gorbachev

About concept and types of the right of nature use.....79

S.V. Mikhailov

To the question of improving legal regulation of the bankruptcy proceedings of physical persons mechanism85

I.A. Podroykina

To the question of administrative prejudice in criminal law90

E.V. Seregina, J.V. Presnukhina

Problem of purpose of punishment with contracts of softening circumstances95

TEACHING PROCESS METHODS AND ORGANIZATION

O.V. Adamova, M.B. Khudzhatov

To the question of forming the graduates' competence of the Russian Customs Academy101

E.Yu. Esionova

The role of modal particles in the development of sociolinguistic competence when studying German as a foreign language107

V.D. Ponomareva

Ways of educational process optimization in teaching foreign language (English) for non-linguistic students.....114

B.G. Soldatov, N.V. Soldatova

Factors of forming students' cognitive independence in foreign languages learning process.....120

WORLD OF BOOKS..... 126

OUR AUTHORS..... 128

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОЙ СИСТЕМЫ

УДК 339.543.62

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИНСТРУМЕНТОВ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2018 г. М.А. Кадыркулов

В статье рассматриваются правовые и теоретические аспекты классификации инструментов таможенного регулирования в контексте проводимой работы по совершенствованию таможенного администрирования в государствах – членах Евразийского экономического союза. Статья обращена к широкому кругу специалистов в области таможенного права и совершенствования таможенного регулирования.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; Евразийская экономическая комиссия; таможенное администрирование; таможня; инструменты таможенного регулирования.*

Введение

1 января 2018 г. вступил в силу Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС, ТК Союза). Одновременно со вступлением в силу Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года прекратил действовать Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года, а также ряд международных соглашений, регулировавших таможенные правоотношения и заключенных на этапе Таможенного союза [1]. Считается, что ТК Союза – современный инструмент таможенного регулирования, который предлагает новые правовые конструкции в области таможенного администрирования, модернизирует основные институты таможенного права, а также максимально учитывает интересы предпринимательского сообщества.

Процесс совершенствования таможенного администрирования продолжил свое поступательное движение. В целях реализации норм ТК ЕАЭС экспертами Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) при взаимодействии с представителями Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России (далее – Стороны) разработан пакет актов, входящих в право Союза, которые регулируют таможенные правоотношения. В рамках процесса модернизации таможенного регулирования специалисты и ученые, деятельность которых связана с развитием права ЕАЭС в сфере таможенного регулирования, оперируют такими понятиями, как «таможенное регулирование (администрирование)», «инструменты и средства таможенного регулирования», «инструменты регулирования внешней торговли». В основе модернизации таможенного администрирования лежит совершенствование административно-правовых инструментов таможенного регулирования, которые по своей природе являются административно-правовыми.

Важно заметить, что понятие «инструмент таможенного регулирования» часто используется при обозначении нормативных актов в сфере таможенного дела, *институтов таможенного права, норм и правил поведения*. В повседневной практике инструментами обозначают также и *международные соглашения*, регулирующие таможенные правоотношения. Несмотря на широкое использование этого термина в практике таможенного администрирования и исследовательских трудах по таможенному делу, ни общая теория права, ни теория административного права, а также научные труды по таможенному праву не раскрывают правовое явление, именуемое «инструмент таможенного регулирования». Исследуем его на основе теории права и известных нам теоретических подходов.

1. О правовых инструментах таможенного регулирования

Приступая к теоретическому осмыслению понятия «инструменты таможенного регулирования», обратим внимание, что *таможенное регулирование* по своей сути есть *правовое регулирование* общественных отношений в сфере таможенного администрирования [2, с. 36] и осуществляется при помощи правовых средств (инструментов). В целях понимания их правовой природы как правового явления обратимся к теории права. Прежде всего отметим, что правовое регулирование¹ как целенаправленное воздействие на поведение людей и общественные отношения с помощью правовых (юридических) средств [4], в отличие от иных форм правового воздействия, всегда осуществляется посредством своего «динамического инструментария» – особого, свойственного только праву механизма, всего комплекса динамических систем и структур, призванных юридически гарантировать достижение правовых задач в рамках определенных типов, моделей юридического воздействия на общественные отношения» [5, с. 250]. При рассмотрении правового регулирования *правовые явления* выступают в качестве *правовых средств*, т.е. *правовых инструментов* для достижения тех или иных задач, их необходимо точно знать в жизни, в практических делах. Эти *правовые средства* – юридические нормы, субъективные права, связанные с ними обязанности, решения судов и т.п. – не есть некое хаотическое сборище правовых явлений. Они тесно связаны между собой и в совокупности образуют довольно сложный механизм, называемый механизмом правового регулирования» [6, с. 158]. Как мы видим, для данного случая «правовые явления», «правовые средства» и «правовые инструменты» рассматриваются как тождественные понятия.

В теории права более высокого порядка – теории инструментальной – понимание права опирается не только на догму права, но и на *юридический инструментарий* – на весь обширный и многообразный *комплекс правовых средств*, что и позволяет увидеть во всей полноте «свою» своеобразную логику права» [5, с. 312]. «Правовые средства и юридические механизмы, по мнению С.С. Алексеева, являются *юридическим инструментом*» [7, с. 167]. В теории права в качестве правовых средств выступают нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения и наказания, акты реализации прав и обязанностей и т.д. Высказанная позиция близка взглядам А.В. Малько, который под *правовыми средствами* понимает *юридические инструменты (явления)*, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных целей» [8, с. 282]. Как видим, понятие «юридический инструментарий» охватывается понятием «правовые средства».

2. Основные инструменты таможенного регулирования

Рассмотрим основные инструменты таможенного регулирования.

Таможенное право как под отрасль административного права. С точки зрения С.С. Алексеева, в цивилизованном обществе именно *право* является одним из главных инструментов, способных обеспечить организованность общественной жизни, начала общественной дисциплины, нормальное функционирование всего общественного организма, действенность социального управления. По мнению этого ученого, право как высокоэффективный и целесообразный социальный регулятор – это, прежде всего, инструментальная или, по иной терминологии, служебная ценность, т.е. ценность, выступающая в качестве *инструмента, орудия, средства*, обеспечивающего функционирование других социальных институтов (государства, социального управления, морали и пр.), иных социальных благ» [7, с. 164].

Нормы таможенного права. Инструментом, с помощью которого естественно-правовые притязания превращаются в субъективные права, являются *нормы позитивного права* [7, с. 199]. Социальные нормы имеют предписывающий характер². Как *инструмент*

¹ Правовое регулирование – это процесс наделения участников общественных отношений правомочиями, обязанностями, ответственностью (дозволениями, запретами, управомочиями), реализации этих правомочий, обязанностей, ответственности, превращения этих участников в субъектов правовых отношений [3].

² Они устанавливают запреты, дают эталоны поведения.

общественного регулирования они всегда в той или иной степени «внешний» регулятор, обеспечиваемый определёнными средствами воздействия на поведение людей» [9, с. 67].

Правовые институты таможенного права. Наряду с нормами позитивного права в группу правовых инструментов входит *правовые институты*³. Ученые аргументированно рассматривают правовые институты права в качестве *юридического инструментария* [11, с. 354]. Применительно к таможенному регулированию система таможенного администрирования характеризуется множеством правовых институтов.

Нормативные акты в сфере таможенного регулирования. В исследуемую нами группу правовых явлений включены *нормативные акты* – инструменты развития, изменения нормативной основы механизма; с их помощью обеспечивается введение в правовую систему новых норм, их изменение, отмена устаревших предписаний [9, с. 413].

Дозволения, запреты, позитивные обвязывания в сфере таможенного администрирования. Согласно теории права, систему правового регулирования образуют различные *способы, методы, приемы*, которые используются правом в регулировании общественных отношений. Это арсенал *юридических инструментов*, которыми располагают органы государства [12]. Известны три *способа правового регулирования*: дозволение, обвязывание и запреты.

Правовой механизм в сфере таможенного администрирования. Правовой механизм как правовое явление можно отнести к собирательному понятию «инструменты таможенного регулирования». Под правовым механизмом понимают совокупность правовых норм, правоотношений и юридических актов, участвующих в правовом воздействии и существующих в виде динамической, внутренне единой системы, элементы которой приобретают новые свойства именно в результате своего взаимодействия» [13, с. 11].

Административно-правовые режимы (таможенные процедуры). Переходя к анализу очередного правового явления из группы инструментов таможенного регулирования, отметим следующее. Если *правовой механизм* – это сугубо инструментальная субстанция, особый «набор» (как правило, достаточно большой) *нескольких правовых инструментов*, то *правовой режим* – это более обширный комплекс правовых средств, включающий множество отдельных правовых инструментов, механизмов и охватывающий определенный набор методов и типов правового регулирования.

Юридические конструкции в области таможенного регулирования. Следующим инструментом таможенного регулирования мы называем *юридические конструкции*⁴. Считается, что они являются наиболее совершенным юридическим инструментарием, о котором вполне справедливо принято говорить при решении вопросов об использовании права в соответствии с назревшими жизненными задачами» [5, с. 242].

Формы управления в сфере таможенного регулирования. Следующим инструментом таможенного регулирования можно назвать формы управления. Установленные законодательно и выработанные многолетним опытом осуществления управленческих функций, а также новаторские (вновь возникшие) управленческие формы, связанные с техническим прогрессом и эволюцией человеческой цивилизации в целом, представляют собой *набор инструментов* в руках должностных лиц управляющих субъектов. Их административное усмотрение заключается в выборе существующих форм государственного управления для выполнения возложенных на них и представляемые ими органы задач.

Программы, концепции развития и совершенствования таможенного регулирования (как акты государственного управления в сфере таможенного дела). По нашему мнению, отдельную группу актов управления составляют различные *программы, планы мероприятий*⁵, *концепции*⁶ как комплексные правовые явления [16], связанные с развитием таможенного регулирования.

³ Правовой институт – это элемент отрасли права, включающий совокупность юридических норм, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений [10, с.105].

⁴ Под «юридической конструкцией» понимается своеобразное и устойчивое построение прав, обязанностей, ответственности, их типовые схемы, модели, в который облекается юридический материал [6].

⁵ См.: План мероприятий («дорожную карту») «Совершенствование таможенного администрирования» [14].

⁶ См.: например, Концепция системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации [15].

Выводы

Результаты проведенного анализа позволяют выделить основные инструменты таможенного регулирования из массы правовых явлений (правовых средств), провести их классификацию, а также сформулировать выводы об их правовой природе. По нашему мнению, соотношение инструментов таможенного регулирования и средств таможенного регулирования соотносится как часть и целое. Понятие «инструмент таможенного регулирования» можно рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае под инструментами таможенного регулирования следует понимать определенный набор административно-правовых установлений (правовых средств), а также деятельность в области государственного управления и судебная практика по рассмотрению споров в сфере таможенного дела, которые оказывают воздействие на таможенные правоотношения. Данные инструменты являются сугубо административно-правовыми.

В широком смысле понятие «правовые инструменты таможенного регулирования» включают административно-правовые средства таможенного регулирования, а также экономические средства, приемы, методы регулирования внешнеторговых отношений.

По нашему мнению, инструменты таможенного регулирования – отдельная группа правовых средств, регулирующих таможенные правоотношения в сфере таможенного администрирования. Данная группа правовых явлений является *правовыми установлениями*, которые закрепляют права и обязанности субъектов таможенных правоотношений. Понятие «инструменты таможенного регулирования» связано с правовыми формами управленческой деятельности⁷ и характеризуется наступлением или возможностью наступления определенных прямых правовых последствий для участников ВЭД, в отношении которых эта деятельность осуществляется [18]. Инструменты таможенного регулирования являются неотъемлемой составной частью механизма государственного регулирования деятельности участников внешнеторговых отношений. Следовательно, правовые инструменты таможенного регулирования не охватывают такие правовые явления (которые входят в группу правовых средств), как юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения и наказания. По своему содержанию понятие «инструменты таможенного регулирования» несколько уже понятия «средства таможенного регулирования».

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Таможенный кодекс ЕАЭС вступил в силу. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2018-1.aspx> (дата обращения: 07.02.2018).
2. Буваева Н.Э. Таможенное дело и таможенное регулирование: определение понятий и их взаимосвязь // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1(41).
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lawcanal.ru/html.acti.uchebniki.actii.tgp.html> (дата обращения: 08.02.2018).
4. Алексеев С.С., Архипов С.И., Корельский В.М. и др. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учебник для вузов. 1998 г. URL: <https://studfiles.net/preview/429744/> (дата обращения: 08.07.2018).
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. 558 с.
6. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 8. Учебники и учебные пособия. М.: Статут, 2010. 480 с.
7. Алексеев С.С. Теория права. М.: Бек, 1995. 320 с.

⁷ Правовые формы государственного управления могут непосредственно выражаться в следующем: издание правовых актов управления (нормативного или индивидуального характера); заключение административных договоров; совершение юридически значимых действий или действий юридического характера на основе закона или на основе изданного правового акта управления [17].

8. Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2001. 776 с.
9. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
10. Правоведение: учебник для вузов / Под ред. М.И. Абдулаева М.: Финансовый контроль, 2004. 561 с.
11. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 7. Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.
12. Система правового регулирования и ее элементы [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/1_102329_sistema-pravovogo-regulirovaniya-i-ee-elementi.html (дата обращения: 15.02.2018).
13. Кузнецова С.В. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 1(57) 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-pravovoy-mehanizm> (дата обращения: 19.02.2018)
14. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование таможенного администрирования»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.06.2012 № 1125-р: по состоянию на 15.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении Концепции системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации: приказ ГТК Российской Федерации от 26.09.2003 № 1069: по состоянию на 15.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
16. Некрасов Д.В. Программа для уполномоченного экономического оператора [Электронный ресурс] // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2014. № 2. URL: <http://www.customs-academy.net/?p=5443> (дата обращения: 21.07.2018).
17. Правовые формы государственного управления [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/5269494/page:3/> (дата обращения: 21.07.2018).
18. Виды форм государственного управления [Электронный ресурс] URL: <https://studfiles.net/preview/5269494/page:3/> (дата обращения: 21.07.2018).

М.А. Kadyrkulov

TO THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF INSTRUMENTS OF CUSTOMS REGULATION

The article examines the legal and theoretical aspects of the classification of instruments of customs regulation in the context of ongoing work to improve customs administration in the Member – States of the Eurasian Economic Union. The article is addressed to a wide range of specialists in the field of customs law and improvement of customs regulation.

Keywords: *The Eurasian Economic Union; EEU; The Eurasian Economic Commission; EEC; customs regulation; customs; instruments of customs regulation.*

УДК 339.543.3

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ ПО ИМПОРТУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2018 г. **Е.Н. Беляева**

В статье рассмотрены этапы прогнозирования импортной составляющей таможенных платежей, администрируемых Южным таможенным управлением. Выполнен анализ импортных операций, совершенных в регионе деятельности Южного тамо-

женного управления в 1 квартале 2018 года с целью выявления причин отклонения фактических значений отдельных показателей от параметров прогноза таможенных платежей.

Ключевые слова: прогнозирование; импорт; товарная структура импорта; внешнеторговый оборот; продовольственный импорт; внешняя торговля; участник внешнеэкономической деятельности; экспертная оценка.

Введение

Формирование доходной части федерального бюджета в части доходов, администрируемых таможенными органами по импорту (далее – таможенные платежи) – сложный многоплановый процесс, который является одним из приоритетных направлений деятельности таможенных органов [1]. Большое значение в этом процессе отводится прогнозированию таможенных платежей, которое осуществляется с использованием математического аппарата и на основе экспертной оценки возможных всплесков прогнозируемых параметров во взаимодействии с таможнями Южного таможенного управления (далее – ЮТУ) [2]. На его основе формируется контрольное задание по таможенным платежам. Совершенствование подходов в рассматриваемом аспекте не теряет актуальности.

1. Этапы прогнозирования таможенных платежей по импорту в регионе деятельности ЮТУ

Прогнозирование таможенных платежей базируется на расчете параметров, в качестве которых выступают: вес нетто товара, индекс таможенной стоимости (далее – ИТС), средневзвешенная ставка (далее – СВС), курс доллара США. Таможенные платежи представляют собой произведение этих параметров:

$$\text{ТамПл} = \text{Вес} * \text{ИТС} * \text{СВС} * \text{Курс}, \quad (1)$$

где ТамПл – сумма таможенных платежей, в том числе по видам (сумма ввозных таможенных пошлин, НДС, акциз);

Вес – вес нетто товара в кг;

ИТС – индекс таможенной стоимости, долл. США/кг;

СВС – средневзвешенная ставка как частное от деления суммы таможенных платежей на стоимость;

Курс – курс доллара США.

Прогнозирование по импорту осуществляется по видам таможенных платежей в отношении выделенных ФТС России товарных групп ТН ВЭД ЕАЭС и по остальным группам в целом отдельно по странам дальнего зарубежья и странам СНГ.

Решение задачи прогнозирования таможенных платежей базируется на анализе рядов динамики облагаемого объема ввоза/вывоза в натуральном выражении, индекса таможенной стоимости и средневзвешенной ставки таможенных платежей (по видам таможенных платежей), прогнозировании эконометрическими методами обозначенных показателей и выявлении нехарактерных изменений в рядах динамики этих показателей [3].

Следует отметить, что уровни ряда динамики формируются под влиянием 3-х групп факторов:

постоянно действующих факторов, определяющих тенденцию развития показателя;
периодически действующих факторов;
разовых кратковременных факторов, действующих разнонаправлено и оказывающих случайное влияние на динамику показателя.

Формирование прогноза таможенных платежей осуществляется в несколько этапов:

- На уровне ФТС России осуществляется автоматический расчет параметров прогноза для региональных таможенных управлений в рамках АС «Прогнозирование».
- Региональные таможенные управления осуществляют выявление нехарактерных изменений в рядах параметров прогноза с учетом анализа изменений размаха времен-

ного ряда в разные периоды времени, выявления кратковременных, разовых факторов, которые могут обусловить амплитудные выбросы в прогнозируемом периоде.

- Реализация мероприятий в рамках этого этапа предусматривает использование математического аппарата, а также использование различных источников информации, включая результаты анализа внешнеторговых операций, взаимодействия с администрациями субъектов РФ, инвестиционных проектов, программ импортозамещения и т.д., как на уровне аппарата ЮТУ, так и на уровне таможен.

В целях оптимизации взаимодействия таможен и аппарата управления в вопросах обоснования корректировок параметров прогноза и экспертной оценки причин отклонений от него в Южном таможенном управлении разработана интерактивная среда (рис. 1), позволяющая в электронной табличной форме по каждому параметру прогноза с учетом уровня агрегирования данных таможенным заполнять графы, касающиеся абсолютных изменений параметров прогноза и обоснований этих изменений. На уровне ЮТУ осуществляется обобщение этой информации и корректировка параметров прогноза в целом по ЮТУ.

- Оценка качества расчета параметров прогноза с учетом корректировки на основе сопоставления с фактическими значениями этих параметров и последующим выявлением причин этих отклонений. При этом таможенными осуществляется заполнение граф поименованной электронной таблицы, касающихся внесения информации о причинах отклонений от прогноза.

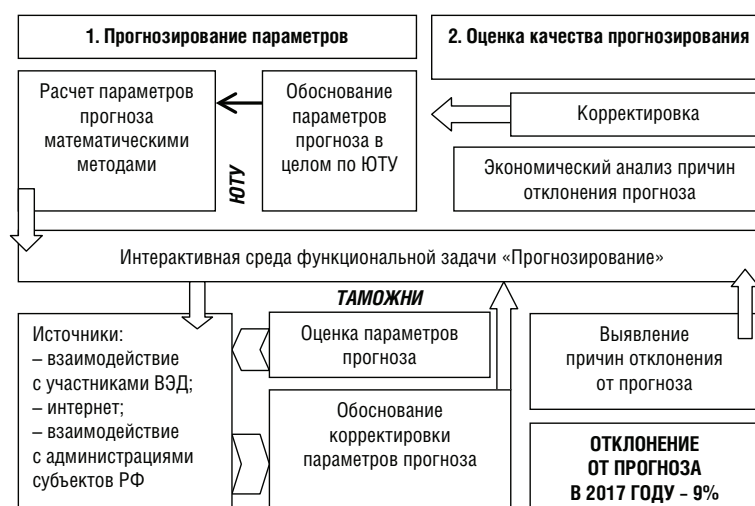

Рис. 1. Этапы прогнозирования таможенных платежей по импорту

Интерактивная среда предусматривает возможность актуализации информации уполномоченными должностными лицами таможен и визуализации этой информации в реальном времени, доступной на уровне таможен и аппарата ЮТУ.

АС «Прогнозирование» и используемые математические подходы позволяют выделить сглаженный тренд по показателю, но качество прогноза таможенных платежей во многом зависит от упреждающего выявления всплесков, амплитудных значений прогнозируемых параметров. Однако в этих процессах, к сожалению, зачастую не выявляется циклическая составляющая, что в ряде случаев негативно влияет на результаты корректировок параметров прогноза [4].

Кроме того, усложняет работу, во-первых, высокая доля в импорте ЮТУ импортеров других федеральных округов РФ – в течение 3-х последних лет порядка 40 %. Такое постоянство долевого участия федеральных округов РФ свидетельствует о том, что изменение мест таможенного декларирования товаров между региональными таможенными управлениями ФТС России в значительных объемах не происходит.

Во-вторых, обновление практически наполовину круга импортеров в целом. Поэтому новые участники ВЭД в ряде случаев являются основной причиной отклонения факти-

ческих значений показателей от соответствующих параметров прогноза. Низкая степень концентрации участников ВЭД по таможенным платежам, т.е. точные сведения по 100 импортерам, определяют не более 70 % объемом импорта и платежей.

2. Анализ исполнения прогноза по импортной составляющей таможенных платежей в разрезе отдельных товарных агрегатов

Анализ отклонения фактических значений показателей от прогнозируемых значений параметров прогноза таможенных платежей проведен по итогам 1 квартала 2018 года.

В 1 квартале 2018 года ЮТУ в федеральный бюджет перечислено 36 млрд руб., что составляет 113,9 % установленного в размере 31,6 млрд руб. плана, перевыполнение составило 4,4 млрд руб. По импорту перечислено 35,3 млрд руб. при плане 31,1 млрд руб., процент выполнения 113,64 %, по экспорту – 365,7 млн руб. при плане 283,4 млн руб., план выполнен на 129,04 %.

Анализ результатов прогнозирования показал, что в целом по импорту ЮТУ таможенные платежи превысили прогноз на 27 % или на 7,3 млрд руб., в том числе по странам ДЗ на 26 % или 6 млрд руб., по странам СНГ на 36 % – на 1,3 млрд руб. Из результатов факторного анализа следует, что основной причиной отклонений от прогноза является расширение физических объемов импорта из стран дальнего зарубежья – 4,9 млрд руб. За счет уровня средневзвешенных ставок суммы таможенных платежей увеличились на 1,16 млрд руб., за счет ИТС – на 0,5 млрд руб. При этом влияние курса доллара – минус 759 млн руб.

В целом весовые объемы импорта увеличились в сравнении с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ) вдвое или на 1,6 млн т (1 кв. 2018 г. – 3,3 млн т, АППГ – 1,7 млн т) в основном за счет стран СНГ (80 % прироста по весу ЮТУ, 1,3 млн т), стоимость – на 22 % или на 506 млн долл. США (2,8 млрд долл. США), (АППГ – 2,28 млрд долл. США), Платежи – на четверть или на 6,6 млрд руб. [5].

При этом импорт из дальнего зарубежья демонстрирует менее сдержанный рост – по весу на 20 % или на 0,3 млн т (1 кв. 2018 г. – 1,6 млн т, АППГ – 1,3 млн т), что покрывает 20 % прироста по весовым объемам импорта ЮТУ, по стоимости – на 9 % или на 190 млн долл. США (1 кв. 2018 г. – 2,3 млрд долл. США, АППГ – 2,1 млрд долл. США), что покрывает 45 % прироста по стоимости импорта ЮТУ. Таможенные платежи увеличились на 13 % или на 3,4 млрд руб. (1 кв. 2018 г. – 29 млрд руб.).

Объемы поставок из стран СНГ увеличились почти в 4,5 раза (по весу 1,78 млн т, рост в 4,4 раза (АППГ – 0,4 млн т) по стоимости – в 3,5 раза 0,46 млрд долл. США, рост в 3,5 раза (АППГ – 0,13 млрд долл. США) или на 0,33 млрд долл. США (55 % прироста по стоимости импорта ЮТУ). Таможенные платежи увеличились в 3 раза до 5 млрд руб. (АППГ – 1,7 млрд руб.) [5]. В результате на долю стран СНГ пришлось более половины весовых объемов импорта ЮТУ. Учитывая доминирующую роль в этом сегменте черных металлов (чугун) и угля с ИТС до 50 центов платежи обеспечили только 15 % перечислений по импорту управления. Такая ситуация стала определяющей причиной отставания темпов роста таможенных платежей и стоимости относительно веса.

По обозначенным причинам по странам СНГ прогноз таможенных платежей превышен на 1,3 млрд руб. причем как за счет расширения весовых объемов, так и за счет роста среднего уровня ИТС (0,26 долл. США за кг, АППГ – 0,19 долл. США за кг).

Детально рассмотрим динамику импорта из дальнего зарубежья. Сельскохозяйственные, потребительские товары, машиностроительная продукция и товары химической отрасли формируют характер и содержание импортных операций, совершенных в регионе деятельности ЮТУ, и обеспечивают более 85 % таможенных платежей.

Наличие портов в Краснодарском крае (г. Новороссийск, г. Геленджик), расширение площадей продовольственных распределительных складов в Южном федеральном округе (далее – ЮФО), выгодная логистика при ввозе товаров из Турции на фоне восстановления торговых отношений, а также Египта, Израиля, Китая, определяют предпочтения географической направленности товарных потоков [6]. В регионе деятельности ЮТУ

декларируется более 80 % российского импорта из Египта, 70 % – из Турции, 9 % – из Израиля, десятая часть китайских товаров.

По этой причине, а также в связи с сельскохозяйственной специализацией округа (наличие в регионе значительных производственных мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья (табачная промышленность, производство кофе, вино-водочные предприятия и др.), востребованность в семенном фонде для сельскохозяйственных угодий) товары пищевой промышленности обеспечивают более 60 % весовых объемов импорта и треть таможенных платежей из стран дальнего зарубежья – 10,5 млрд руб.

Объемы импорта товаров отрасли возросли на треть по весу (на 240 тыс. т) – это 80 % приращения по импорту из стран дальнего зарубежья. Основные причины расширения поставок – заключение дополнительных контрактов в начале 2018 г. на цитрусовые, несмотря на введение пошлин; поддержание на уровне прошлого года нетипичных для ЮТУ поставок из Египта (112 тыс. т, типичные до санкций – около 90 тыс. т), замещение поставок яблок из Сербии (ввиду неурожая) яблоками из Турции (28 тыс. т), многократный рост поставок картофеля (112 тыс. т, АППГ – 27 тыс. т), а также расширение поставок масел (177 тыс. т, АППГ – 119 тыс. т) в связи со снижением мировых цен. По этим причинам прирост таможенных платежей в целом по отрасли превысил 1,6 млрд руб., в том числе по фруктам – 0,9 млрд руб. (4,0 млрд руб., АППГ 3,1 млрд руб.), по овощам – 0,6 млрд руб. (1,9 млрд руб., АППГ – 1,3 млрд руб.), по маслам – 0,1 млрд руб. (0,7 млрд руб., АППГ – 0,8 млрд руб.) [5].

Такая ситуация обусловила превышение прогнозируемых весовых объемов и средних индексов стоимости по обозначенным группам, за исключением овощей, в целом на 2,5 млрд руб., а это 40 % общей суммы отклонений по странам дальнего зарубежья. При этом за счет поставок картофеля с уровнями ИТС до 50 центов средний уровень стоимости по товарной группе 07 ТН ВЭД ЕАЭС не достиг прогнозных значений (факт 0,76 долл. США за кг, прогноз ИТС – 1 долл. США за кг) и суммы таможенных платежей стали ниже прогнозируемых на 18 % или 400 млн руб.

Следующий по значимости сегмент импорта – потребительский сектор, который обеспечивает 20 % платежей ЮТУ – 6,1 млрд руб. (АППГ – 5,7 млрд руб.). Прирост по таможенным платежам в 350 млн руб. обусловлен расширением поставок обуви и бытовой техники. Импорт обуви обеспечен поставками крупных предприятий сетевой торговли, а также производством обуви в ЮФО (в 2017 г. округ позиционируется на 2-м месте по выпуску обуви в России) [6]. Расширение торговых площадей в ЮФО предприятиями сетевой торговли, а также его финансовые возможности по приобретению летней коллекции в нетипично ранний период обусловили наращивание поставок обуви. Поэтому весовые объемы этой товарной группы увеличились на 60 %, средний ИТС – с 13 до 15 долл. США за кг, платежи возросли почти вдвое – на 600 млн руб. (1,2 млрд руб., АППГ – 600 млн руб.). Это основная причина превышения прогноза по группе, которая не могла быть учтена при прогнозировании.

Пятая часть потребительских товаров – это бытовая техника, представленная в основном нагревателями, холодильниками, стиральными машинами, насосами, что обусловлено ростом производства строительной отрасли в ЮФО, включая индивидуальные загородные застройки (2,7 % в 2017 г. на фоне спада по России на 1,6 %). Суммы таможенных платежей увеличились на 50 млн руб.

Экономическая специализация ЮФО определяет значительную долю импорта товаров для сельскохозяйственного машиностроения, энергетического оборудования, а также транспорта.

Машинное оборудование обеспечивает около 15 % таможенных платежей по импорту – по итогам квартала это 4,6 млрд руб. (АППГ г. – 4,2 млрд руб.), что на 10 % или на 400 млн руб. больше, чем годом ранее. Этот сектор чувствителен к разовым дорогостоящим поставкам. Ряд предприятий металлургической промышленности, включенных в стратегическую инвестиционную программу, ввозили оборудование для переоснащения собственных производственных мощностей.

Таким образом, в целом по оборудованию и электрическим машинам (товарная группа 85 ТН ВЭД ЕАЭС) средний ИТС увеличился с 8,5 до 11,5 долл. США, что стало определяющим фактором роста таможенных платежей и превышения прогноза по таможенным платежам на 29 % или на 400 млн руб. (1,1 млрд руб., АППГ – 0,66 млрд руб.). Фактические весовые объемы по группе незначительно превысили прогнозируемый уровень этого показателя.

В сегменте продукции химической отрасли, определяющей десятую часть таможенных платежей ЮТУ – 3,1 млрд руб., возросли поставки пластмасс (39 ТН ВЭД ЕАЭС). Расширение строительства в округе обусловило повышенный спрос на полимеры для производства пластиковых окон, связующие вещества для производства кирпичей, плитки, а также пластиковой тары, бутылок в рамках наращивания процессов импортозамещения. Однако для этого сектора характерна нерегулярность поставок крупными импортерами иных федеральных округов РФ. Это объективные причины значительного отклонения фактических таможенных платежей от прогнозируемых значений. По этой причине объемы по итогам квартала за счет январских поставок возросли на 50 % (33 тыс. т, АППГ – 21 тыс. т), прогноз по весу превышен на треть, таможенные платежи – на четверть или 215 млн руб. [5].

По этим же причинам отмечен восходящий тренд объемов импорта строительных материалов – в основном сырья для производства плитки (полевой шпат), производства стекла (1 тыс. т). Прирост по таможенным платежам составил около 200 млн руб.

Выводы

Основной причиной значительных отклонений фактических уровней показателей от прогнозируемых значений являются объективные причины, носящие кратковременный, разовый характер, выявление которых на этапе прогнозирования затруднительно.

Для повышения качества расчета параметров прогноза таможенных платежей необходимо расширять взаимодействие с администрациями субъектов РФ, находящихся в регионе деятельности таможен и ЮТУ, с целью выявления ключевых направлений экономического развития субъекта РФ, использовать дополнительные источники информации, в качестве которых выступают региональные программы поддержки экспорта, импортозамещения, сведения о реализуемых инвестиционных проектах и т.д. На основе этой информации определять корреляционную зависимость экономической ситуации на динамику внешнеторговых потоков.

Таким образом, возможности для дальнейшего совершенствования этой работы целесообразно наращивать за счет расширения математического аппарата и аналитической составляющей внешней торговли.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. *Шуклина З.Н.* Оптимизация таможенно-тарифного регулирования при формировании государственного бюджета РФ // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 2(31). С. 35–40.
2. *Цвиль М.М., Карапетян А.А.* Прогнозирование с помощью адаптивных методов по данным внешней торговли Южного таможенного управления // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4(25). С. 112–117.
3. *Лукашин Ю.П.* Адаптивные модели краткосрочного прогнозирования временных рядов: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика. 2003. 416 с.
4. *Цвиль М.М., Кудрявцев О.Е., Любичкая Ю.И.* Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования физических объемов в регионе деятельности Южного таможенного управления [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2017. № 4. URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2017/4607> (дата обращения: 25.08.2018).
5. Данные ЮТУ по таможенной статистике внешней торговли. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮТУ. URL: <http://yutu.customs.ru> (дата обращения: 25.08.2018).

6. Статистический бюллетень «Информационно-статистические материалы о социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации» за 2016 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

E.N. Belyaeva

**EXPERT ESTIMATE OF SELECTED PARAMETERS
OF CUSTOMS PAYMENTS UNDER IMPORT USING ELEMENTS
OF ECONOMIC ANALYSIS**

The paper considers the stages of forecasting for import part of the customs payments administrated by the Southern Customs Directorate. The analysis of import operations carried out in the region of the Southern Customs Directorate in the 1st quarter of 2018 is performed to determine the reasons for deviating the actual values of certain indicators from the parameters of the forecast of customs payments.

Keywords: *forecasting; import; commodity structure of import; foreign trade turnover; food import; foreign trade; participant of foreign economic activity; expert estimate.*

УДК 339.924

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© 2018 г. М.Ю. Еременко

В работе систематизированы основные направления научной мысли о сущности понятия «международная экономическая интеграция». Проведено обобщение и предложены его определения с точки зрения различных научных школ, дана оценка подходов относительно развития этого понятия. Исследована эволюция либеральных и неолиберальных взглядов на процесс развития международной экономической интеграции, раскрыты основные принципы рыночной теории, институциональной школы, кейнсианства, а также рассмотрены основные положения функционализма и неофункционализма.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция; стадии международной экономической интеграции; модели международной экономической интеграции; эффективность международной экономической интеграции; таможенный союз; экономический союз; интеграционный процесс.

Введение

Дуалистическая природа взаимодействия глобализационных, интеграционных, дезинтеграционных и реинтеграционных процессов являются мейнстримом развития современной мировой цивилизации.

Процессы, которые в настоящее время происходят в международной экономической интеграции, являются одним из феноменов международных отношений, берущих свое начало еще с середины двадцатого века. Усиление различий, прослеживаемое в последние десятилетия в векторной направленности региональных интеграционных процессов в международных отношениях, особенно проявляются в формировании многополярной глобальной экономической системы.

При этом интеграционные процессы, развернувшиеся практически во всех регионах мира, представляют собой качественно новую форму межгосударственного взаимодействия, представляющую собой общее стремление к обновлению межгосударственных и общегосударственных экономических векторов развития.

Развернувшиеся во всех регионах мира интеграционные процессы являются отражением общего процесса формирования все более взаимосвязанной и взаимозависимой мировой экономики, которая приобрела в отдельных сферах глобальные масштабы, тем самым позволив их рассматривать в виде «сети сетей», а не как элементы цепочек создания стоимости.

Вследствие этого на сегодняшний день в мировой экономике рассматривает действие двух основных тенденций. На первый взгляд, возрастает действие определенных факторов, которые ведут к формированию ее целостности, то есть к самому процессу глобализации, который определен развитием экономических взаимосвязей между странами, либерализацией торговли, созданием современных систем обмена информацией и общей информатизацией.

Напротив, с другой стороны, проистекает в большей мере стремительное по историческим меркам экономическое сближение и взаимодействие стран на региональном уровне, происходит формирование крупных региональных интеграционных структур, которые создают относительно самостоятельные центры мировой экономики.

Цели формирования интеграционных процессов, которые чаще всего являются общими для всех интеграционных моделей, в каждом случае имеют разнообразную направленность и базируются на разнонаправленных принципах, определяемых историческими условиями экономического, валютно-финансового, политического, социального развития стран и регионов и свойственно сложившейся системе международных взаимоотношений в индивидуальных правовых условиях.

Организация определенного интеграционного процесса включает в себя создание специфических международных конструкций согласования принимаемых решений, обозначение алгоритмов их сочленения и реализации, а также разработку методов и механизмов контроля за осуществлением принятых решений, являющихся своего рода базой для дальнейшей рационализации и развития.

1. Этимология категории «экономическая интеграция» и ее концепции

Термин «экономическая интеграция» впервые появился в 30-е годы XX века в работах шведских и немецких экономистов, а теоретическое обоснование было предложено еще в 70-80-х годах XIX в. представителями немецкой исторической школы Ф. Листом [1] и Г. Шмоллером [2].

В 40-х годах XX в. представитель американской экономической науки Дж. Вайнер выдвинул концепцию таможенного союза, которую осветил в работе «Проблемы таможенного союза» (1950), она заключалась в измерении количественного эффекта от таможенного союза из-за возрастания благосостояния страны, что объединялось на основе принципа сравнительных преимуществ и, проследив положительные и отрицательные эффекты от интеграции, ввёл понятие «потокообразующего» и «потокоотклоняющего» эффектов интеграции [3]. Основной целью данной работы было обоснование создания зон свободной торговли, предназначенных для свободного беспошлинного перемещения товаров внутри неё и аргументация в пользу единого тарифа от товаропотока из внешних стран. Базисом являлся сравнительный анализ развития и эффективности торговли стран при условии обособленного функционирования таможенного тарифа в каждой из них, а также создания таможенного союза и установления общего таможенного тарифа в отношении третьих стран.

Учёный также доказывал, что при создании таможенного союза товары, традиционно покупаемые на внутреннем рынке, могут стать дороже, чем аналогичные импортированные. После возникновения таможенного союза заграничный товар становится дешевле отечественного, что тем самым приводит к отрицательной динамике потребления товаров, производимых на внутреннем рынке, и к переориентации на товары, производимые за границей. Данный вывод Дж. Вайнер назвал третьим результатом – «эффектом создания торговли, когда возникает торговля без таможенных ограничений, ее масштабы растут, благосостояние всех стран повышается и возрастает уровень специализации» [3].

Отрицательными моментами данной теории являлась её «теоретичность» и неоднозначность последствий применения на практике, когда отдельно взятая страна достигает равноценных или более высоких показателей, чем страна интеграционного объединения, что и создает четвёртый результат – эффект отклонения торговли. Он указывает на переориентацию закупки товара местными потребителями у более эффективного, внеинтеграционного производителя на менее эффективный внутриинтеграционный источник, что происходит в результате устранения пошлины в рамках таможенного союза [4]. От корреляции эффекта отклонения торговли и эффекта укрупнения торговли будет зависеть уровень обеспеченности стран-участниц. На практике эффект создания торговли является большим, чем эффект отклонения. В действительности данная теория была воплощена в 1957 году в связи с созданием Европейского экономического сообщества. Но оказалось, что в концепции не был исследован аспект размещения производства, вследствие чего это породило неравномерность экономического развития. Ф. Лист выступал за «воспитательный протекционизм», базировавшийся на стадиях (периодах) социально-экономического развития государства. С его точки зрения, при

выравнивании уровней развития стран, свободная торговля приведёт к созданию общемирового сообщества и международного союза промышленных стран.

Представители другой школы Р. Кеохэйн и П. Робсон [5] считали интеграционное объединение «элитным клубом», вступление в который являлось престижным. Их теория «доминирующих неэкономических факторов» объясняла мотивацию интеграции внеэкономическими факторами, главной целью которой был престиж страны и улучшение её имиджа в мире, интеграция же объяснялась с политической точки зрения. Продолжением этих положений стал подход, который заключался в том, что государству через интеграционные группировки сравнительно легче достичь своих целей, таких как обеспечение роста производства, занятости, общественной стабильности и безопасности. Экономисты пытались доказать, что положительных эффектов при создании таможенного союза в значительной степени больше, чем при проведении государством самостоятельной политики либерализации. Критики этого направления сошлись во мнении (Р.Г. Липси и др.), что на практике в интеграционной группировке с большими усилиями стоит обеспечить однородность взглядов всех государств-членов, а противоречия между ними приводят к незначительным экономическим эффектам от интеграции. В дальнейшем на основе данных подходов учеными П. Робсоном, А. Рюгманом была разработана новая концепция, согласно которой государства стремятся к интеграции своих экономик для преодоления «факторов ограничения», так как стране выгодно покупать сырьё, ограниченные ресурсы, а также заимствовать новейшие технологии в странах-членах объединения.

2. Рыночно-институциональные теории как этап развития теории международной экономической интеграции

Следующим этапом концептуального развития теории международной экономической интеграции стали рыночно-институциональные теории. Интеграция рассматривалась как процесс и как состояние экономики и хозяйственной политики.

Явление международной экономической интеграции на макроуровне опирается на теорию интернационализации, которую развили такие известные учёные, как П. Баркли и М. Кесон [6]. Макроуровень международной экономической интеграции подробно был описан в исследованиях как отечественных, так и зарубежных экономистов. Такая интеграция прослеживается в следующих основных формах: зонах преференциальной и свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, экономического и политического союзов.

Развитие либерального направления приходилось на 60-е годы, когда начинались европейские интеграционные процессы. Интеграция предусматривала отмену количественных и таможенных ограничений.

Представитель неоклассического направления в экономической науке А. Маршал (1963) рассматривал экономическую интеграцию как процесс, основанный на статических сравнительных преимуществах, что противоречило взглядам об интеграции однородных конкурентоспособных экономик. Учёный выступал за структурную экономическую интеграцию.

Со временем возникли новые теории, среди которых первой была теория неолиберализма. Экономисты неолиберального направления М. Алле, А. Мюллер-Армач [7], А. Предоль [8], В.Репке понимали под интеграцией «создание единого рыночного пространства на территории нескольких государств, где обеспечивалась свобода рыночных сил». Они считали, что необходимо запретить любое вмешательство государства во внешнеторговую и валютную сферы, и именно это должно привести к оптимальной работе расширенного рынка, функционирующего в соответствии с принципом сравнительных издержек.

Представители этого направления понимали, что решение таких проблем, как преодоление депрессии, отсталости некоторых регионов невозможно без изменения политического курса и контроля в интеграционных процессах. В общем неолиберальное или, как его ещё называют, рыночное (рыночно-институциональное) направление определяло

процесс интеграции как объединение рынков стран на основе принципов свободной торговли, обеспечивающих свободную игру цен и конкуренцию во взаимодополняющих экономиках. Интеграция понималась как унификация торговых и валютных проблем, устранение таможенных и валютных барьеров. Представители этого направления также впервые рассмотрели интеграцию в двух состояниях – как процесс и как состояние.

Кейнсианское направление теории международной экономической интеграции отражено в дирижистском течении, представителями которого были А. Филипп, Р. Купер и Б. Массел, Г. Мюрдаль, Э. Хаас и другие, считавшие, что проблемой международной экономической интеграции является поиск оптимального сочетания национальных программ безубыточной политики с обеспечением преимуществ, которые предоставляют тесное экономическое сотрудничество [9]. Но использовать эти преимущества можно только при условии делегирования части своих полномочий или передачи части автономии в центры определения экономических целей для их достижения. Э. Хаас в своих трудах «Динамика международных отношений» (1956) и «Объединение Европы: политические, социальные и экономические силы» (1968) выступал за активное вмешательство государства в рыночные процессы, координацию экономической, политической, социальной сфер. По его мнению, слияние рынков должно сопровождаться слиянием экономик. Э. Хаас был сторонником политического определения интеграции, по которому «под интеграцией понимается процесс, посредством которого лояльность политических факторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра принятия решений, который становится центром политической активности».

Кейнсианцы разделяют интеграцию на негативную и позитивную. Негативная предусматривала ликвидацию национальных административных и стоимостных барьеров. А позитивной является передача права принятия решений от национальных к межгосударственным органам.

Я. Тинберген [10], А. Маршалл, Ф. Перри [11], ведущие представители структурной школы, основали модель интеграции, в которой субъективные факторы играют ведущую роль. Идея этой школы основывается на определяющем значении политических факторов и попытке выделения аспектов интеграционных процессов. Я. Тинберген ввёл две модели интеграции: «отрицательную» (взаимное устранение дискриминации в отношениях между хозяйствующими субъектами) и «позитивную» (разработка и проведение согласованной экономической политики) [10].

Что касается другого направления, то его представители – С. Хаймер, Р. Барнет – связывают интеграцию со свободным перемещением товаров, рабочей силы, капитала и технологий внутри интеграционного объединения. Учёные считали, что интеграция развивается неравномерно, концентрируясь в определённых секторах. Формально представители этой теории были близки по толкованию интеграции к представителям неоклассической теории, хотя, в отличие от последних, они считали, что средством регулирования в интеграционном объединении должна быть система централизованного распределения финансов [2].

3. Современный этап развития теории международной экономической интеграции

Современное понимание международной экономической интеграции прослеживается в развитии традиционной теории, рассматривающей процесс интеграции как создание новых товарных потоков между странами-членами интеграционного объединения, устраняющих производство более дорогих схожих товаров внутри страны. Товары, изготовленные в странах-членах объединения, вытесняют импортные.

Следует отметить, что на сегодняшний день нет единой теории, которая бы учитывала все внутренние и внешние факторы формирования интеграционного объединения, а также не учитывается фактор времени.

Наиболее чётко сформулированными сегодня являются две школы западноевропейской интеграции – «реалистичная» и «идеалистическая». Реалисты выступают за то,

что важнейшей задачей суверенного государства является содержание своего влияния и распространения его на остальной мир. Сторонники идеалистической школы считают, что традиционная национальная политика с позиции силы теряет своё значение в условиях растущей зависимости промышленных государств, то есть наблюдается политическая взаимозависимость, особенно в таких сферах, как экономика, технология и экология.

В рамках системного подхода к интеграционному взаимодействию государств следует выделить реальную, функциональную и институциональную интеграцию, которые происходят параллельно и взаимосвязано.

Реальная интеграция реализуется через интенсивность формирования и углубления экономических связей национальных экономических систем на различных уровнях, а также через политические и общественные контакты (рис. 1). Функциональная интеграция предусматривает формирование механизмов взаимодействия в экономической, политической, институционально-правовой и других сферах. Институциональная интеграция представляет собой процесс установления и расширения институциональных инструментальных и административных связей, правового оформления углубления взаимодействия государств, то есть создания институциональной среды в качестве базиса общественно-экономических отношений.

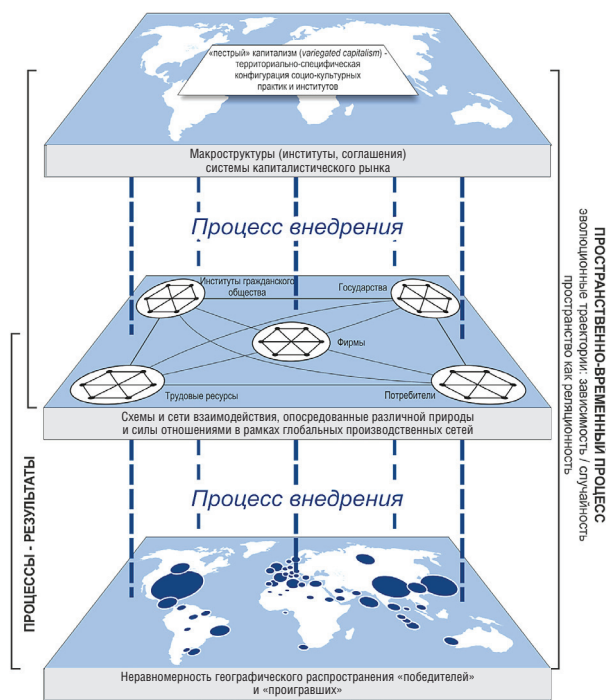

Рис. 1. Визуализация теоретико-методологического концепта международной экономической интеграции

Другая теория современности – «экономическая интеграционная модель» – базируется на идее внешнеэкономической политики, ориентированной на свободную торговлю.

Модель межправительственного сотрудничества предусматривает постепенное общее слияние государств в группировки. Эта модель относится к «реалистической» школе. Другая модель «европейского государства» предусматривает создание федеративного общего государства.

Две другие модели – «европейской государственной федерации» и «европейского государства» – похожи между собой и основываются скорее на правовых, а не экономических принципах. Сторонники функционализма указывали на необходимость функциональной связи между государствами. Другие учёные считали более приемлемой модель рыночной интеграции, которая была популярна в начале 80-х годов XX в., основной

задачей которой является контроль над всеми сферами экономической деятельности, но при условии обеспечения конкурентности.

Её сторонники предполагали, что оптимальных экономических результатов можно достичь только тогда, когда рыночные механизмы начинают функционировать беспрепятственно в пределах группировки, то есть без вмешательства государства.

Невзирая на множество существующих концепций развития теории международной экономической интеграции, единый подход в науке до сих пор не разработан. По мнению автора, на современном этапе невозможно говорить о международной интеграции только с экономической либо с политической точки зрения. Под данным процессом следует понимать политико-экономический процесс с различным уровнем сближения и иногда объединения государств с переплетением их экономических систем, с единой экономической политикой и наднациональным политическим управлением.

Выводы

В данной статье был представлен анализ действующих на сегодняшний день теорий и тенденций мировой экономики, следует отметить действие двух основных тенденций:

– первая заключается в нарастании действия факторов, ведущих к формированию ее целостности, то есть самого процесса глобализации, который вызван развитием экономических связей между странами, либерализацией торговли, созданием современных систем коммуникации и информации, мировых технических стандартов и норм.

– вторая тенденция представляет собой наиболее стремительное по историческим меркам экономическое сближение и взаимодействие стран на региональном уровне, формируются крупные региональные интеграционные структуры, которые создают относительно самостоятельные центры мировой экономики.

К настоящему времени в науке не сложились объективные условия для универсальных, общих форм межгосударственной экономической интеграции, хотя исследователи уже в течение длительного периода предпринимают попытки выявления общих черт и закономерностей.

При этом экономическая интеграция, как правило, сочетается с экономико-политической, что в целом подтверждается результатами анализа теоретических концепций, что доказывает комплексный характер интеграционных процессов. Данную форму интеграции следует признать естественной, а сочетание – логичным, поскольку именно экономико-политические факторы конвертируются в вопросы сферы национальной безопасности и являются базовым фактором повышения национальной и интеграционной конкурентоспособности, как отдельных стран-участниц интеграционного процесса, так и интеграционных группировок в целом.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии // 25 ключевых книг по экономике. Пермь: Урал LTD, 1995. 486 с.
2. *Шмоллер Г.* Народное хозяйство. Наука о народном хозяйстве и её методы. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 168 с.
3. *Viner J.* The Customs Union Issue / J. Viner. New-York, 1950.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. М., 2017. 960 с.
5. *Robson P.* The Economics of International Integration 4th Edition / P. Robson. London: Routledge, 1998. 352 p.
6. *Buckley P.* The Future of the Multinational Enterprise / Buckley P., Casson M. London, 1976.
7. *Мюллер-Армак А.* Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общей ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2017. 38–40 с.
8. *Предоль А.* Мировое хозяйство в перспективе // Международная экономика 1950. № 11. 1044–1065 с.

9. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. 2016. 260 с.
10. Timbergen, J. (1965). International economic integration, 2nd ed., Amsterdam: Elsevier.
11. Perroux F. Integration economique. "Qui integree? Au benefice de qui s'opere l'integration?". – Economie appliquee. Tome XIX. 1966. P. 400.

M.U. Eremenko

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL BASES FOR FORMING AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF INTERNATIONAL ECONOMIC INTEGRATION

The paper systematizes the main directions of scientific thought about the essence of the concept of "international economic integration". The generalization and proposed its definition from the point of view of different scientific schools, the assessment of approaches to the development of this concept. The evolution of liberal and neoliberal views on the development of international economic integration is studied, the basic principles of market theory, institutional school, keynesianism are revealed, and the basic provisions of functionalism and neofunctionalism are considered.

Keywords: international economic integration; stages of international economic integration; models of international economic integration; efficiency of international economic integration; customs Union; economic Union; integration process.

УДК 339.98

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ: ПРИЧИНЫ, МЕТОДЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2018 г. Т.Е. Кочергина

В статье рассмотрены причины, методы и последствия разворачивающейся глобальной торговой войны. На основе анализа структуры мировой торговли продукцией обрабатывающей промышленности дана характеристика позиций США, стран ЕС, Китая и России по применению мер тарифного и нетарифного регулирования в национальной внешнеторговой политике. Рассмотрена роль ВТО в мониторинге мер, облегчающих и препятствующих развитию мировой торговли. Сформулирована авторская позиция относительно возможных последствий развязывания глобальной торговой войны: сокращение мирового торгового оборота, рост количества международных торговых споров, значительный рост цен на внутреннем потребительском рынке.

Ключевые слова: международный конфликт; торговая война; крупнейшие экспортеры и импортеры в мировой торговле; ставки экспортных и импортных пошлин.

Введение

Конкуренция на международном рынке – это взаимодействие, взаимосвязь, взаимозависимость, соревнование и борьба продуцентов (стран – производителей) и поставщиков при реализации продукции, соперничество между отдельными производителями и/или поставщиками товаров и услуг за наиболее выгодные условия производства и сбыта с использованием различных методов и инструментов, в том числе мер тарифного и нетарифного таможенного регулирования. Поэтому зачастую сами правительства приходят к выводу о дискриминации национальных производителей и устанавливают новые правила

международного экономического (торгового, таможенного, налогового и т.п.) порядка, которые и приводят к возникновению конфликтов, в том числе в форме торговых войн.

В начале июля 2018 г. США и Китай – две крупнейшие экономики мира – ввели импортные пошлины на товары друг друга на \$34 млрд каждая. Вследствие чего Министерство торговли Китая обвинило США в «разжигании крупнейшей торговой войны в экономической истории», а президент Дональд Трамп пригрозил обложить пошлинами весь китайский импорт. Если откроется «второй фронт» в автомобильной отрасли, то в дальнейшем в данное противостояние будет втянуто гораздо больше стран [1]. В данную торговую войну включается и Россия. Премьер-министром Д.А. Медведевым подписано постановление о повышении пошлин на товары американского импорта (всего примерно на 80 товаров). Пошлины (от 25 до 40 %) вводятся на импорт из США нефтегазового оборудования, некоторых грузовых машин, строительно-дорожной техники, инструментов для обработки металлов и для бурения скальных пород, а также оптоволокон. Это ответ России на повышение в марте 2018 г. США импортных пошлин на металлы (до 25 %), в том числе алюминий (до 10 %) в целях защиты таких национальных отраслей, как железные дороги, судоходство, металлургия [2]. Одновременно председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер обратил внимание на вероятность в связи с принятыми США решениями отрицательных последствий для компаний, участвующих в нефтегазовых проектах России, из таких стран – членов ЕС, как Германия, Франция, Нидерланды, Австрия. Было заявлено, что в ЕС готовы защищать свои экономические интересы перед США и предпримут адекватные меры. Вслед за Евросоюзом повышение тарифов на импорт стали и алюминия, которые ввел американский президент Дональд Трамп, решила оспаривать в ВТО и Канада.

Тем самым можно предположить, что торговая война между США и остальным миром, начало которой положило принятие закона «о борьбе с врагами Америки» с помощью санкций, детерминирует развертывание глобальной торговой войны как минимум в треугольнике США – Россия – ЕС, постепенно приобретая реальные очертания.

Вот почему разворачивающаяся сегодня торговая война как столкновение между акторами по поводу ресурсов, статусов или власти, когда каждая из сторон стремится нейтрализовать, ослабить или устранить соперника, обуславливает необходимость более детального анализа ее причин, методов и последствий в целях определения адекватных механизмов ее прекращения и/или минимизации последствий для национальной и мировой экономики. Эти вопросы в настоящее время приобретают особую актуальность и определяют цель и задачи данной статьи.

Следует отметить, что вопросы определения сущности, структуры и причин международных конфликтов представлены в работах таких ученых, как А.Г. Дугин [3], З. Бауман [4], П.А. Цыганков [5], Л.О. Тернова и др. В публикациях В.С. Загашвили [6], А.Г. Здравомыслова [7], У.Ю. Гуськова и др. достаточно широко представлены результаты исследования экономических интересов России в условиях глобализации. Для аргументации своих позиций по методологическим и практическим аспектам теории международных конфликтов достаточно часто исследователи обращаются к работам Э. Бжезинского [8], Чанг Ха-Джун [9], К. Клаузевица [10], А.П. Никонова [11] и др. Результаты изучения функций и последствий конфликтов изложены в работах Л. Козера [12], Дж. Берковича (определившего роль посредничества в разрешении конфликтов), М. Дойча (представившего научной общественности теоретико-игровой подход к изучению конфликтов) и др.

1. Причины и методы международных торговых войн

К причинам, обуславливающим возникновение международных экономических конфликтов в форме торговых войн, относят объективные и субъективные факторы. Важно помнить, что торговые войны не всегда возникают по экономическим причинам, иногда они становятся следствием политических конфликтов. К современным причинам обострения отношений в мировой торговле, на наш взгляд, могут быть отнесены как минимум следующие.

Во-первых, неоднозначность и неравномерность распределения последствий глобализации. Вопрос: «Выгодна ли глобализация?» сегодня трансформируется в вопрос: «Кому она выгодна?». Разрыв между развитыми и развивающимися странами увеличивается, что обусловило появление теории о непреодолимости этого разрыва и/или о том, что страны к нему вплотную приблизились. В данном контексте одной из актуальных проблем современных международных экономических отношений становится проблема перераспределения условно мирового дохода в силу усиления взаимозависимости национальных экономик, роста потребительских стандартов и т.д., если не военными методами, то манипулированием доступными мерами и инструментами, в том числе таможенно-тарифного и нетарифного регулирования.

Известно, что глобализация сломала существовавшие веками границы и барьеры. А современный изоляционизм, как представляется, направлен на возвращение к понятным временам функционирования «национального государства», самодостаточной «экономической крепости», адекватной отражающим общий политический вектор развития в странах «золотого миллиарда» (яркий пример – Brexit).

Во-вторых, снижение объемов и темпов роста международной торговли продукцией обрабатывающей промышленности, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

Крупнейших экспортеры и импортеры продукции обрабатывающей промышленности, 2016 (млрд долл. США и %) [15, Р. 117]

	Стоимость	Доля в мировом экспорте / импорте				Годовое изменение в процентах			
		2000	2005	2010	2016	2010–2016	2014	2015	2016
Экспортеры									
ЕС	4290	43,0	45,2	40,2	38,2	1	4	-10	1
Страны вне ЕС (28) экспорт	1584	14,1	15,0	14,5	14,1	2	1	-11	-1
Китай	2004	4,7	9,6	14,8	17,9	5	6	-3	-7
США	968	13,8	10,0	9,5	8,6	0	3	-3	-14
Япония	573	9,6	7,5	6,8	5,1	-3	-3	-10	5
Гонконг	445	...	...	...	...	3	3	-1	-1
Южная Корея	444	3,3	3,5	4,1	4,0	1	3	-5	-6
Мексика	306	3,0	2,3	2,2	2,7	5	8	1	-2
Сингапур	259	2,5	2,5	2,6	2,3	0	1	-9	-3
Канада	205	3,7	2,8	1,9	1,8	2	3	-2	-2
Импортеры									
ЕС	3904	40,0	40,9	36,4	32,8	1	6	-8	0
Страны вне ЕС (28) импорт	1274	12,6	12,1	11,6	10,7	1	6	-5	1
США	1777	19,8	16,2	13,2	14,9	4	6	3	-2
Китай	1035	3,5	6,4	8,6	8,7	2	4	-8	-5
Гонконг	474	...	...	...	...	3	5	-3	-1
Япония	382	4,3	3,6	3,4	3,2	2	1	-8	3
Канада	313	4,1	3,2	2,8	2,6	1	1	-6	-3
Мексика	313	3,1	2,4	2,3	2,6	5	5	1	-2
Южная Корея	264	2,0	2,1	2,3	2,2	2	5	-2	-2
Сингапур	205	2,2	2,0	1,9	1,7	0	-2	-8	-1
Индия	189	0,5	0,9	1,5	1,6	3	3	1	1

При таких условиях можно предположить, что экономическая составляющая обострения отношений США с остальным миром связана с ведущей отраслью обрабатывающей промышленности – металлургией, а конкретнее – с производством стали. Считается, что в мире производится слишком много стальной продукции: в Китае – около 50 % мирового объема стали или около 800 млн тонн в год, в Европе – почти 168 млн тонн. В то же время ЕС поставляет в США в пять раз больше стали, чем Китай, который после повышения США тарифных ставок на импорт стали свои излишки (около 20 млн тонн) предполагает

реализовать на европейском рынке, что, вероятно, усложнит положение европейских сталелитейщиков [13]. Повышение США тарифных ставок на импорт стали объясняется и такой причиной, как необходимость реиндустриализации американской экономики, создание новых рабочих мест, увеличение объемов производства продукции в реальном секторе и т.д., так как ее деиндустриализация обусловила достаточно высокую зависимость страны от импорта, в том числе из Китая. Так, торговый дефицит США с Китаем достиг рекордной величины – 375 млрд долл. США по итогам 2017 года [14]. Именно эту проблему – сокращение торгового дефицита – и пытается решить президент США Д. Трамп.

В-третьих, если экономический конфликт развивается как война, то одна из сторон диктует, формирует, вырабатывает и применяет свои «правила игры». В этом контексте можно говорить о наступательной торговой войне со стороны США и оборонительной – со стороны остального мира.

Известно, что на государственном уровне методами ведения наступательной экономической войны во внешнеторговой сфере в зависимости от планируемых результатов могут являться повышение ставки импортных таможенных пошлин; понижение ставки экспортных таможенных пошлин; введение количественных ограничений; использование различных видов демпинга и т.д. Применение этих мер подпадает под действие норм ВТО.

Так, с 2009 г. ВТО регулярно контролирует торговую политику стран-членов организации и публикует результаты мониторинга. В докладе ВТО 2017 г. по результатам мониторинга информация о торговой политике была представлена 68 членами организации, в том числе странами – членами Европейского союза, что составляет более 40 % членов ВТО и покрывает более 87 % общего объема мирового импорта [15, Р. 74].

Рекомендации докладов ВТО направлены на повышение прозрачности развития торговой политики и возможность членам ВТО ознакомиться с обновленной картиной тенденций в международной торговой политике. Кроме того, эти выводы создают основу для упрощения процедур в мировой торговле и выработки адекватных мер.

Мониторинг начал проводиться сразу после наступления финансового кризиса в конце 2008 года, но его методика с тех пор значительно изменилась.

Последний отчет о мониторинге показывает, что с середины октября 2016 г. до середины мая 2017 г. членами ВТО было введено 74 новых ограничивающих торговлю мер, что составляет в среднем почти 11 мер в месяц. Это свидетельствует о значительном снижении количества мер по сравнению с предыдущим периодом (в среднем 15 мер в месяц), и отмечается их самый низкий среднемесячный уровень с 2008 г. [15, Р. 74].

В перечень мер, ограничивающих торговлю, по данным ВТО, входят введение нового импортного или экспортного тарифа, повышение существующего импортного или экспортного тарифа, введение импортных запретов или количественных ограничений, установление более сложных обычаев, правил, процедур и национальных требований.

По продолжительности эти меры могут быть временными или постоянными. За этот же период страны – члены ВТО применили 80 мер, направленных на содействие торговле, то есть чуть более 11 новых мер в месяц. Это второй самый низкий месячный уровень в среднем с начала мониторинга торговли с 2008 г.

Объем охвата облегчающих импорт мер (183 млрд долл. США) более чем в три раза превышает объем охвата ограничивающих импорт мер (49 млрд долл. США) и более чем в шесть раз выше, чем объем мер, направленных на облегчение мировой торговли (27 млрд долл. США) [15, Р. 75].

В отчетный период были инициированы расследования по отношению к 44 % принятым в мировой торговле мерам, в том числе 85% были связаны с антидемпинговыми расследованиями. Следует отметить, что в отчетный период страны-члены ВТО инициировали значительно больше расследований, направленных на прекращение действий по ограничению торгового оборота, что обусловило снижение применения запретительных мер по сравнению с пиком 2016 г. Анализ показал, что наиболее высокий уровень претензий продемонстрировала Европа, затем Средний Восток и, наконец, Латинская Америка [15, Р. 77].

Так как экономический конфликт в форме торговой войны является одной из форм разрешения экономического противоречия (антагонистического и неантагонистического), соответственно и последствия могут носить дисфункциональный (дисконструктивные, отрицательные последствия) или функциональный характер (конструктивные, положительные последствия).

2. Последствия развязывания глобальной торговой войны

О каких последствиях развязывания глобальной торговой войны может идти речь?

Совершенно однозначно, что странами, прямо или косвенно втянутыми в международный торговый конфликт, будут предприняты ответные меры, которые могут проявиться как односторонние и нескоординированные. Об этом уже объявили некоторые страны ЕС, Канада, а Россия и Китай уже предприняли соответствующие меры.

Мировая практика демонстрирует следующую причинно-следственную связь: сокращение торгового оборота страны с другими странами сталкивает национальную экономику в рецессию (например, причины Великой депрессии – повышение США в 1930 г. тарифных ставок на импортные товары и предпринятые со стороны других стран ответные меры).

С полным основанием можно утверждать, что пострадает глобальная торговля, объемы которой с 1998 по 2008 гг. росли в среднем на 6,5 % в год, после кризиса 2008 г. – в два раза медленнее, а в последние годы ее рост составляет чуть меньше 2 % [2].

Еще одно закономерное следствие развязывания торговой войны путем повышения ставок таможенных пошлин – значительный рост цен на внутреннем потребительском рынке.

Так как повышение импортных тарифов нарушает нормы ВТО, то начнутся разбирательства в арбитражном порядке, будет запущен процесс урегулирования торговых споров, что может длиться годами.

Выводы

Таким образом, в качестве причин развязывания современной глобальной торговой войны могут быть названы объективные и субъективные причины. К объективным причинам отнесены последствия глобализации, детерминирующие интересы развитых стран, в частности США, перейти на «самоокупаемость» и снизить импортозависимость, в первую очередь, от китайских товаров, в том числе стали. К субъективным причинам отнесены применяемые меры таможенно-тарифного регулирования, в частности путем повышения ставок таможенных пошлин, которые направлены на защиту интересов национальных производителей, но ущемляют интересы национальных потребителей из-за значительного роста цен на внутреннем потребительском рынке. Возможными последствиями развязывания глобальной торговой войны могут стать дальнейшее сокращение мирового производства и международной торговли; повышение конфликтности международных экономических отношений; усиление роли ВТО в урегулировании конфликтов между странами-членами этой организации. Специфика современных торговых войн заключается в том, чтобы не допустить/осложнить/сделать гораздо более дорогими иностранные товары на национальном рынке и в то же время снять аналогичные барьеры для своих товаров на зарубежных рынках. Такой подход осложняет формирование механизма разрешения конфликтной ситуации и уточнения адресности предполагаемых мероприятий на национальном и международном уровне, что обуславливает необходимость проведения дальнейших научных исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Торговая война началась. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/07/09/774927-torgovaya-voina-nachalas?utm_campaign=newspaper_09_07_2018&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (дата обращения: 10.07.2018)
2. Россия ответила пошлинами на введенные США торговые ограничения. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/07/08/774916-rossiya>

otvetila-poshlinami?utm_campaign=newspaper_09_07_2018&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (дата обращения: 10.07.2018)

3. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 578 с.

4. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.

5. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. 590 с.

6. Загашвили В.С. Экономические интересы России в условиях глобализации. М.: Магистр, 2010. 432 с.

7. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект пресс, 1996. 317 с.

8. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

9. Чанг Ха-Джун. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.

10. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, СПб: Мидгард, 2007. 864 с.

11. Никонов А.П. Кризисы в истории цивилизации. Вчера, сегодня и всегда. М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2010. 416 с.

12. Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. 205 с.

13. Смотров М. «Новый изоляционизм»: как на смену глобализации приходят торговые войны. [Электронный ресурс] // URL: https://wto.hse.ru/data/2017/08/04/1173600215/wts2017_e.pdf (дата обращения: 08.07.2018)

14. Торговые войны. [Электронный ресурс] // URL: https://www.aton.ru/about/news/torgovye_voyny_pochemu_ssha_peredumali_miritsya_s_kitaem/?utm_source=facebook&utm_medium=smm&utm_campaign=Engagement&utm_content=Kaminsky_torgovye_voyny (дата обращения: 07.06.2018)

15. World Trade Statistical Review. 2017. [Электронный ресурс] // URL: https://wto.hse.ru/data/2017/08/04/1173600215/wts2017_e.pdf (дата обращения: 12.07.2018)

T.E. Kochergina

THE TRADING WAR AS A FORM OF INTERNATIONAL CONFLICTS: CAUSES, METHODS, IMPLICATIONS

The article examines the causes, methods and consequences of the unfolding global trade war. Based on the analysis of the structure of world trade in manufacturing products, the characteristics of the positions of the United States of America, the EU countries, China and Russia on the application of measures of tariff and non-tariff regulation in the national foreign trade policy are given. The role of the WTO in monitoring the measures facilitating and impeding the development of world trade is considered. Author's position on the possible consequences of the unleashing of a global trade war is formulated: a reduction in world trade turnover, an increase in the number of international trade disputes, and a significant rise in prices in the domestic consumer market.

Keywords: international conflict; trade war; the largest exporters and importers in world trade; rates of export and import duties.

УДК 339.732

ИСЛАМСКИЙ БАНКИНГ В СИСТЕМЕ МИРОВЫХ ФИНАНСОВ

© 2018 г. Н.В. Мозолева

В статье исследован феномен исламского банкинга как особой формы ведения банковского дела, построенного по законам шариата. Автор рассмотрел ключевые определения, а также раскрыл механизм функционирования исламских банков. Было проведено ис-

следование географического распределения исламских финансовых институтов и выявлены наиболее значимые регионы – Ближний Восток и Северная Африка. В результате исследования сделаны выводы о том, что институт исламского банкинга достаточно не изучен, при этом в мировой финансовой архитектуре он занимает значительное место. Учитывая данный факт и в целях обеспечения вопросов национальной безопасности России необходимо всестороннее исследование механизма функционирования исламского банкинга. Статья обращена к широкому кругу специалистов в области мировой экономики.

Ключевые слова: международная финансовая система; архитектура глобальных финансов; исламская экономическая доктрина; исламский банкинг; формы исламского финансирования.

Введение

В соответствии с оценками специалистов Международного банка реконструкции и развития 95 % всех финансовых операций являются спекулятивными. При этом только двадцатая часть денежной массы подкреплена реальными активами.

В условиях глобальной финансовой дестабилизации, вызванной геополитической напряженностью, негативной конъюнктурой на мировых рынках коммодитиз и торговой войной глобальных игроков, немногие акторы международных экономических отношений сохраняют устойчивые показатели функционирования. Особый интерес в этом контексте занимает феномен исламского банкинга, который вопреки всем негативным тенденциям, продолжает стабильное развитие и усиление позиций в архитектуре глобальных финансов. Этот факт определяет актуальность исследования роли исламских банков в системе мировых финансов.

Учитывая культурную специфику данного явления, в первую очередь необходимо определить базовые дефиниции и принципы функционирования исламских банков. Поскольку исламский банкинг – явление относительно новое для международных экономических отношений и базируется на принципах исламской этики, не следует применять к нему международные банковские стандарты.

Автором поставлена цель исследования – определить место и роль института исламских банков в международной финансовой системе.

1. Структура и принципы функционирования исламского банкинга

Сущность исламского банкинга заключается в принципах его функционирования, основным из которых является принцип использования денежных ресурсов в целях создания реальной добавленной стоимости, направленной на приращение массы товаров (услуг), но не на приращение денежной массы кредитора. При этом доход, получаемый исламским банком, представлен долей прибыли от реализации проекта, на который были необходимы денежные средства. Данный факт детерминирован религиозными предписаниями, на которых основана исламская экономическая доктрина. Рiba, то есть излишек средств, который возникает при обмене (продаже) товаров на неэквивалентной основе, а также при кредитовании, в исламском обществе запрещен.

Вторым принципом функционирования исламского банкинга является отказ от чрезмерного риска. Рассматривая содержание риска необходимо учитывать основную его причину – неопределенность. Неопределенность – это фактор недействительности в исламских контрактах. Любые продукты, обеспечивающие большую уверенность путем устранения риска (гарар) для сторон договора, являются наиболее желаемыми по шариату. В современных условиях развивается мнение, что сделки и продукты, имеющие эффект смягчения пруденциального риска, приемлемы, в отличие от сделок, заключенных чисто из спекулятивных целей. Очевидно, что в основе предпринимательской деятельности лежит неопределенность, которая является основным источником риска. Также известно, что в целях получения большей прибыли предприниматель готов пойти на больший риск [1]. Однако высокий риск (гарар) запрещен в исламском банкинге.

Исламская хозяйственная этика содержит еще одно специфическое понятие – мейсир, то есть азартная игра. Мейсир является неким доходом, который получен в результате случайного стечения обстоятельств, а не посредством производительного применения ресурсов. Таким образом, функционирование исламского финансового рынка основано на использовании инструментов, риски по которым можно оценить, а неопределенность максимально снизить.

При этом функции исламских банков соответствуют функциям традиционных финансовых институтов, которые, формируя временно свободные средства своих клиентов, предоставляют их во временное пользование. Также деятельность исламских банков направлена на предоставление услуги платежно-расчетных операций. Однако, как уже было отмечено, в исламском банкинге отсутствует вознаграждение в виде банковского процента.

Операционная и инвестиционная деятельность исламских банков осуществляется посредством инструментов исламского финансирования (рис. 1). Рассмотрим содержание каждого инструмента.

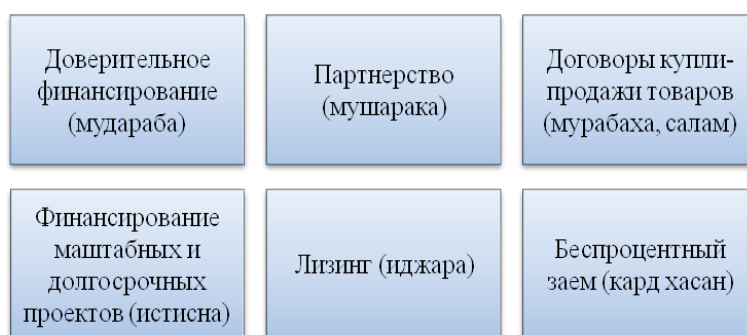

Рис. 1. Основные формы исламского финансирования [2]

В структуре портфелей исламских банков преобладает (около 80 %) инструмент мурабаха, который основан на договорах купли-продажи таких активов, как земля, оборудование, недвижимость, сырье у третьих лиц и дальнейшей перепродажи (в рассрочку) их клиенту банка по заранее установленной договоренности с ним. Отличие данного инструмента от традиционных заключается в том, что продавец заранее указывает свои затраты на первичное приобретение товара, его транспортировку, хранение и т.д., а также раскрывает наценку, которую он делает при перепродаже. Если издержки банка не могут быть установлены и подтверждены документально, то мурабаха является недействительной.

Таким образом, алгоритм заключения сделки «мурабаха» представлен шестью этапами: 1) Клиент выбирает интересующий его актив и Поставщика; 2) Клиент обращается в исламский Банк за финансированием приобретения актива по цене перепродажи; 3) Банк перечисляет денежные средства Поставщику; 4) Поставщик предоставляет актив в собственность Банку; 5) Банк на основе сделки мурабаха продает Клиенту приобретенный актив по новой цене; 6) Клиент осуществляет платежи за приобретенный актив с учетом условий сделки по рассрочке (отсрочке) платы за актив [3].

Важно отметить два факта: 1) вид актива, который Клиент может выбрать, ограничен религиозными нормами, поэтому, например, оружие купить через подобный инструмент невозможно; 2) в зависимости от срока рассрочки (отсрочки) Банк не увеличивает (уменьшает) цену продажи.

Второе по объему место в структуре портфеля исламских банков (около 11 %) занимает иджара, то есть лизинг. Согласно Шариатскому стандарту № 9, иджара – операционная аренда, в рамках которой учреждение приобретает и сдает в аренду клиенту оборудование за арендную плату. Соглашение не предполагает наличие обещания о том, что арендованное имущество будет передано в собственность арендатора по окончании срока аренды [4].

Основное отличие от западной модели финансового лизинга: отсутствие в договоре иджара условий продажи актива; физические риски актива несет Банк; продажа актива после окончания периода аренды в рамках сделки продажи (иктина); возможность безвозмездной передачи актива при минимальном размере остаточной стоимости. Механизм заключения сделки «иджара» представлен семью этапами: 1) Клиент выбирает актив и Поставщика данного актива; 2) Клиент обращается в исламский Банк за финансированием использования актива Клиентом; 3) Банк осуществляет перечисление денежных средств Поставщику; 4) Поставщик предоставляет актив в собственность Банку; 5) Банк на основе сделки иджара предоставляет Клиенту приобретенный актив в пользование на определенный срок; 6) Клиент осуществляет арендные платежи за используемый актив; 7) по окончании действия договора аренды Клиент возвращает Банку актив [3].

Остальные банковские инструменты занимают незначительную долю в структуре портфелей исламских банков, поэтому кратко рассмотрим их особенности. Исламский банковский продукт истисна (1 % портфеля) используется при реализации, как правило, масштабных и долгосрочных промышленных проектах. Подряд на создание товаров с последующей передачей их заказчику по заранее определенной цене. Оплата может производиться в рассрочку. Покупатель может заключить с третьим лицом так называемую параллельную истиснау. Более того существует возможность предусмотреть уменьшение цены за просрочку передачи товара.

Такой продукт, как салам (менее 1 % портфеля) по содержанию похож на сделку контрактации, в рамках которой банк кредитует исполнителя, наделив его долговым обязательством. Контракт может быть заключен в отношении товаров, обладающих родовыми характеристиками. Оговорка об обратной продаже в контракте запрещена. Продавец и покупатель могут заключить самостоятельное соглашение об обратной продаже после фактической поставки товара. Перепродажа товара до его получения покупателем запрещена. Покупатель вправе заключить с третьим лицом так называемый параллельный салам. Допускается обеспечение ответственности продавца залогом или иным образом.

Следующие формы исламского финансирования – мушарака (около 3 % портфеля) и мудараба (2 % портфеля) – основаны на принципе распределения убытков и прибылей. Партнерство (мушарака) основано на совместном инвестиционном проекте банка и его клиента, в рамках которого стороны финансируют проект. При этом прибыль распределяется между сторонами в заранее оговоренных в контракте долях, а убыток делят в соответствии с вкладом в капитал [2].

Долю около 1 % в структуре портфелей исламских банков занимает беспроцентный заем (кард хасан), который носит скорее благотворительный, чем экономический характер. Таким образом, данная форма финансирования рассматривается как материальная помощь на возвратной основе.

2. Географические аспекты исламского банкинга

Первые исламские банки появились в 1960–1970 гг. в некоторых странах Ближнего Востока, а также в Малайзии. Важным этапом в развитии исламского банкинга стало создание межгосударственного Исламского банка развития (Islamic Development Bank, IsDB) в 1975 году. В настоящее время в него входят 57 государств мира, большинство из которых играют ключевую роль в геополитической и геоэкономической расстановке сил в мире, а также являются яркими представителями исламской культуры.

В свою очередь, в 2016 году насчитывалось 363 исламских банка, из которых 250 – полностью «автономные» исламские банки, а 113 учреждений имеют так называемые «исламские окна» [5]. «Исламские окна» позволяют обычным банкам создавать специализированные направления развития в рамках законов шариата, сохраняя при этом всем функционал стандартизированных банковских услуг. С юридической точки зрения, многие государства мира, в том числе и Российская Федерация, допускают такую конвергенцию финансовых институтов на законодательном уровне, однако возможен

и случай, когда банку предписывается в установленный срок выбрать, к какому типу финансовых учреждений себя отнести – к исламским или обычным.

Если говорить о географическом распределении исламских финансовых учреждений, то наибольшее значение играют страны Персидского залива, Иран и Малайзия (рис. 2).

Интересно, что внутриконфессиональные различия не играют в данной сфере такой роли, которая прослеживается во внешнеполитических или социально-культурных аспектах. Так, Иран – страна ислама шиитского толка, тогда как Саудовская Аравия – суннитского. Высокую долю участия Ирана в развитии исламских финансовых институтов можно объяснить санкционным режимом со стороны стран Западной Европы и США, что вынудило иранские власти развивать свой рынок финансовых услуг.

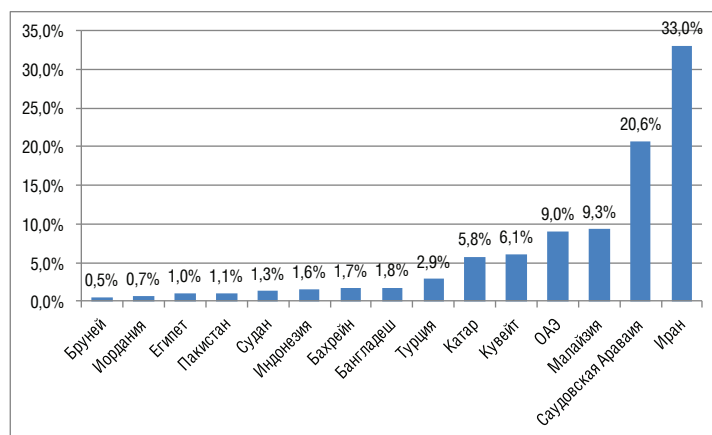

Рис. 2. Доля исламских банковских активов по странам мира, 2016 г. [6]

Таким образом, основная часть активов исламских финансовых учреждений расположена в регионе Ближнего Востока и Северной Африки – 77 %. Если говорить о количестве исламских банков, то географическая структура также неоднородна: 50 % приходится на Ближний Восток и Северную Африку, 30 % на Азию и 15 % – на Африку к югу от Сахары (рис. 3). Стоит отметить, что на вышеприведенные 15 % исламских банков, которые расположены к югу от Сахары, приходится всего лишь 1 % всех совокупных исламских банковских активов. Из этого следует заключить, что исламский банкинг в центральной и южной Африке представлен в основном микрофинансовыми организациями (рис. 3)

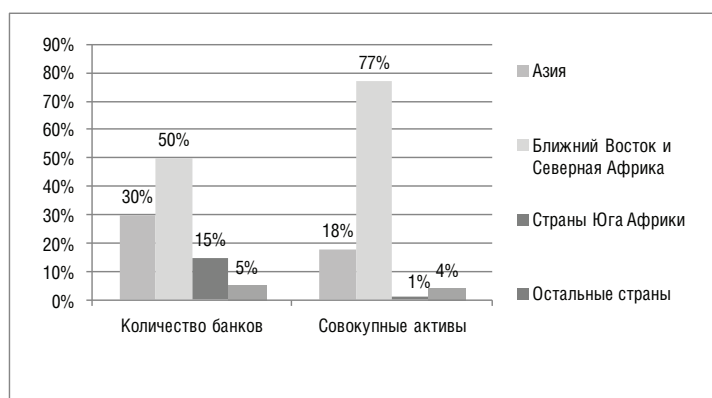

Рис. 3. Региональная структура активов и количество исламских банков, %, 2016 г. [6]

Таким образом, страны Ближнего Востока играют ключевую роль в глобальной системе исламских финансов. Необходимо отметить неравномерное распределение

совокупных активов исламских банков, что создает очевидных лидеров в лице Саудовской Аравии и Ирана и структурный дисбаланс, требующих глубокого исследования.

3. Место исламских банков в мировой финансовой архитектуре

Стабильная положительная динамика роста совокупных активов исламских банков в мире делает данный сектор все более значительным в мировой финансовой системе (рис. 4).

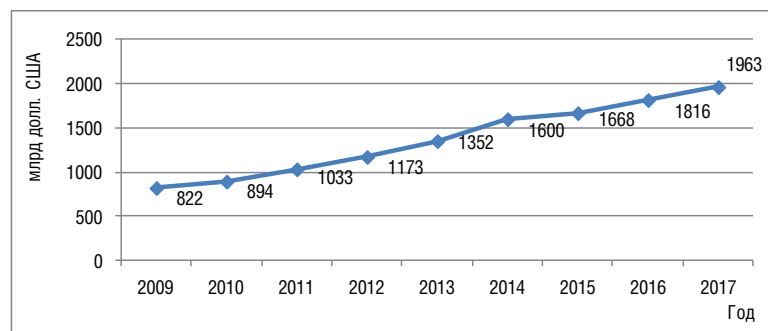

Рис. 4. Динамика роста активов исламских банков [7]

По мнению автора, именно особенности финансовой политики исламских банков позволяют им даже в период мировой финансовой нестабильности сохранять темпы устойчивого развития. Это связано с запретом на участие в рискованных проектах, финансовых пузырях, а также на торговлю деривативами.

Исламские банки инвестируют в реальный сектор по всему миру, и, несмотря на малую осведомленность населения Европы и США об особенностях исламских финансов и некоторую конфессиональную напряженность в Западной Европе, все больше инвесторов, не принадлежащих к исламу, доверяют свои средства исламским финансовым институтам. Amana Income, Amana Growth, iShares MSCI World Islamic, Al Rayan Bank, Kuveyt Turk Beteiligungsbank и многие другие исламские инвестиционные фонды и банки активно функционируют в Западной Европе и США, а их основными клиентами являются светские люди. С другой стороны, в случае если инвестор из Кувейта, Бахрейна, Саудовской Аравии или любой другой преимущественно мусульманской страны решит инвестировать в страны Запада, с большой долей вероятности он выберет именно исламский финансовый институт. Именно с этой целью многие исламские банки имеют филиалы на Западе, а такие крупные банки, как UBC Group AG (Швейцария), HSBC Holding и Royal Bank of Scotland (Великобритания), Credit Agricole и Group BNP Paribas (Франция), Deutsche Bank (Германия) тесно связаны с исламскими финансами.

В свою очередь, для многих государств Азии и Ближнего Востока исламские банки являются системообразующими. Особенное значение, как следует из данных (рис. 5), исламские финансы играют в экономиках стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Вышеуказанная динамика развития исламских банков, а также та роль, которую они уже занимают в экономиках многих стран мира может объясняться тем, что, согласно исследованию [9], в среднем кредитные риски исламских банков на 33 % ниже кредитных рисков обычных банков. Это объясняется тем, что исламские банки не участвуют в финансовых спекуляциях и более осмотрительно подходят к выбору партнеров, обращая внимания на репутацию, сферу деятельности и т.д. То есть если компания или физическое лицо имеет в деловых кругах репутацию, не соответствующую нормам шариата, исламский банк откажется от сотрудничества.

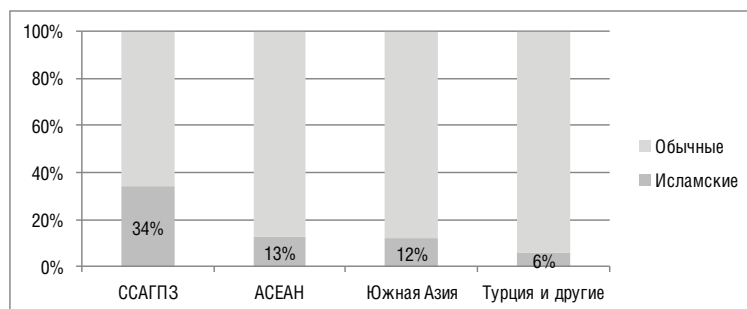

Рис. 5. Доля банковских активов исламских и традиционных банков в экономиках различных стран, 2016 г. [8]

Таким образом, несмотря на негативную конъюнктуру на сырьевых рынках, что должно стать серьезным препятствием для развития финансового рынка стран Ближнего Востока, исламские финансовые институты продолжают укреплять свои позиции в международной финансовой системе.

Выводы

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Исламский банкинг строится по законам шариата, что выражается в непринятии ссудного процента и высокого риска. Этот факт порождает необходимость создания новых форм финансовых услуг и определенной терминологии, которая требует глубокого изучения в немусульманском мире для выстраивания результативного взаимодействия и укрепления национальной финансовой системы России.

2. Хотя в целом кредитная политика исламских банков может отличаться, основные принципы функционирования позволяют им избегать финансовых пузырей и неоправданных рисков, поэтому в условиях глобальной финансовой нестабильности данный институт является достаточно перспективным. Кроме того, по данным [10], ожидается рост активов исламских банков с удвоенной скоростью, по сравнению с активами обыкновенных банков, в следующие 5–10 лет. Данный факт актуализирует изучение механизма функционирования исламского банкинга с целью внедрения эффективных инструментов в рамках национальной банковской системы.

3. Исламские банки выполняют ту функцию, которую теоретически должны выполнять все банковские учреждения – кредитовать реальный сектор и способствовать его развитию. Отход от этого принципа привел к раздуванию финансового сектора и появления финансового пузыря в США, распространившись через производные финансовые инструменты по всему миру.

4. В свою очередь, учитывая демографические сдвиги, связанные с усилением миграционных потоков с Ближнего Востока в страны Западной Европы, стоит ожидать интенсификации активности исламских инвестиционных фондов и банков в Европейском союзе. С точки зрения национальных интересов Российской Федерации, перспектива развития исламского банкинга на территории России является достаточно важной в геополитическом аспекте, а также в контексте обеспечения финансовой безопасности национальной экономики. Стоит сказать, что в Татарстане в 2016 г. были попытки создания подобных институтов на базе «Татфондбанка», однако затем банк претерпел санирование [11]. В этой связи необходимо и далее развивать механизмы функционирования исламского банкинга в России, что должно способствовать, во-первых, возрастанию конкуренции на рынке банковских услуг, и стало бы вызовом для финансовой монополии Сбербанка России, во-вторых, оздоровлению финансовой системы в целом через снижение доли высоко рискованных финансовых операций. Исходя из этого, проблематика и перспективы развития исламского банкинга в России требуют глубокого анализа в рамках отдельных исследований.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. 155 с.
2. Антропов В.В. Исламские банки в мировой финансовой системе [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.fa.ru/art2017/bv1295.pdf>. (дата обращения: 08.05.2018).
3. IFC Linova (Investment Finance Consulting Linova) [Электронный ресурс]. URL: <http://linova.ru/> (дата обращения: 15.05.2018).
4. Иджара, иджара последующим выкупом. Шариатский стандарт № 9 / [ред. совет: Г.Ф. Гусманова и др.; пер. с англ. О. Протченко]. М.: Исламская книга, 2011. 36 с. (Шариатский стандарт / Орг. бухгалт. учета и аудита ислам, финансовых учреждений (ААОИФИ); № 9).
5. Islamic Finance: A Catalyst for Shared Prosperity? Global Report on Islamic Finance 2016. Jeddah: Islamic Research and Training Institute (IRTI), 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irti.org/English/News/Documents/438.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
6. Islamic financial // services industry stability report 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifsb.org/docs/IFSB%20IFSI%20Stability%20Report%202017.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
7. Tamsir Cham, (2018) "Determinants of Islamic banking growth: an empirical analysis", International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management, Vol. 11 Issue: 1, pp. 18–39. URL: <https://doi.org/10.1108/IMEFM-01-2017-0023> (дата обращения: 25.05.2018).
8. World Islamic Banking Competitiveness Report 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-world-islamic-banking-competitiveness-report-2016/%24FILE/ey-world-islamic-banking-competitiveness-report-2016.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
9. Pejman Abedifar, Philip Molyneux, Amine Tarazi; Risk in Islamic Banking, Review of Finance, Volume 17, Issue 6, 1 November 2013, Pages 2035–2096. URL: <https://doi.org/10.1093/rof/rfs041> (дата обращения: 25.05.2018).
10. Антропов В.В. Исламские банки в мировой финансовой системе // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 57–64.
11. РБК – Официальный сайт // Центр исламского банкинга Татарстана возродят на базе нового банка [Электронный ресурс]. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/05/04/2017/58e4e52b9a79470f928de56c> <https://rt.rbc.ru/tatarstan/05/04/2017/58e4e52b9a79470f928de56c> (дата обращения: 08.05.2018).

N.V. Mozoleva

ISLAMIC BANKING IN THE WORLD OF FINANCE

The article investigates the phenomenon of Islamic banking as a special form of banking, built according to Sharia law. The author considered the key definitions and revealed the mechanism of functioning of Islamic banks. A study of the geographical distribution of Islamic financial institutions was carried out and the most significant regions were identified - the middle East and North Africa. The study concluded that the Institute of Islamic banking has not been sufficiently studied, while it occupies a significant place in the global financial architecture. Taking into account this fact and in order to ensure national security of Russia, it is necessary to conduct a comprehensive study of the mechanism of functioning of Islamic banking. The article is addressed to a wide circle of specialists in the field of world economy.

Keywords: international financial system; the architecture of global finance; Islamic economic doctrine; Islamic banking; forms of Islamic financing.

УДК 339.543:004.6:620.2

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ DATAMINING ДЛЯ ПРОВЕРКИ ДОСТОВЕРНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ТОВАРОВ

© 2018 г. Д.А. Заставной

В статье изложены предложения по разработке перспективного метода для определения кодов товаров на основе применения алгоритмов современной технологии обработки данных Data Mining, в частности алгоритмов классификации, с целью упрощения и автоматизации процесса корректировки товарного кода, выполняемой в системе управления рисками ФТС России. Результатами исследования является описание технологических аспектов создания модели классификации и ее качественной оценки на основе базы данных таможенных экспертиз.

Ключевые слова: управление рисками; модели классификации Data Mining; товарная экспертиза.

Введение

В статье представлен перспективный подход для упрощения и частичной автоматизации процедуры проверки правильности классификации товаров при совершении таможенных операций, основанный на применении методов современной технологии обработки данных DataMining [1, 2]. Классификация товара, то есть его отнесение к коду Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) [3, 4] определяет ставку таможенной пошлины. Ошибочная или заведомо недостоверная классификация, выполняемая при подаче декларации, является одним из основных рисков, рассматриваемых системой управления рисками (далее – СУР), применяемой в органах ФТС России [5, 6].

Согласно нормативным документам [7], при возникновении подозрения на неправильное отнесение декларантом товара к указанному в декларации товарному коду и невозможности проверки его достоверности непосредственно таможенным органом, осуществляющим выпуск декларации, должна быть выполнена таможенная экспертиза с целью выявления истинного состава, происхождения и других характеристик товара или сырья, и, таким образом, правильной классификации; результаты экспертизы являются юридически значимыми. Однако выполнение экспертизы требует достаточно большого времени и трудозатрат, что не способствует повышению оперативности и эффективности работы таможенных органов, в особенности, принимая во внимание тот факт, что неверная классификация является весьма распространенным явлением. Поэтому исследования и разработка методов классификации товаров являются актуальной и востребованной задачей, как с экономической, так и с других точек зрения [8].

В работе представлены анализ эффективности применения используемых в настоящее время методов автоматизации определения товарной позиции, и предварительные предложения по применению альтернативного подхода к решению данной задачи.

Цель работы: исследование перспектив применения алгоритмов классификации DataMining для разработки технологии установления товарного кода.

1. Классификация товаров на основе анализа базы данных экспертиз

Как говорилось выше, проведение экспертизы с целью установления истинной классификации декларируемых товаров является достаточно трудозатратой процедурой. Поэтому на практике вместо фактической экспертизы с целью корректировки товарного

кода часто применяется «прецедентная» оценка, основанная на анализе выявленных ранее аналогичных случаев неправильной классификации и корректировки кода согласно решению проведенных ранее экспертиз для аналогичных товаров. В частности, в таможенных органах ЮФО используется информационный ресурс «Единая региональная база данных таможенных экспертиз», при помощи которой таможенный инспектор может просматривать и выполнять поиск результатов экспертиз. Критериями поиска могут являться такие атрибуты, как профиль риска, производить и страна происхождения товара, артикул, сведения о декларанте (субъекте ВЭД), код товара, и другие признаки. Данная процедура, следует отметить, не может полностью заменить экспертизу ни с точки зрения степени достоверности, ни с точки зрения юридической значимости, однако является достаточно простой и быстрой; в случае необходимости, например, при возникновении юридических споров с декларантом, может быть выполнена таможенная экспертиза.

Поскольку это программное средство является надстройкой над БД Oracle, в которой хранятся данные об экспертизах, оно наследует основные ограничения, которые характерны для поисковых операций, выполняемых при помощи языка SQL [9]. По существу, поиск в БД сводится к наложению фильтров, которые позволяют выполнять следующие виды сравнения:

- поиск значений по равенству или неравенству;
- поиск по вхождению в диапазон (для вещественных значений);
- поиск по вхождению подстроки в строку.

Эти виды поиска являются несколько упрощенными, что делает их не вполне удобными для поиска в случаях, приведенных ниже.

1. В базе данных есть прецеденты экспертиз на товары, которые «схожи» с «текущим» товаром, но не могут быть найдены при помощи приведенных выше условий, поскольку только частично совпадают с заданным критерием поиска. Поэтому мера «совпадения» будет либо 100 % – полное совпадение, либо 0 % – полное несовпадение, тогда как, возможно, гипотетическая мера схожести 80 % была бы вполне приемлемой. Если упростить условия отбора, невозможно оценить метрически, насколько изменилось «совпадение».

2. Для подобных данных (результаты экспертизы или каких-либо анализов) характерно большое количество так называемых пустых значений в таблице прецедентов. Это связано с тем, что экспертизы могут быть существенно различными, и, соответственно, использовать существенно различные данные. Однако поиск в БД при наличии пустых значений существенно затрудняется.

3. Традиционные методы поиска не учитывают частотность прецедентов. Например, рассмотрим ситуацию, когда в 80 % случаев некоторый товар был экспертизой отнесен к одному товарному коду, а в 20 % – к другому. При традиционном поиске в лучшем случае будут обнаружены все прецеденты экспертиз, и инспектор далее может самостоятельно решать, какой код выбрать (например, код первой найденной записи). Интуитивно, однако, было бы оправданным отнести товар к наиболее часто встречающемуся коду.

Таким образом, можно сделать вывод, что существующий и используемый способ анализа базы данных таможенных экспертиз является ограниченным и, следовательно, может быть усовершенствован.

2. Методы классификации технологии DataMining

Технология DataMining (далее – DM) в современном виде представляет собой набор методов обработки данных к которым относятся методы математической статистики, технологии баз данных и алгоритмы, исторически появившиеся в контексте «искусственного интеллекта». В этой статье рассмотрены потенциальные преимущества и перспективы применения двух методов – собственно классификации (в данном случае имеется в виду терминология DM), и алгоритма выявления зависимости атрибутов (Attribute Importance).

Задача классификации в постановке, наиболее удобной для применения к данным БД, состоит в следующем. Дана некоторая таблица данных, структура которой определяется набором атрибутов; символически структуру таблицы можно записать как $T(A_1, A_2, \dots, A_n, Y)$. Атрибуты $A_1, A_2, \dots, A_n$ называются независимыми, а атрибут Y (называемый также целевым атрибутом) предполагается зависимым от атрибутов A , и принимает значение из дискретного множества; эту зависимость можно символически записать как $F(A_1, A_2, \dots, A_n) = Y$. При этом, однако, аналитически функция F не известна, но задана в виде таблицы прецедентов. Задача классификации состоит в определении (предсказании) на основании набора атрибутов $A_1, A_2, \dots, A_n$ значение целевого атрибута.

Подобная постановка задачи является очень удобной, в первую очередь в тех случаях, если целевую функцию действительно не представляется возможным выразить аналитически, что обусловлено трудностью научного анализа исследуемой области. Применение методов классификации получило широкое применение, в том числе в области здравоохранения (например, диагностика и прогнозирование течения болезни), экономики, экологии и др.

Технологически процедура построения модели классификации состоит в следующем.

1. Формирование таблицы прецедентов, содержащей целевой атрибут, и независимые атрибуты, которые, согласно экспертным оценкам, могут влиять на формирование целевого атрибута. Таблица заполняется историческими (архивными) данными (строками-прецедентами), в которых присутствуют значения независимых и целевого атрибутов. Существенно, что прецеденты могут содержать (в зависимости от выбранного алгоритма) пустые значения; кроме того, нет необходимости «минимизировать» количество атрибутов.

2. Применение алгоритма классификации к таблице прецедентов; результатом этого действия является построенная модель классификации. «Структура» модели определяется конкретным алгоритмом классификации, применяемым для построения модели; среди распространенных алгоритмов следует назвать простой классификатор Байеса (Naïve Bayes Classifier), деревья решений (Decision Tree) и метод опорных векторов (Support Vector Machine) [1, 2, 10].

3. Оценка точности построенной модели, которая осуществляется применением модели к историческим данным (тестируемому множеству); предполагается, что записи из тестируемого множества не использовались для построения модели. Эта процедура состоит в том, что для каждого прецедента из тестируемого множества на основании независимых атрибутов при помощи построенной модели вычисляется значение целевого атрибута, которое затем сравнивается с его актуальным значением. На основании разностей совпавших и не совпавших значений целевого атрибута можно метрически оценить точность модели (точность прогнозирования).

4. Улучшение модели, которое может выполняться различными способами. Прежде всего, следует построить модель различными алгоритмами с различными настройками и выбрать из них наиболее эффективный. Можно также менять наборы независимых атрибутов, используемых алгоритмами для прогнозирования.

5. Если модель классификации является достаточно хорошей с точки зрения точности, ее можно далее использовать для предсказания целевого атрибута для новых прецедентов, у которых значение целевого поля отсутствует.

Кроме построения модели классификации, существует возможность предварительно исследовать базу данных прецедентов при помощи алгоритма зависимости атрибутов (Attribute Importance) [10]. Этот алгоритм позволяет метрически оценить, каким образом каждый независимый атрибут влияет на формирование целевого атрибута. В отличие от построения модели классификации, построенную модель зависимости атрибутов нельзя использовать для прогнозирования значений целевого поля; эта модель определяет наличие в исходных данных какой-либо взаимосвязи между парой атрибутов; в дальнейшем эту информацию можно использовать для отбора атрибутов для построения модели классификации.

3. Применение моделей классификации для проверки товарного кода

Рассмотрим теперь сценарий применения процедуры классификации для установки корректного товарного кода. Основой для этой процедуры является база данных таможенных экспертиз. При необходимости эти данные можно дополнить внешней информацией, применение которой в данном случае можно считать перспективной, например, сведения о выявленных ранее случаях декларирования некорректного товарного кода данным участником ВЭД.

С технической точки зрения эти и последующие действия целесообразно выполнять в системе Oracle, которая используется и для хранения данных в ФТС России, и включает описанные в предыдущем разделе средства DataMining [10]. Это существенно упрощает традиционно весьма трудозатратную процедуру сбора, трансформации и загрузки данных (так называемый ETL-процесс [2]). Кроме того, нет необходимости приобретать или разрабатывать какие-либо дополнительные программные средства.

Далее выполняется собственно построение моделей классификации и их тестирование на исторических данных, и последующая оптимизация, которая может основываться, в том числе, на исключении «ненужных» атрибутов (то есть атрибутов, которые не влияют на формирование целевого атрибута). Практика показывает, что точность модели может достигать 80 % и выше.

Затем построенная модель может быть оформлена в виде отдельной программной компоненты и использоваться автономно от исходных данных. При необходимости возможна актуализация моделей, которая состоит в построении моделей на обновленных данных.

Описанная технология нуждается в практической апробации и уточнении применительно к реальным данным, которые, к сожалению, не были доступны автору на момент написания статьи. Кроме того, необходимо оценить эффективность и целесообразность ее практического применения с сравнением с уже существующими и используемыми методами, используемыми для классификации товаров.

Выводы

Представленный в работе проект использования методов классификации может быть применен для проверки точности классификации товаров и получения метрической оценки достоверности классификации. Предложенная технология, однако, нуждается в практической апробации и уточнении.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

1. *Nisbet R., Elder J., Miner G. Statistical Analysis & Data Mining Application* / Amsterdam: Academic Press. 2009. 824 p.
2. *Паклин Н., Орешков В. Бизнес-аналитика: от данных к знаниям*. СПб.: Питер. 2013. 704 с.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза): по состоянию на 08.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. О классификаторах, используемых для заполнения таможенных деклараций: решение Комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 378: по состоянию на 08.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. О решении коллегии ФТС России от 29 мая 2014 года «О современном состоянии и перспективах развития системы управления рисками в таможенных органах Российской Федерации»: приказ Федеральной таможенной службы России от 18.07.2014 № 1385: по состоянию на 08.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. *Ершов А.Д., Завьялова О.В. Система управления рисками в таможенном деле: учебник*. СПб.: РИО Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, 2013. 400 с.
7. Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов, осуществляющих классификацию товаров и таможенный контроль при проверке

правильности классификации товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза: Приказ Федеральной таможенной службы России от 15.10.2013 № 1940: по состоянию на 08.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

8. Черкашина Н.Е. Контроль достоверности заявленного кода товара: монография. Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2012. 108 с.

9. Прайс Джейсон. SQL для Oracle 10g. Изд. Лори. 2010 г. 556 с.

10. Oracle Data Mining Concepts [Электронный ресурс] // URL: http://docs.oracle.com/cd/B28359_01/datamine.111/b28129.pdf (дата обращения 01.08.2018).

D.A. Zastavnoy

A DATAMINING APPROACH FOR VERIFYING PRODUCT CODE DURING CUSTOM CREARENCE

An approach is proposed for correcting product codes during custom clearance procedure. It is based on the modern Data Mining Classifying technique and aimed on simplifying custom risk analysis. The features discussed in the paper are some technological issues on building classifying model using the custom expert examination database.

Keywords: *risk analysis; Data mining classification; custom expert examination.*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТАМОЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 339.543:340

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАПРЕТОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС

© 2018 г. Е.М. Андрианова

В статье рассматриваются актуальные направления совершенствования регулирования института запретов и ограничений в таможенном праве ЕАЭС, проводится сравнительно-правовой анализ положений Таможенного кодекса Таможенного союза и Таможенного кодекса ЕАЭС, регламентирующих вопросы применения и соблюдения запретов и ограничений.

Ключевые слова: запреты и ограничения; правовой институт; Таможенный кодекс Евразийского экономического союза; таможенное право ЕАЭС; меры нетарифного регулирования; снижение административных барьеров в торговле; меры технического регулирования; санитарные, ветеринарно-санитарные, фитосанитарные меры; меры экспортного контроля.

Введение

С 1 января 2018 года вступил в силу Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписанный 11 апреля 2017 года в г. Москве. Соответственно прекратили действовать Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г., а также ряд международных соглашений в области таможенного администрирования, заключенных на этапе Таможенного союза. В рамках обозначенного процесса развития таможенного законодательства Евразийского экономического союза изменения коснулись, в том числе такого важного правового института, как запреты и ограничения в сфере таможенного регулирования.

Следует отметить, что совершенствование механизма регулирования запретов и ограничений в таможенном праве ЕАЭС определяется, главным образом, условиями современного уровня развития и укрепления евразийской интеграции, объявленным курсом на сокращение национального сегмента таможенного регулирования в ЕАЭС, а также необходимостью снижения административных барьеров в торговле.

В целях определения актуальных направлений совершенствования правового регулирования запретов и ограничений в таможенном праве ЕАЭС рассмотрим положения Таможенного кодекса ЕАЭС и Таможенного кодекса Таможенного союза, регламентирующие вопросы применения и соблюдения запретов и ограничений, а также проведем их сравнительно-правовой анализ.

1. Регулирование запретов и ограничений в таможенном праве ЕАЭС.

Анализ положений Таможенного кодекса Таможенного союза и Таможенного кодекса ЕАЭС

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, действующий с 1 января 2015 года, устанавливает принципы и основы экономической и таможенной политики для государств – членов ЕАЭС. Необходимо отметить, что международный документ закрепляет так называемые «четыре свободы» на внутреннем рынке союза: свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов [1; статья 1 Раздела I Части I]. При этом неотъемлемым условием функционирования интеграции является непри-

менение мер тарифного и нетарифного регулирования во взаимной торговле между государствами-членами.

Исходя из указанных выше принципов, важно подчеркнуть, что правовое регулирование запретов и ограничений в таможенном праве ЕАЭС, затрагивает, главным образом, порядок перемещения товаров и транспортных средств через внешние границы Союза. Так, положениями Договора о ЕАЭС установлено, что «в торговле с третьими странами на территории Союза применяются единые меры нетарифного регулирования. Решения о введении, применении, продлении и отмене мер принимаются Комиссией. Товары, в отношении которых принято решение о применении мер, включаются в единый перечень товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами. Предложение о введении или отмене мер может быть представлено как государством-членом, так и Комиссией» [1; Часть II Приложения № 7].

В настоящий момент единые меры нетарифного регулирования на таможенной территории Евразийского экономического союза установлены Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования».

В Приложении № 1 к Решению представлены товары, запрещенные к ввозу на территорию ЕАЭС (например, озоноразрушающие вещества и продукция, содержащая озоноразрушающие вещества, запрещенные к ввозу и вывозу; опасные отходы, запрещенные к ввозу; информация на печатных, аудиовизуальных и иных носителях информации, запрещенная к ввозу и вывозу; изделия из гренландского тюленя и детенышей гренландского тюленя, запрещенные к ввозу [2]).

В Приложении № 2 указаны товары, по отношению к которым установлен разрешительный порядок при ввозе и (или) вывозе (озоноразрушающие вещества; опасные отходы; коллекции и предметы коллекционирования по минералогии и палеонтологии; кости ископаемых животных; драгоценные камни; драгоценные металлы и сырьевые товары, содержащие драгоценные металлы; радиоэлектронные средства и (или) высокочастотные устройства гражданского назначения, в том числе встроенные либо входящие в состав других товаров; шифровальные (криптографические) средства и др. [2]).

Одновременно положениями Договора установлено, что государства-члены в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить и применять меры нетарифного регулирования в порядке, предусмотренном Протоколом о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (Приложение № 7 к Договору об ЕАЭС от 29 мая 2014 года) [3].

В качестве примера таких мер, введенных в одностороннем порядке, можно привести Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305 и от 30 июня 2017 г. № 293», в соответствии с которым вводится запрет на ввоз в РФ сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн, согласно установленному перечню, а также в отношении Украины с 1 января 2016 г. [4].

Рассматривая положения Таможенного кодекса ЕАЭС, следует отметить, что нормы, регулирующие порядок применения и обеспечения соблюдения запретов и ограничений таможенными органами стран – участниц ЕАЭС, разработаны в соответствии с Договором об ЕАЭС от 29 мая 2014 года, и усовершенствованы в сравнении с положениями Таможенного кодекса Таможенного союза.

Определение, раскрывающее содержание запретов и ограничений в Таможенном кодексе ЕАЭС (ст. 2, пункт 10 ТК ЕАЭС), согласуется с определением, зафиксированным в пункте 3 ст. 101 Договора об ЕАЭС и содержит конкретный перечень мер, относящихся к запретам и ограничениям, применяемым в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза. Это меры нетарифного регулирования, меры технического

регулирования, санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры, меры экспортного контроля, в том числе в отношении продукции военного назначения, и радиационные требования [5].

Осуществляя сравнительный анализ определений «запретов и ограничений» в Таможенном кодексе Таможенного союза и Таможенном кодексе ЕАЭС, следует отметить, что в целом содержание понятий совпадает. Некоторые изменения в формулировке (в определении в ТК ЕАЭС исключено сочетание «комплекс мер» и введены ссылки на нормы Договора об ЕАЭС) обусловлены, в первую очередь, фактором согласованности понятийного аппарата Таможенного кодекса ЕАЭС с положениями Договора о ЕАЭС – документа, являющегося основополагающим для формирования и дальнейшего развития правового регулирования в рамках ЕАЭС.

Таможенный кодекс ТС статья 4, пункт 8	Таможенный кодекс ЕАЭС статья 2, пункт 10
Запреты и ограничения – комплекс мер, применяемых в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу, включающий меры нетарифного регулирования, меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и вводимые исходя из национальных интересов, особые виды запретов и ограничений внешней торговли товарами, меры экспортного контроля, в том числе в отношении продукции военного назначения, технического регулирования, а также санитарно-эпидемиологические, ветеринарные, карантинные, фитосанитарные и радиационные требования, которые установлены международными договорами государств – членов Таможенного союза, решениями Комиссии таможенного союза и нормативными правовыми актами государств – членов Таможенного союза, изданными в соответствии с международными договорами государств – членов Таможенного союза [5].	Запреты и ограничения – применяемые в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза, меры нетарифного регулирования, в том числе вводимые в одностороннем порядке в соответствии с Договором о Союзе, меры технического регулирования, санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры, меры экспортного контроля, в том числе меры в отношении продукции военного назначения, и радиационные требования, установленные в соответствии с Договором о Союзе и (или) законодательством государств-членов [4].

2. Изменение подходов к регулированию запретов и ограничений в Таможенном кодексе ЕАЭС

В рамках выявления актуальных направлений совершенствования таможенного законодательства ЕАЭС в области запретов и ограничений необходимо также обратить внимание на изменение подходов в регулировании данного правового института в Таможенном кодексе ЕАЭС в сравнении с Таможенным кодексом Таможенного союза.

Положения о применении или неприменении мер нетарифного регулирования, запретов и ограничений содержались в Таможенном кодексе Таможенного союза в статьях, регламентирующих содержание каждой таможенной процедуры или условия такой процедуры. Например, в ст. 264 ТК ТС «Содержание таможенной процедуры переработки для внутреннего потребления» установлено использование процедуры переработки для внутреннего потребления «с применением запретов и ограничений, а также ограничений в связи с применением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер...» [6]. Если обратиться к положениям ТК ЕАЭС о таможенной процедуре переработки для внутреннего потребления, в ст. 189 в перечне условий помещения товаров под данную таможенную процедуру переработки мы найдем лишь отсылочную норму «соблюдение запретов и ограничений в соответствии со статьей 7» [5].

Статья 7 Таможенного кодекса ЕАЭС «Соблюдение запретов и ограничений» носит общий характер и регламентирует вопросы регулирования соблюдения запретов и ограничений. Так, «соблюдение запретов и ограничений (за исключением санитарных, карантинных фитосанитарных и ветеринарно-санитарных мер) подтверждается в случаях и порядке, установленных актами Комиссии или нормативными правовыми актами государств-членов в соответствии с Договором о Союзе, либо установленных в соответствии с законодательством государств-членов, путем представления документов и (или) сведений, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений». А «соблюдение санитарных, карантинных фитосанитарных и ветеринарно-санитарных мер подтверждается по результатам осуществления санитарно-эпидемиологического, карантинного

фитосанитарного и ветеринарно-санитарного контроля (надзора) в порядке, установленном Договором о Союзе и принятыми в соответствии с ним актами Комиссии и (или) законодательством государств-членов» [5; статья 7].

Таким образом, реализованная в Таможенном кодексе ЕАЭС общая статья с отсылочными нормами («в случаях и порядке, установленных актами Комиссии или нормативными правовыми актами государств-членов»), закрепляют подход, при котором порядок подтверждения соблюдения запретов и ограничений устанавливается не Таможенным кодексом ЕАЭС, а правовыми актами, которыми эти запреты и ограничения вводятся. То есть порядок представления документов и сведений, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений, таможенные процедуры, при помещении под которые требуются документы, подтверждающие соблюдение запретов и ограничений, а также момент, на который указанный документ должен быть предъявлен таможенным органам, должны быть четко прописаны либо в актах Комиссии, либо в законодательстве стран – участниц ЕАЭС.

Эксперты, участвовавшие в разработке Таможенного кодекса ЕАЭС, объясняют такой подход отсутствием четкого разграничения мер, вводимых по экономическим основаниям, и мер, вводимых исходя из необходимости защиты жизни и здоровья человека, защиты окружающей среды. По этой причине «в государствах складывалась практика, когда таможенные органы требовали представление документов, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений, мер нетарифного регулирования, носящих экономического характер, на границе при прибытии товаров на таможенную территорию, что создавало дополнительные административные барьеры и увеличивало издержки бизнес-сообщества» [7]. Регламентация применения и подтверждения соблюдения запретов и ограничений на уровне актов Комиссии или законодательства стран – участниц ЕАЭС позволит минимизировать указанную проблематику.

Выводы

Таким образом, в результате анализа основных направлений совершенствования правового регулирования запретов и ограничений в условиях укрепления ЕАЭС, следует отметить следующее.

1. Правовой институт запретов и ограничений в Таможенном кодексе ЕАЭС усовершенствован с учетом современного уровня развития и укрепления евразийской интеграции и необходимости снижения административных барьеров в торговле.

2. Положения и понятийный аппарат ТК ЕАЭС в сфере регулирования запретов и ограничений, приведен в соответствие с положениями Договора о ЕАЭС от 24 мая 2014 года.

3. В Таможенном кодексе ЕАЭС изменены подходы к регламентации положений о применении или освобождении от применения запретов и ограничений. Реализован принцип, согласно которому порядок представления документов и сведений, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений, должен устанавливаться правовыми актами, которыми эти запреты и ограничения вводятся.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. // Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 12.05.2018).

2. О мерах нетарифного регулирования: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 г. № 30. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

3. Гурова Е.С. Меры нетарифного регулирования, вводимые в одностороннем порядке, в системе запретов и ограничений внешней торговли товарами // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 1(30). С. 5–11.

4. О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305 и от 30 июня 2017 г.

№ 293: постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2018).

5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6. Таможенный кодекс Таможенного союза: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7. Текст нового Таможенного кодекса готов. Интервью заместителя директора департамента таможенного законодательства и правоприменительной практики Евразийской экономической комиссии Натальи Зубик [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2014/11/24/0009> (дата обращения: 12.05.2018).

E.M. Andrianova

ACTUAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS IN CONDITIONS OF IMPROVEMENT OF THE EEU CUSTOMS LEGISLATION

The article represents actual trends of improving regulation of legal institution of prohibitions and restrictions in the EEU customs law, it provides comparative legal analysis of provisions of the Customs Code of the Customs Union and the EEU Customs Code regulating issues of implementation and observance of prohibitions and restrictions.

Keywords: prohibition and restrictions; legal institutions; the Customs Code of the Eurasian Economic Union (the EEU); customs law of the EEU; non-tariff regulation measures; the reduction of administrative barriers; technical regulation measures; health; veterinary-sanitary; phytosanitary measures; export control measures.

УДК 342.951:339.543

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СООБЩЕНИЕ В ТАМОЖЕННЫЙ ОРГАН НЕДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ О КОЛИЧЕСТВЕ ГРУЗОВЫХ МЕСТ, ОБ ИХ МАРКИРОВКЕ, О НАИМЕНОВАНИИ, ВЕСЕ И (ИЛИ) ОБ ОБЪЕМЕ ТОВАРОВ, ПЕРЕМЕЩАЕМЫХ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

© 2018 г. Э.В. Дригола

В статье рассматривается конструкция состава административного правонарушения, которое выражается в сообщении в таможенный орган недостоверных сведений о количестве грузовых мест, об их маркировке, о наименовании, весе и (или) объеме товаров при их перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза путем представления недействительных документов либо использования ненадлежащего средства идентификации, в целях выявления специфики данного состава административного правонарушения относительно иных противоправных деяний в сфере таможенного дела.

Ключевые слова: административный; ответственность; товары; сведения; недостоверный; таможенный; граница; контроль.

Введение

Противоправное деяние, выражающееся в сообщении в таможенный орган недостоверных сведений о количестве грузовых мест, об их маркировке, о наименовании, весе и (или) об объеме товаров либо помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита или на склад временного хранения путем представления недействительных документов либо использование для этих целей ненадлежащего средства идентификации, в контексте административно-деликтного законодательства считается разновидностью незаконного перемещения через таможенную границу товаров и (или) транспортных средств международной перевозки [1, статья 16.1]. Право Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) трактует данный термин более широко.

В Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) под незаконным перемещением товаров понимается перемещение товаров через таможенную границу Союза вне мест их перемещения «или вне времени работы таможенных органов, находящихся в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным таможенным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации» [2, подпункт 25 пункта 1 статьи 2]. В данном случае к незаконному перемещению помимо составов, предусмотренных статьей 16.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), отнесены недекларирование либо недостоверное декларирование товаров.

Незаконное перемещение товаров через таможенную границу Союза входит в круг административных правонарушений в области таможенного дела, посягающих на законные экономические интересы государства и имеющих единый родовой объект административно-правовой охраны. Таковым выступают общественные отношения, складывающиеся в области таможенного дела и регулируемые таможенными правилами. Поэтому термины «административные правонарушения в области таможенного дела» и «нарушение таможенных правил» равнозначны, что и нашло свое отражение в названии главы 16 КоАП РФ. В свою очередь, административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил) наряду с иными противоправными деяниями с точки зрения их подведомственности образуют группу, именуемую «административные правонарушения, отнесенные к компетенции таможенных органов». Таковыми следует считать все административные правонарушения, дела о которых вправе возбуждать должностные лица таможенных органов Российской Федерации. Они не имеют единого родового объекта посягательства и рассредоточены по разным главам КоАП РФ.

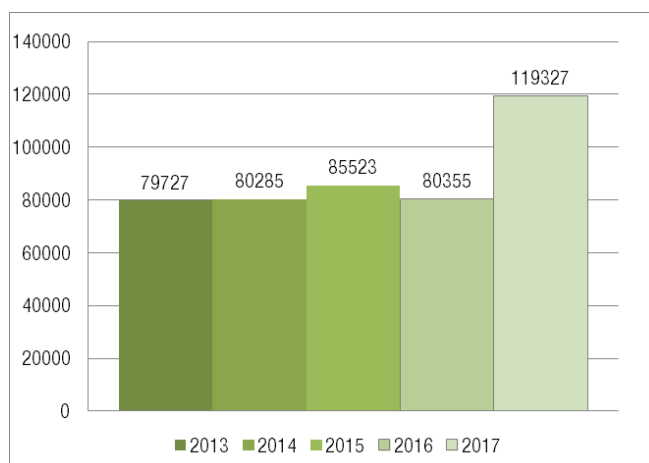

Рис. 1. Количество возбужденных дел за период 2013–2017 гг.

Осуществление производства по делам об административных правонарушениях и привлечение лиц к административной ответственности (наряду с дознанием и опера-

тивно-розыскной деятельностью) является одним из направлений правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации. На рис. 1 представлена информация о количестве дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами таможенных органов Российской Федерации за ближайшие пять лет (начиная с 2013 года).

По итогам работы в первом квартале 2018 года должностными лицами таможенных органов Российской Федерации возбуждено 37 044 дела об административных правонарушениях (на 13 134 дела больше, чем за аналогичный период предыдущего года). На рис. 2 приведена диаграмма, отображающая долю дел о нарушении таможенных правил в составе общего количества дел, отнесенных к компетенции таможенных органов, из числа возбужденных в 2017 году [3].

Рис. 2. Доля дел о нарушении таможенных правил в общем количестве дел об административных правонарушениях, возбужденных в 2017 г.

Успешная реализация таможенными органами Российской Федерации правоохранительных функций, помимо кадрового, материального, финансового и информационного обеспечения, предполагает наличие адекватной нормативно-правовой базы и единообразия правоприменительной деятельности.

Цель работы: выявление специфики рассматриваемого состава административного правонарушения относительно иных противоправных деяний в сфере таможенного дела в интересах совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

1. Объект и объективная сторона состава административного правонарушения

Непосредственным объектом состава, закрепленного в части 3 статьи 16.1 КоАП РФ, выступает установленный правом ЕАЭС и национальным законодательством о таможенном регулировании порядок перемещения товаров через таможенную границу, предполагающий необходимость сообщения в таможенный орган достоверных сведений об их наименовании, маркировке, весе и (или) объеме, количестве грузовых мест при совершении таможенных операций на этапе:

- а) прибытия на таможенную территорию Союза;
- б) убытия с таможенной территории Союза;
- в) помещения под таможенную процедуру таможенного транзита;
- г) помещения на склад временного хранения.

Данная обязанность вытекает из положений, содержащихся в статьях 89, 92, 100, 107 ТК ЕАЭС. Товары, перемещаемые через таможенную границу Союза, подлежат таможенному контролю. При прибытии на таможенную территорию ЕАЭС они приобретают статус находящихся под таможенным контролем с момента пересечения таможенной границы. Доставка товаров в место перемещения (например, пункт пропуска через Государственную границу Российской Федерации) должна носить непрерывный харак-

тер. Она завершается с прибытием в зону таможенного контроля. Таковой, в частности, считается место перемещения товаров или территория склада временного хранения. На протяжении всего периода доставки товары должны пребывать в неизменном виде (состоянии и количестве). Нарушение их упаковки, изменение, удаление, уничтожение, повреждение или замена средств идентификации (пломб, печатей, маркировки и других) не допускается. По завершении доставки таможенный орган должен быть в установленный срок уведомлен о прибытии товаров на таможенную территорию Союза путем представления соответствующих документов и сведений.

В состав таких сведений входит информация:

- о количестве грузовых мест, их маркировке и видах упаковок товаров (при международной перевозке автомобильным, водным, железнодорожным транспортом);
- о количестве мест по каждой грузовой накладной (при международной перевозке воздушным транспортом);
- о наименовании товаров (при международной перевозке автомобильным, водным, воздушным, железнодорожным транспортом);
- о весе брутто товаров в килограммах либо объеме товаров в кубических метрах (при международной перевозке автомобильным, железнодорожным транспортом);
- об объеме товаров в кубических метрах (при международной перевозке автомобильным транспортом).

Момент уведомления о прибытии является точкой отсчета для исчисления трёхчасового срока, отведенного на совершение таможенных операций, связанных с помещением товаров на временное хранение. Они приобретают статус находящихся на временном хранении после регистрации таможенным органом факта подачи транспортных (перевозочных), коммерческих и (или) таможенных документов, содержащих «сведения о товарах, отправителе и получателе товаров, стране их отправления и стране назначения» [2, пункт 1 статьи 100].

Для убытия товаров с таможенной территории ЕАЭС в таможенный орган представляются такие же документы и сведения, что и при прибытии. Товары приобретают статус находящихся под таможенным контролем с момента регистрации таможенной декларации и сохраняют его до фактического вывоза за пределы ЕАЭС. Условием легального пересечения таможенной границы Союза в данном случае является наличие разрешения таможенного органа на их убытие.

Под таможенным транзитом понимается «таможенная процедура, в соответствии с которой товары перевозятся (транспортируются) от таможенного органа отправления до таможенного органа назначения без уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при соблюдении условий помещения товаров под эту таможенную процедуру» [2, пункт 1 статьи 142]. При помещении товаров под эту таможенную процедуру используется транзитная декларация. В ней, помимо всего прочего, должны содержаться сведения:

- о наименовании, количестве и стоимости товаров в соответствии с коммерческими, транспортными (перевозочными) документами;
- о весе товаров брутто или объеме;
- о количестве грузовых мест.

Данную таможенную процедуру отличает срочный характер, предполагающий необходимость ее завершения. Регистрация таможенным органом назначения подачи документов, представленных для завершения таможенного транзита, влечет за собой обязанность совершения таможенных операций, связанных с помещением товаров на временное хранение или их таможенным декларированием.

Дополнительно первый элемент состава, закрепленного в части 3 статьи 16.1 КоАП РФ, включает в себя один факультативный признак. Таковым является предмет административного правонарушения. В данном качестве выступают товары, недостоверные сведения о которых сообщены в таможенный орган.

Объективная сторона рассматриваемого состава характеризуется наличием такого обязательного признака, как деяние (в форме действия), которое выражается в со-

общении в таможенный орган на любом из числа четырех ранее названных этапов совершения таможенных операций недостоверных сведений о количестве грузовых мест, маркировке, наименовании, весе и (или) объеме товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС. Вредные последствия в конструкции данного состава отсутствуют, что свидетельствует о его формальном характере. Диспозиция нормы, закрепленной в части 3 статьи 16.1 КоАП РФ, дает основания говорить о наличии такого факультативного (дополнительного к деянию) признака, как способ совершения административного правонарушения. Это противоправное деяние может быть совершено одним из двух способов:

а) путем представления недействительных документов;

б) путем использования поддельного средства идентификации или подлинного средства идентификации, относящегося к другим товарам и (или) транспортным средствам.

При этом недействительными законодатель предлагает считать «поддельные документы, документы, полученные незаконным путем, документы, содержащие недостоверные сведения, документы, относящиеся к другим товарам и (или) транспортным средствам, и иные документы, не имеющие юридической силы» [1, пункт 2 примечания к статье 16.1]. Как свидетельствует правоприменительная практика, чаще всего источниками недостоверной информации выступают: транзитная декларация, международная товарно-транспортная накладная (CMR), упаковочный лист (packing list), счет-фактура (invoice), железнодорожная накладная, дорожная ведомость, передаточная ведомость, генеральная (общая) декларация, декларация о грузе, коносамент.

Наиболее востребованными средствами для выявления данного нарушения таможенных правил являются такие формы таможенного контроля, как таможенный осмотр и таможенный досмотр, грамотное применение которых, как правило, снимает вопрос о наличии или отсутствии самого факта противоправного деяния. На практике нередко возникает спор не о том, имело ли место сообщение недостоверных сведений, а относительно того, является ли существенным расхождение данных, приведенных в представленных в таможенный орган документах, и фактически установленных в ходе таможенного контроля (не обязательно в сторону увеличения).

При решении споров подобного рода суды руководствуются правовой позицией, согласно которой «вопрос о том, значительно ли несоответствие между количеством фактически перемещаемого товара и количеством, указанным в товаросопроводительных документах, определяется в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств данного правонарушения» [4, абзац 2 пункта 29]. Например, выявленное на этапе помещения спорного товара (оборудования для сельского хозяйства) под таможенную процедуру таможенного транзита незначительное в процентном отношении (0,63 %) занижение веса брутто, в абсолютном выражении (145,176 кг) было признано существенным расхождением [4].

2. Субъект и субъективная сторона состава административного правонарушения

Субъектом правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 16.1 выступает лицо, сообщившее в таможенный орган недостоверные сведения. Как правило, – это хозяйствующий субъект (индивидуальный или коллективный), привлеченный на договорной основе декларантом в качестве перевозчика. Перевозчик может выступать в роли декларанта в ситуации, когда он сам совершает таможенные операции, необходимые для помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита. Кроме перевозчиков за совершение подобного рода противоправных деяний привлекаются к административной ответственности таможенные перевозчики, экспедиторы, таможенные представители. Декларант также может быть включен в круг субъектов рассматриваемого административного правонарушения. Например, когда экспортером товара является судовладелец в условиях отсутствия каких-либо договоров с третьими лицами об использовании для перемещения товаров данного морского судна. В этом случае одно и то же лицо привлекается к ответственности как по части 3 статьи 16.1 (как перевозчик), так и по части 1 статьи 16.2 (как декларант).

Из санкции нормы, закрепленной в части 3 статьи 16.1 КоАП РФ следует, что помимо юридических лиц субъектами данного правонарушения могут быть граждане и должностные лица. Материалы правоприменительной практики свидетельствуют о том, что на сегодняшний день вытекающая из наличной нормативно-правовой базы возможность привлечения к административной ответственности за сообщение в таможенный орган недостоверных сведений как агентов, так и руководителей юридических лиц остается невостребованной субъектами административной юрисдикции.

Наибольшую сложность в процессе привлечения к ответственности за данное правонарушение представляет установление вины лица, совершившего противоправное деяние. Именно отсутствие доказательств наличия этого обязательного признака субъективной стороны чаще всего является причиной отмены постановлений таможенных органов о назначении административных наказаний. Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что при оценке вины в данном случае необходимо выяснять, в какой мере положения действующих международных договоров в области перевозок «предоставляли перевозчику возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых установлена ответственность частью 3 статьи 16.1 КоАП РФ, а также какие меры были приняты перевозчиком для их соблюдения» [5, абзац 1 пункта 29]. Анализ юрисдикционной практики позволяет утверждать об отсутствии единого подхода к применению приведенной выше правовой позиции.

В одних случаях решающее значение придается отсутствию в действующем международном договоре в области перевозок положений, обязывающих перевозчика взвешивать товар при его приемке. В условиях отсутствия доказательств очевидности выявленного несоответствия, делается вывод о том, что самостоятельные действия данного лица по проверке веса товара выходят за рамки необходимых разумных мер, направленных на обеспечение точности сведений, имеющих значение для таможенных целей [6]. В других случаях безусловный приоритет отдается нормам таможенного права. В этих условиях не реализация имеющегося у перевозчика права на осмотр товара с целью проверки достоверности имеющейся у него информации о грузе расценивается как не проявление необходимой для участника публично-правовых отношений степени заботливости и осмотрительности. При этом вопрос об очевидности расхождения фактических и заявленных данных не рассматривается [7].

За совершение противоправного деяния, предусмотренного частью 3 статьи 16.1 КоАП РФ, установлена административная ответственность в виде предупреждения или административного штрафа, применимых ко всем категориям нарушителей. Дополнением к административному штрафу, налагаемому на граждан или юридических лиц, может быть конфискация товаров, явившихся предметом административного правонарушения. Допускается ее применение также в качестве основного вида наказания.

Выводы

Проведенный анализ состава административного правонарушения, закрепленного в части 3 статьи 16.1 КоАП РФ, позволил сформулировать нижеследующие предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики. Включение в санкцию данной нормы предупреждения свидетельствует о понижении степени общественной опасности рассматриваемого деяния. В этих условиях, на наш взгляд, законодателю следует изучить вопрос об изъятии конфискации из числа видов административных наказаний, применяемых за сообщение в таможенный орган недостоверных сведений. Конфискуемые товары принадлежат не перевозчику, а декларанту. За недекларирование или недостоверное декларирование последний привлекается к ответственности по статье 16.2 КоАП РФ. В этих условиях существует возможность назначения конфискации одного и того же предмета по итогам рассмотрения двух дел об административных правонарушениях. Кроме того, юрисдикционная практика свидетельствует о том, что таможенные органы в подавляющем большинстве случаев игнорируют возможность, вытекающую из альтернативной под-

ведомственности данной категории дел, и сами выносят постановление о назначении административного наказания.

В интересах обеспечения единообразного подхода к оценке вины лица, совершившего деяние, запрещенное частью 3 статьи 16.1 КоАП РФ, представляется целесообразным при решении вопроса о наличии или отсутствии обязательного признака субъективной стороны рассматриваемого состава учитывать наличие трех предпосылок: юридической, фактической и информационной. Юридическая предпосылка имеет место при наделении соответствующего лица правом на проведение проверки достоверности сведений, сообщаемых в таможенный орган. Фактическая предпосылка предполагает наличие у него реальной возможности при данных конкретных обстоятельствах использовать указанное право. В условиях, когда проверка груза является правом, а не обязанностью перевозчика, информационная предпосылка будет присутствовать только тогда, когда имеются в наличии фактические обстоятельства (информация о недостоверности указанных в товаросопроводительных документах сведений, обоснованные сомнения в их достоверности, обнаружение поврежденных или замененных средств идентификации), вызывающие необходимость выхода за пределы визуального осмотра.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от № 195-ФЗ 30.12.2001 (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.07.2018): по состоянию на 25.07.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 (вступ. в силу с 01.01.2018): по состоянию на 25.07.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Информация Управления таможенных расследований и дознания [Электронный ресурс] // Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2017 год. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26236:-2017-&catid=55:2011-01-24-16-40-26 (дата обращения: 25.07.2018).
4. Пятый арбитражный апелляционный суд: постановление от 6 марта 2018 г. по делу № А51-22825/2017. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 24.10.2006 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 11.11.2008 № 23, от 09.02.2012 № 2). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Арбитражный суд Дальневосточного округа: постановление от 13 марта 2018 г. № Ф03-646/2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. Пятый арбитражный апелляционный суд: постановление от 31 июля 2017 г. по делу № А51-25812/2016. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

E.V. Drigola

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE MESSAGE TO CUSTOMS BODY OF INACCURATE INFORMATION ON THE NUMBER OF CARGO PACKAGES, ABOUT THEIR MARKS, ABOUT THE NAME, WEIGHT AND (OR) ABOUT THE VOLUME OF GOODS TRANSPORTED THROUGH THE CUSTOMS BORDER OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article discusses the structure of the administrative offense, expressed in the message to customs body of inaccurate information on the number of cargo packages, about their marks, their labeling, weight and (or) volume of goods at their moving through customs border of the Eurasian economic Union by presentation of invalid documents or the use of improper means

of identification in order to identify the difference between this administrative offense from other offenses in the field of customs.

Keywords: *administrative; responsibility; goods; information; false; customs; border; control.*

УДК 343.359

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОНТРАБАНДЫ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1996 ГОДА

© 2018 г. В.В. Лавринов

В статье автор анализирует генезис уголовной ответственности за совершение контрабанды в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации. По мнению автора, позиция законодателя в данном вопросе является не в полной мере последовательной, неоднократно изменялась. Изучив эволюцию уголовной ответственности за совершение уголовно наказуемой контрабанды и ее отдельных видов, автор приходит к выводу, что не всегда изменения носили оправданный и аргументированный характер, что вызывало в последующем повторное редактирование норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду.

Ключевые слова: *таможенные преступления; контрабанда; уголовная ответственность; таможенная граница; незаконное перемещение; декриминализация.*

Введение

Необходимость наличия уголовной ответственности за совершение такого таможенного преступления, как контрабанда, ни у кого не вызывает сомнения, однако подходы к установлению уголовной ответственности за его совершение в странах, входящих в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), не отличаются однообразием. Более того, анализ эволюция уголовной ответственности за контрабанду в Российской Федерации, к сожалению, демонстрирует отсутствие последовательного подхода к тому, какие деликты считать контрабандными и к их описанию. Не затрагивая генезис квалифицирующих обстоятельств и санкций за совершение контрабанды, рассмотрим изменение редакций диспозиций норм, предусматривавших ответственность за ее совершение.

1. Изменения в диспозиции ст. 188 УК РФ

Изначально ответственность за совершение контрабанды предусматривалась только в одной статье – 188 УК РФ, находившейся в Главе 20 «Преступления в сфере экономической деятельности» Раздела VIII «Преступления в сфере экономики».

Данная норма состояла из четырех частей. Первая часть предусматривала ответственность за совершение незаконного перемещения в крупном размере (определявшемся суммой, кратной количеству минимальных размеров оплаты труда (МРОТ)) через таможенную границу России товаров, совершенное одним из следующих способов: помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

Вторая часть предусматривала совершение тех же действий, но в отношении предметов, изъятых либо ограниченных в гражданском обороте (наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые вещества, огнестрельное оружие, боеприпасы и пр.).

Части третья и четвертая статьи предусматривали ответственность за совершение контрабанды при отягчающих обстоятельствах.

Однако с учетом изменений, происходящих в социально-экономической, политической обстановке, экономике, в геополитике законодатель периодически вносил изменения в диспозицию контрабанды.

Первое изменение в ст. 188 УК РФ было внесено через полтора года после начала действия УК РФ 1996 года Федеральным законом от 25.06.1998 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [1]. Был увеличен крупный размер уголовно наказуемой товарной контрабанды, ответственность за которую предусматривалась в части 1 ст. 188 УК РФ. С учетом инфляции количественные характеристики крупного размера, измерявшегося в МРОТ, и раскрывавшегося в примечании к ст. 188 УК РФ, подверглись изменениям – слово «двести» было заменено словом «пятьсот». Следовательно, для того, чтобы контрабанда стала уголовно наказуемым деянием, стало необходимо, чтобы ее стоимость превышала пятьсот МРОТ, то есть размер был повышен в 2,5 раза. Таким образом, законодатель пошел на частичную декриминализацию данного деяния, подняв планку, разделявшую уголовно наказуемые и административно наказуемые деяния, посчитав, что степень общественной опасности деяний несколько ниже необходимой для привлечения к уголовной ответственности.

Данная редакция просуществовала около 4 лет, после чего в уголовное законодательство вновь были внесены изменения. Федеральным законом от 07.05.2002 № 50-ФЗ «О внесении изменений в статьи 188 и 189 Уголовного кодекса Российской Федерации» [2] утверждена новая редакция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за контрабанду предметов, изъятых либо ограниченных в гражданском обороте. Изменения коснулись, прежде всего наименований (описания) предметов контрабанды. В целом её суть не изменилась.

Существенные изменения уголовного законодательства, внесенные Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [3], затронули и уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за контрабанду, в том числе путем ликвидации примечания к данной статье, раскрывавшей количественные характеристики крупного размера предмета контрабанды (в отношении товаров, не изъятых из гражданского оборота). Крупный размер стал исчисляться в соответствии с примечанием к ст. 169 УК РФ и соответствовать 250 000 руб., то есть в связи со значительным снижением размеров инфляции крупный размер стал определяться исходя из определенной денежной суммы. Но тем самым стоимость товара, который мог быть признан контрабандным в соответствии с УК РФ, снова выросла – в три раза. Данный размер также впоследствии изменялся.

Федеральным законом от 06.12.2007 № 335-ФЗ «О внесении изменений в статью 188 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4] был расширен перечень предметов, контрабандное перемещение которых являлось уголовно-наказуемым деянием (связанных с незаконным наркотрафиком).

Федеральным законом от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] крупный размер был повышен до 1 500 000 руб., то есть в шесть раз. Не совсем ясно, чем руководствовался законодатель, повышая такой размер: либо видением отсутствия повышенной общественной опасности товарной контрабанды (и подтверждением тому явилась декриминализация в дальнейшем товарной контрабанды), либо желанием сократить объем и усилия в сфере уголовного судопроизводства в данной области, либо увеличить количество поступлений доходов в федеральный бюджет за счет применения штрафных санкций как административных взысканий к лицам, совершающим контрабанду.

В 2010 году вновь расширен перечень предметов уголовно-наказуемой контрабанды. Федеральным законом от 19.05.2010 № 87-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсо-

ры» [6] в этот список были включены растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества.

Кроме того, следует учитывать и решения Конституционного суда РФ по вопросам регламентации уголовной ответственности за совершение контрабанды. К их числу следует отнести Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П [7], Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П [8], в соответствии с которыми в отношении предметов, не изъятых из гражданского оборота и не ограниченных в нем, то есть разрешенных к ввозу и вывозу товаров, в том числе валюты, при определении крупного размера из их стоимости должна была вычитаться стоимость товара (количество валюты), которая не подлежала письменному декларированию – заявлению в установленной форме сведений о перемещении товара таможенными органами. Аргументировалось это в первую очередь тем, что противоправным, а именно посягающим на установленный порядок перемещения через таможенную границу являлся лишь недекларируемый ввоз (вывоз) таковой лишь в сумме, превышавшей разрешенную законом. Кроме того, повышенная общественная опасность, с которой связывалось наступление уголовной ответственности, обусловлена неконтролируемым перемещением валюты в размере, значительно превышающем сумму, эквивалентную разрешенную к ввозу без письменного заявления сведений о ней. Впоследствии данные положения были восприняты и законодателем.

В таком виде уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за контрабанду, просуществовала до 07.12.2011.

2. Уголовная ответственность за контрабанду после 2011 года

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] статья 188 УК РФ признана утратившей силу. Однако системный анализ упомянутого закона позволяет сделать вывод, что декриминализация фактически коснулась только контрабанды предметов, не изъятых и не ограниченных в гражданском обороте, ответственность за совершение которой была предусмотрена в ч. 1 ст. 188 УК РФ. Товарная (она же торговая, промышленная, экономическая) контрабанда перестала быть уголовно-наказуемым деянием. Хотя обоснованность данной декриминализации вызывала и вызывает сильнейшие сомнения, останавливаться на этом в настоящей статье мы не будем. Отметим только, что часть 2 ст. 188 УК РФ претерпела определенные метаморфозы, преобразовавшись в две новые самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за контрабанду предметов, изъятых из гражданского оборота – в ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ, которые также впоследствии подвергались редактированию.

Редакция части 1 ст. 226.1 УК РФ, находящейся в Главе 24 «Преступления против общественной безопасности» Раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» существенно отличалась от ст. 188 УК РФ. Из диспозиции статьи (как, впрочем, и в ст. 229.1 УК РФ) было изъято описание способов совершения контрабанды, с заменой на указание факта незаконности перемещения через границу. Изменилось и описание места совершения преступления, связанного с определением границы (термин «таможенная граница» заменен на «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС»). Не рассматривая в настоящее время описание самого деяния как такового, отметим, что замена понятия таможенной границы Российской Федерации на таможенную границу ЕАЭС и Государственную границу России являлась абсолютно обоснованной, в связи с созданием Евразийского экономического сообщества, в который на первоначальном этапе вошли Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан, а впоследствии Республика Армения и Кыргызская Республика. К этому времени уже больше года действовал Таможенный кодекс Таможенного союза [10],

который закрепил наличие единой таможенной территории и таможенной границы Таможенного союза. Таким образом, таможенная граница Российской Федерации к моменту внесения упомянутых изменений в УК РФ перестала существовать, что ставило под сомнение объективность диспозиции нормы, предусматривающей уголовную ответственность за контрабанду, ибо такое деяние как незаконное перемещение товара через таможенную границу Российской Федерации не могло существовать в принципе, в связи с отсутствием таможенной границы России как таковой. Такое положение создавало правовую неопределенность, делая фактически невозможным привлечение лиц к уголовной ответственности за незаконное перемещение предметов в Российскую Федерацию или их незаконный вывоз.

Кроме того, осталась Государственная граница России. Единая таможенная территория предполагала свободное перемещение по территории стран – членов ЕврАзЭС только товара, разрешенного к гражданскому обороту, не допуская передвижение товара, изъятого из гражданского оборота или ограниченного в нем, так как бесконтрольное перемещение такового создает угрозу общественной безопасности, здоровью населения и т.п. С учетом имеющегося государственного суверенитета, защиты государственной безопасности любая страна, в том числе РФ, принимала и принимает меры, позволяющие исключить незаконное перемещение на ее территорию либо с ее территории упомянутых товаров, в том числе уголовно-правового характера. В связи с этим абсолютно логичным следует признать включение в диспозицию нормы, предусматривающей ответственность за контрабанду предметов, изъятых из гражданского оборота (в данном случае – ст. 226.1 УК РФ), такого признака, как незаконное перемещение именно через Государственную границу России.

Еще одной особенностью данной статьи явилось, во-первых, указание на то, что перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей данной статьи должен утверждаться Правительством РФ, а во-вторых, включение такого фактора как крупный размер для стратегически важных товаров, ресурсов и культурных ценностей, который, согласно примечанию 2, определялся их стоимостью, превышающей 1 000 000 рублей.

Как и ранее действовавшая редакция нормы, предусматривающей ответственности за контрабанду (ст. 188 УК РФ), редакция ст. 226.1 УК РФ неоднократно изменялась.

Федеральным законом от 02.07.2013 № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] в перечень предметов преступления внесены особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частями и производными.

Федеральным законом от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [12] внесен ряд изменений, связанных с определением стоимости некоторых предметов контрабанды.

Так, пункт 2 примечания к данной статье изложен следующим образом: «Крупным размером стратегически важных товаров и ресурсов в настоящей статье признается их стоимость, превышающая один миллион рублей». Но при этом существенно снижена стоимость такого предмета контрабанды, как культурные ценности, путем добавления пункта 4 примечания, согласно которому крупным размером культурных ценностей в настоящей статье признается их стоимость, превышающая сто тысяч рублей, то есть стоимость снижена ровно в 10 раз.

Последние изменения в редакцию ст. 226.1 УК РФ внесены Федеральным законом от 27.06.2018 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [13], в соответствии с которым слово «производные», относящееся к особо ценным диким животным и водным биологическим ресурсам, заменено на такой более широкий термин, как «дериваты (производные)».

Что касается ст. 229.1 УК РФ, то она расположена в Главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» Раздела IX «Преступления против

общественной безопасности и общественного порядка». Ее редакция также подвергалась изменениям, хотя и не таким значительным, как ст. 226.1 УК РФ.

По сравнению с редакцией ст. 188 УК РФ, которая явилась прообразом данной нормы, диспозиция данного вида контрабанды (как и в ст. 226.1) также изменилась. В перечень предметов добавлены прекурсоры наркотических средств, психотропных веществ, растения и их части, содержащие прекурсоры наркотических средств, психотропных вещества.

Как и в ст. 226.1 УК РФ, из диспозиции статьи было изъято описание способов совершения контрабанды, с заменой на указание факта незаконности перемещения, изменилось описание места совершения преступления, связанного с определением границы (вместо перемещения через таможенную границу Российской Федерации указано незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС).

В отличие от ст. 226.1 УК РФ, редакция ст. 229.1 УК РФ в дальнейшем практически не подвергалась изменениям.

Однако на этом законодатель в области борьбы с контрабандными преступлениями не ограничился и решил несколько изменить свое мнение о том, что товарная (экономическая) контрабанда не представляет собой повышенной общественной опасности, свойственной преступлениям, и является только административным правонарушением. Такие изменения коснулись контрабанды валюты, ранее наказуемой по ст. 188 УК РФ, но декриминализованной 07.12.2011 Федеральным законом № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Осознавая, что контрабанда валюты наносит существенный ущерб экономическим интересам государства, через полтора года после декриминализации экономической контрабанды, Федеральным законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» [14] в Главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» законодатель добавил статью 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов».

В отличие от ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ, в данном случае предметом преступления являются не изъятые из гражданского оборота денежные средства и денежные инструменты (дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата), перемещаемые в крупном размере.

Контрабанда признавалась совершенной в крупном размере, если сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимость незаконно перемещенных денежных инструментов превышала двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС к перемещению без письменного декларирования, а особо крупной – если превышает пятикратный вышеуказанный размер. Кроме того, восприняв положения высших судебных инстанций, о которых мы говорили выше [7, 8], непосредственно в новой норме было указано, что при расчете размера суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов из всей суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов подлежит исключению та часть, которая таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована.

В данной норме также отсутствовало описание способов совершения преступления и указывалось только на незаконность перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, справедливо не делая ссылку на незаконное пере-

мещение через Государственную границу Российской Федерации в связи со свободным перемещением валюты по единой таможенной территории Евразийского экономического сообщества.

Редакция данной нормы не изменялась.

Продолжая менять свое отношение к экономической контрабанде в целом и ее отдельным видам, через полтора года после признания уголовно наказуемой контрабанды валюты, законодатель решил признать уголовно наказуемым контрабандное перемещение еще двух видов товаров – алкоголя и табака, под предлогом реализации политики по противодействию их незаконному обороту.

Федеральным законом от 31.12.2014 № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» [15], введена еще одна статья, связанная с контрабандой – ст. 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий», редакция которой серьезно отличается как от ранее действовавшей редакции ст. 188 УК РФ, так и от иных норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, то есть ст. 200.1, ст. 226.1, ст. 229.1 УК РФ.

Предметом данного преступления указаны только алкогольная продукция и табачные изделия, перемещаемые в крупном размере, определяемом, в отличие от ст. 200.1 УК РФ, в твердой денежной сумме – стоимостью свыше 250 000 рублей. Как и в контрабанде валюты, согласно примечанию к данной статье, при расчете размера стоимости перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий из всей стоимости незаконно перемещенных предметов подлежит исключению та часть стоимости указанных товаров, которая таможенным законодательством разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована.

В данной норме также отсутствовало описание способов совершения преступления, и указывалось только на незаконность перемещения через таможенную границу, но уже только Таможенного союза, без ссылки на ЕврАзЭС (в отличие от ст. 200.1 УК РФ), также не делая ссылку на незаконное перемещение через Государственную границу Российской Федерации в связи со свободным перемещением упомянутых товаров по единой таможенной территории Евразийского экономического сообщества.

Выводы

Анализ генезиса уголовной ответственности за контрабанду в УК РФ 1996 года позволяет сделать вывод об отсутствии у законодателя определенной и последовательной линии в сфере уголовно-правовых мер в борьбе с контрабандными преступлениями.

Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за контрабанду, за 20 лет действия УК РФ эволюционировала из одной в четыре. Причем изменения, связанные только с редактированием диспозиций контрабандных преступлений (без учета изменений, связанных с квалифицирующими обстоятельствами, санкциями) вносились более 10 раз. В настоящее время законодатель говорит о четырех видах контрабанды, уголовная ответственность за его совершение которых предусмотрена в ст. 200.1, ст. 200.2, ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ, расположенных в разных главах и разделах УК РФ, в которые, как уже было сказано, неоднократно вносились изменения.

Изменения носили как технический, так и кардинальный характер, связанный с изменением наименований статей, изменением диспозиций, а также декриминализацией (полной или частичной) одних деяний и криминализацией других. Не всегда редактирование норм, предусматривающих ответственность за контрабандные преступления, на наш взгляд, носило последовательный, оправданный и аргументированный характер, что вызывало в последующем внесение дополнительных изменений. И в настоящее время существующие редакции норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном анализе и совершенствовании.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.06.1998 № 92-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в статьи 188 и 189 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2002 № 50-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в статью 188 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 06.12.2007 № 335-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: федер. закон от 19.05.2010 № 87-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
8. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
10. О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза» (вместе с «Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза» (Подписан в г. Минске 27.11.2009): решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 № 17: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2013 № 150-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федер. закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27.06.2018 № 157-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: федер. закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий: федер. закон от 31.12.2014 № 530-ФЗ: по состоянию на 25.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

THE EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE COMMISSION OF SMUGGLING IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION 1996

The author analyzes the Genesis of criminal liability for smuggling in the current Criminal code of the Russian Federation. In his opinion, the position of the legislator on this issue is not fully consistent, has repeatedly changed. Having studied the evolution of criminal liability for criminal smuggling and its separate types, the author comes to the conclusion that the changes were not always justified and reasoned, which led to the subsequent re-editing of the rules providing for criminal liability for smuggling.

Keywords: customs crimes; smuggling; criminal liability; customs border; illegal movement; decriminalization.

УДК 339.543:340

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОГО ТАМОЖЕННОГО ДОСМОТРА В ТАМОЖЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

© 2018 г. Е.В. Миллеров

В статье путем сравнительно-правового анализа норм таможенных кодексов стран СНГ, предусматривающих порядок проведения личного таможенного досмотра, выявляются общие подходы и различия в вопросах правового регулирования этики проведения личного таможенного досмотра. По результатам исследования сделаны авторские предложения по заимствованию некоторых положений норм таможенных кодексов стран СНГ в статью 329 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а также обозначены некоторые проблемные стороны правовой регламентации этического аспекта проведения личного таможенного досмотра, нуждающиеся в их научном исследовании.

Ключевые слова: таможенное законодательство; страны СНГ; личный таможенный досмотр; порядок проведения; этический аспект; правовое регулирование; сравнение; проблемы; пути совершенствования.

Введение

Личный таможенный досмотр был и остается исключительной формой таможенного контроля и в связи с этим не может не вызывать интерес для научных исследований таможенно-правовой тематики. Вопросам правового регулирования этической стороны проведения личного таможенного досмотра посвящены работы некоторых авторов [1, с. 137–147], в том числе и [2, с. 54–60]. Исключительность данной формы таможенного контроля заключается в обследовании тела досматриваемого человека в целях обнаружения при нем, а нередко и в нем (при перемещении наркотических средств внутриполостным способом) товаров, сокрытых от таможенного контроля. В связи с этим именно личный таможенный досмотр требует наибольшего внимания с точки зрения правового регулирования этической стороны его проведения. Представляется, что наиболее продуктивным будет исследование этого вопроса путем сравнительно-правового анализа норм таможенных кодексов стран СНГ, предусматривающих данную форму таможенного контроля.

Согласно ст. 191 Основ таможенных законодательств государств – участниц СНГ [3] личный досмотр признается в странах СНГ исключительной формой таможенного контроля. Он может быть проведен при наличии достаточности оснований предполагать, что физическое лицо, которое следует через таможенную границу либо находится в зоне таможенного контроля или же транзитной зоне аэропорта, открытого для международного сообщения, скрывает при себе и не предъявляет товары, являющиеся объектами нарушения национального законодательства или международного договора государства, контроль за исполнением которых возложен на таможенные органы.

1. Правовое регулирование этического аспекта проведения личного таможенного досмотра в Таможенном кодексе ЕАЭС

В Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), как известно, действует единый Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС) [4]. В данный Союз сегодня входят пять государств, все они являются одновременно и членами СНГ (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия). ТК ЕАЭС вступил в силу с января 2018 г., до его вступления в Союзе действовал Таможенный кодекс Таможенного союза (далее – ТК ТС) [5]. Нужно сказать, что правовая регламентация проведения личного таможенного досмотра (ст. 329 ТК ЕАЭС) не претерпела существенных изменений в сравнении с нормой предыдущего кодекса (ст. 117 ТК ТС). В то же время нельзя не отметить такое значимое нововведение в ст. 329 ТК ЕАЭС, как установление времени составления акта личного таможенного досмотра. Так, согласно п. 10 указанной нормы этот акт должен быть составлен в ходе проведения данной формы таможенного контроля либо в течение 1 часа после его завершения.

Касаемо непосредственно этической стороны проведения личного таможенного досмотра положения те же, что и в ст. 117 ТК ТС, а именно, согласно требованиям ст. 329 ТК ЕАЭС указанная форма таможенного контроля проводится таможенником, который должен быть одного пола с досматриваемым лицом. Понятые (привлекаются в этом качестве два человека) также должны быть одного пола с досматриваемым. Сам личный таможенный досмотр требуется проводить в изолированном помещении, которое должно отвечать санитарно-гигиеническим требованиям. Доступ в это помещение других физических лиц (т.е. не указанных в ст. 329 ТК ЕАЭС), и возможность ими наблюдать за процессом проведения личного таможенного досмотра должен быть исключен.

Обследование непосредственно тела досматриваемого физического лица необходимо проводить только медицинским работником с использованием в случаях необходимости специальной медицинской техники. Пол медицинского работника в ст. 329 ТК ЕАЭС, как и ранее в ст. 117 ТК ТС, не оговорен, соответственно, медицинский работник, привлекаемый к проведению данной формы таможенного контроля, может быть любого пола, что с точки зрения этики, на наш взгляд, абсолютно допустимо, поскольку восприятие врача у граждан происходит в несколько ином ракурсе в связи с их профессиональной деятельностью, ведь как говорится по одному из известных выражений самих медицинских работников применительно к таким случаям «врач для пациентов лицо бесполое».

В ст. 329 ТК ЕАЭС (как и ранее в ст. 117 ТК ТС) в проведении личного таможенного досмотра несовершеннолетних или недееспособных лиц предусмотрено обязательное присутствие их законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов либо попечителей) или хотя бы сопровождающих их лиц. Кстати, пол этих лиц, так же, как и пол медицинского работника не указан, что с позиции этической стороны данного вопроса, на наш взгляд, вполне естественно и допустимо.

В анализируемой норме также прописана обязанность предложения должностным лицом таможенного органа добровольной выдачи товаров, которые перемещаются через таможенную границу в нарушение таможенного законодательства.

В п. 7 ст. 329 ТК ЕАЭС также закреплены положения, непосредственно касающиеся этической стороны проведения рассматриваемой формы таможенного контроля. Так, указано, что действия должностных лиц таможенного органа при проведении личного таможенного досмотра не должны ущемлять честь и достоинство досматриваемого лица.

2. Правовое регулирование этического аспекта проведения личного таможенного досмотра (личного досмотра) в таможенных кодексах стран СНГ

Сравнительно-правовой анализ норм, предусматривающих порядок проведения личного таможенного досмотра (личного досмотра) начнем с Таможенного кодекса Азербайджанской Республики [6] не столько из-за алфавитного критерия, сколько по той причине, что данный Кодекс не имеет подробной регламентации проведения анализируемой формы таможенного контроля, как впрочем, и других форм. Виды форм таможенного контроля предусмотрены в ст. 92 данного Кодекса, в их числе и «личный досмотр». В ст. 99 прописаны общие требования к протоколу, составляемому при проведении форм таможенного контроля в п. 4 данной нормы указано, что при проведении личного обыска (почему то «обыска» а не «досмотра» – прим.авт.), обязательным является привлечение двух понятых, которыми могут быть только незаинтересованные в данном деле лица, достигшие совершеннолетнего возраста. Относительно пола понятых ничего не указано.

Анализ норм остальных таможенных кодексов стран СНГ, регламентирующих порядок проведения данной формы таможенного контроля на предмет правового регулирования этического аспекта личного таможенного досмотра (во всех кодексах он имеет название «личный досмотр»), показал, что во-первых, во всех этих нормах прописано требование о проведении личного досмотра должностным лицом таможенного органа одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола, также как и во всех нормах предусмотрена возможность участия медицинского работника без предъявления требований к его полу. Во-вторых, во всех нормах таможенных кодексов стран СНГ, предусматривающих порядок проведения личного досмотра, также предусмотрено требование о проведении данной формы таможенного контроля в изолированном помещении, отвечающем санитарно-гигиеническим требованиям, с исключением возможности доступа в это помещение других физических лиц и возможности наблюдения ими за процессом проведения личного досмотра.

Как и в ст. 319 ТК ЕАЭС в большинстве норм таможенных кодексов стран СНГ предусмотрены особенности личного досмотра несовершеннолетних и недееспособных лиц. Так, к примеру, согласно ст. 414 ТК Республики Таджикистан [7], в процессе личного досмотра несовершеннолетнего или недееспособного лица имеют право присутствовать его законные представители (в качестве которых выступают их родители, усыновители, опекуны, попечители) или человека, это лицо сопровождающее. Такие же положения предусмотрены ст. 322 ТК Туркменистана [8] и ст. 196 ТК Республики Узбекистан [9]. В этих же нормах, перечисленных таможенных кодексов стран СНГ, прописано требование о необходимости соблюдения корректности при проведении данной формы таможенного контроля, исключения унижения достоинства личности. Вместе с тем в ст. 194 ТК Республики Молдова [10] и ст. 340 Таможенного кодекса Украины [11] таких положений не предусмотрено.

В ст. 196 ТК Республики Узбекистан [9] есть положение, которого нет ни в одной из статей вышеперечисленных таможенных кодексов. Так, согласно этой норме в случаях, когда досматриваемое лицо не выполняет или оказывает сопротивление выполнению законных требований должностного лица таможенного органа, эти действия являются основанием для административного задержания указанного лица в соответствии с законодательством об административной ответственности.

В ст. 340 Таможенного кодекса Украины [11] отличительными критериями от всех приведенных выше норм таможенных кодексов стран СНГ, регламентирующих проведение личного досмотра являются, во-первых более детальные требования к понятым, т.к. прописано, что понятыми приглашаются лица, которые не заинтересованы в результатах досмотра, а также и то, что понятыми не могут быть родственники лица, подлежащего личному досмотру, и работники органов доходов и сборов (к которым в Украине относятся и таможенники). Во-вторых, в п. 9 этой же статьи ТК Украины предусмотрен перечень лиц, не подлежащих личному досмотру.

Данное положение, кстати, было бы не лишним взять на вооружение и в ст. 329 ТК ЕАЭС, т.к. в ст. 321 ТК ЕАЭС, предусматривающей освобождение от применения тамо-

женными органами определенных форм таможенного контроля предусмотрены только случаи освобождения от такой формы таможенного контроля как таможенный досмотр, а об освобождении от личного таможенного досмотра, как в данной норме, так и других статьях ТК ЕАЭС ничего не сказано.

Выводы

Таким образом, сравнительно-правовой анализ вопросов регулирования обеспечения этики проведения личного таможенного досмотра в таможенных кодексах стран СНГ показал, что законодатели всех этих стран едины в таких необходимых требованиях к проведению данной формы таможенного контроля как:

- проведение личного таможенного досмотра должностным лицом таможенного органа одного пола с досматриваемым, в присутствии двух понятых того же пола;
- проведение этой формы таможенного контроля в отдельном изолированном помещении, исключающем визуальное наблюдение лицами, не принимающими участия в личном таможенном досмотре;
- проведение указанной формы таможенного контроля в корректной форме, исключающей унижение чести и достоинства личности.

Далее, как показал сравнительно-правовой анализ, проведенный в рамках этой статьи, объем положений, непосредственно касающихся этики проведения личного таможенного досмотра в нормах таможенных кодексов стран СНГ, регулирующих порядок проведения данной формы таможенного контроля отличается, порой существенно. Ст. 329 ТК ЕАЭС в сравнении с другими нормами таможенных кодексов стран СНГ, на наш взгляд, выглядит более удачной. Вместе с тем, есть нормы кодексов некоторых стран СНГ (к примеру, ТК Украины), положения которых не мешало бы позаимствовать, в частности об указании в статье, предусматривающей вышеуказанную форму таможенного контроля перечня лиц, не подлежащих личному таможенному досмотру. Нельзя в завершении также не сказать и о положениях норм таможенных кодексов стран СНГ, регламентирующих порядок проведения личного таможенного досмотра (в большинстве ТК – личного досмотра) относительно проблем правового регулирования этики проведения этой формы таможенного контроля, к примеру, относительно пола переводчика, т.к. данный участник в большинстве таможенных кодексов стран СНГ предусмотрен в числе возможных участников этой формы таможенного контроля, но требований к его полу ни один из кодексов не предъявляет. К полу медицинского работника, как было здесь сказано выше, требований в нормах таможенных кодексов стран СНГ тоже не предъявляется, но это вполне объяснимо особенностями морально-психологического восприятия людьми медицинских работников при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, но о переводчике этого не скажешь. Поэтому вопрос относительно требований к полу переводчика, приглашаемого для участия в личном таможенном досмотре, требует дальнейшей научной проработки, как и такой вопрос, как возможность применения в процессе личного таможенного досмотра фото или видеосъемки, поскольку как в ст. 329 ТК ЕАЭС, так и нормах других кодексов стран СНГ, регламентирующих порядок проведения указанной формы таможенного контроля, не предусмотрено как разрешения на фото- или видеосъемку, так и его запрета.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Григорян Т.В. Реализация принципа гуманизма в исключительной форме таможенного контроля // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 7. С. 137–148.
2. Миллеров Е.В. К этическому аспекту правового регулирования личного таможенного досмотра // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2(27) 2017. С. 54–60.
3. Основы таможенных законодательств государств-участников СНГ: приложение к Решению Совета глав государств СНГ «Об основах таможенных законодательств госу-

дарств – участников Содружества Независимых Государств» от 10.02.1995: по состоянию на 15.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017): по состоянию на 15.08.2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

5. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17, с изменениями и дополнениями от 08.05.2015 г.) (утратил силу). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6. Таможенный кодекс Азербайджанской Республики от 24.06.2011: по состоянию на 25.04.2017. Режим доступа: ИС «Континент»: <http://continent-online.com/>

7. Таможенный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2004 г.: по состоянию на 30.05.2017. Режим доступа: ИС «Континент»: <http://continent-online.com/>

8. Таможенный кодекс Туркменистана от 25.09.2010: по состоянию на 24.10.2015. Режим доступа: ИС «Континент»: <http://continent-online.com/>

9. Об утверждении Таможенного кодекса Республики Узбекистан: Закон Республики Узбекистан от 20.01.2016 № ЗРУ-400: по состоянию на 14.09.2017. Режим доступа: ИС «Континент»: <http://continent-online.com/>

10. Таможенный кодекс Республики Молдова от 20.07.2000 № 1149-XIV: по состоянию на 21.09.2017. Режим доступа: ИС «Континент»: <http://continent-online.com/>

11. Таможенный кодекс Украины от 13.03.2012 № 4495-VI: по состоянию на 07.11.2017. Режим доступа: ИС «Континент»: <http://continent-online.com/>

E.V. Millerov

THE ISSUES OF REGULATION OF THE ETHICAL COMPONENT OF A PERSONAL CUSTOMS INSPECTION IN THE CUSTOMS LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES

The article reveals common approaches and differences in the issues of legal regulation of the ethics of personal customs inspection by means of comparative legal analysis of the norms of customs codes of the CIS countries providing for the procedure of personal customs inspection. According to the results of the study, the authors made proposals on borrowing some provisions of the customs codes of the CIS countries into article 329 of the Customs code of the Eurasian economic Union, as well as identified some problematic aspects of the legal regulation of the ethical aspect of personal customs inspection that need their scientific research.

Keywords: customs legislation; CIS countries; personal customs inspection; procedure; ethical aspect; legal regulation; comparison; problems; ways of improvement.

УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЛИЦУ, НЕЗАКОННО ИЛИ НЕОБОСНОВАННО ПОДВЕРГНУТОМУ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ИЛИ ОСУЖДЕНИЮ

© 2018 г. А.А. Подопригора

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы законодательного закрепления положений института реабилитации лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к уголовной ответственности в части возмещения им причиненного

уголовным преследованием вреда. Рассмотрен ряд вопросов уголовно-процессуальной регламентации порядка возмещения реабилитируемому имущественного и морального вреда. Внесен ряд предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: *необоснованное уголовное преследование; реабилитация; реабилитирующие основания; имущественный вред; моральный вред; возмещение.*

Введение

Современный институт уголовно-процессуальной реабилитации жертв судебной ошибки и злоупотреблений в качестве обязательного структурного элемента содержит возмещение причиненного вреда. Лицу, за которым признано право на реабилитацию, направляется извещение, в котором разъясняется порядок возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

Предусмотренный главой 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) порядок уголовно-процессуальной реабилитации включает в себя возмещение реабилитируемому двух видов вреда: имущественного и морального. На сегодняшний день в правоприменении норм института уголовно-процессуальной реабилитации возникают определенные проблемы, требующие своего последовательного разрешения. Анализ положений, регламентирующих порядок реабилитации лиц, признанных незаконно или необоснованно подвергнутыми уголовному преследованию или осуждению, позволяет прийти к выводу о том, что остаются актуальными вопросы совершенствования понятийного аппарата, вопросы процессуальной регламентации порядка возмещения имущественного вреда, некоторые вопросы возмещения морального вреда реабилитируемым.

Цель работы: анализ ряда актуальных вопросов законодательного регулирования процедуры возмещения имущественного и морального вреда реабилитируемым в уголовно-процессуальном порядке и внесение предложений по изменению и дополнению в уголовно-процессуальное законодательство.

1. Некоторые проблемы законодательного закрепления понятийного аппарата института возмещения вреда в рамках уголовно-процессуальной реабилитации

Автором уже рассматривался вопрос о конструктивной ошибке, допущенной в уголовно-процессуальном законодательстве, относительно того, что правом на возмещение рассматриваемого вреда должен обладать именно реабилитируемый, т.е. субъект уголовно-процессуальных отношений, который только еще находится в процессе реабилитации, а не реабилитированный, как это вытекает из положения п. 35 ст. 5, ст. 134, ст. 135, ст. 136 УПК РФ [1, с. 30].

В соответствии с п. 35 ст. 5 УПК РФ лицо, только еще имеющее право на возмещение вреда, причиненного ему незаконным или необоснованным уголовным преследованием, является уже реабилитированным, что не соответствует законодательному определению понятия уголовно-процессуальной реабилитации (п. 34 ст. 5 УПК РФ), которое позиционирует возмещение причиненного лицу незаконным или необоснованным уголовным преследованием вреда как составляющую часть этого процесса. Требуется внести изменение в п. 35 ст. 5 УПК РФ путем замены слова «реабитированный» на «реабитируемый». Тогда бы положение данной нормы входило в соответствие с законодательным определением понятия самой уголовно-процессуальной реабилитации и говорило о лице, которое только находится в ее процессе. Однако законодателем такие изменения на сегодняшний день не внесены, и в современном российском уголовном процессе лицо, которое только еще обладает правом на компенсационно-восстановительные процедуры, предусмотренные в рамках возмещения вреда, но еще не реализовавшее его, может предполагаться уже находящимся в состоянии завершения процесса реабилитации и считаться реабилитированным. При таком положении вещей можно

ошибочно предположить, что исходя из современных нормативных положений уголовно-процессуальная реабилитация ограничивается только лишь фактом признания лица невиновным и признания за ним права на возмещение вреда, а вопросы же возмещения вреда разрешаются уже в отношении реабилитированного. Такая позиция принималась в законодательстве советского периода правового развития нашего государства, где реабилитированными считались лица, в основном жертвы политических репрессий, просто признанные невиновными по истечении многих лет, зачастую посмертно. После признания их реабилитированными начинались долгие и нелегкие процессы по реализации ими или их родственниками права на возмещения полученного вреда, но уже находясь в статусе реабилитированного. На сегодняшний день институт реабилитации получил широкое развитие и должен соответствовать позициям современных правовых реалий.

Несомненным является то, что к формулировкам, применяемым в нормах права, предъявляются высокие требования. С помощью юридического понятийного аппарата законодателем выражается смысловая нагрузка основополагающих позиций, поэтому данный аппарат играет важную роль в законодательной конструкции любой отрасли права. Особенно это касается уголовно-процессуального законодательства, так как именно в уголовном судопроизводстве наиболее ощутимо ограничиваются права и свободы личности и любые ошибки, допущенные в ходе уголовного преследования или правосудия, влекут за собой серьезные негативные последствия. Представляется, что законодателю стоит обратить внимание на рассмотренную выше ошибку, допущенную в понятийном аппарате норм института уголовно-процессуальной реабилитации и внести соответствующее изменение в п. 35 ст. 5 УПК РФ.

Исходя из перечня, закрепленного в ч. 1 ст. 135 УПК РФ, содержащего в том числе такую позицию, как «иные расходы» (п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ), можно сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальное понятие имущественного вреда в рамках института реабилитации входит понятие реального ущерба в его цивилистическом изложении (ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Возникает вопрос: входит ли сюда упущенная выгода? Возможно, под определение упущенной выгоды можно подвести неполученную реабилитируемым ту заработную плату, которую он мог получить будучи не являясь подвергнутым незаконному или необоснованному привлечению к уголовной ответственности и т.п.

Однако как быть с недополученной прибылью индивидуального предпринимателя или недополученными доходами конкретного лица от имущества, конфискованного по приговору суда? Имеет место и ошибочное осуждение лица с применением наказания, не позволяющего осуществлять свою профессиональную деятельность и получать прибыль. Ученые приводят статистику, указывающую на достаточно широкое применение такого уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [2, 3, 4, 5], которое по истечении времени также может быть признано необоснованным. В гражданском праве эта прибыль входит в понятие упущенной выгоды. В ч. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

На вопрос, включается ли упущенная выгода в перечень того, что подлежит возмещению при реабилитации, однозначного ответа в уголовно-процессуальном законе нет.

Можно было бы предположить, что образованный п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ открытый характер перечня включаемого в возмещение реабилитируемому имущественного вреда, дает возможность сделать вывод, что упущенная выгода хотя прямо не указана в законе, но может подразумеваться. Однако в данном случае возникают некоторые вопросы. В положении п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ применяется словосочетание «иные расходы». Обращаясь к толковым словарям мы видим, что расходы, это «потребление, затрата чего-нибудь для определенной цели» [6], «затраты, издержки; сумма израсходованных денег» [7]. Ключевым в нашем случае являются такие значения, как «за-

траты» и «израсходованные», а значит уже имевшиеся в распоряжении и извлеченные, потраченные средства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что перечень ч. 1 ст. 135 УПК РФ открыт лишь в части возмещения реального ущерба, в который входит фиксированная заработанная плата, пособие, стипендия, пенсия, конфискованное имущество т.п., но не включает упущенную выгоду. О возмещении упущенной выгоды нельзя говорить и опираясь на положение п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ. Пленум Верховного Суда в одном из своих постановлений разъяснил, что «под иными расходами, возмещение которых реабилитированному предусмотрено пунктом 5 части 1 статьи 135 УПК РФ, следует понимать как расходы, которые понесены реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования, так и расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья и других» [8].

Представляется, что развитие института возмещения вреда жертвам судебнo-следственных ошибок требует регламентации вопроса о компенсации упущенной выгоды в рамках процедур уголовно-процессуальной реабилитации.

В этой связи, предлагаем п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ изложить в следующей редакции: «иных убытков». По нашему мнению, включение упущенной выгоды в перечень того, что понимается под имущественным вредом, а, следовательно, подлежит возмещению реабилитируемому в уголовно-процессуальном порядке, отвечает восстановительной сущности института реабилитации в российском уголовном судопроизводстве.

Данная формулировка не позволяет говорить о том, что в расходы также включены неполученные реабилитируемым неопределенные прибыли, которые возможно могли бы состояться при лишь планируемых сделках, операциях, возможном премировании и т.п.

Представляется, что поскольку возмещение имущественного вреда реабилитируемому носит персональный характер, то и компенсация выплаченных денежных средств за оказание юридической помощи должна производиться в том случае, если реабилитируемый оплачивал таковые из собственных денежных средств. В том числе, если оплата производилась другими лицами, но на таких основаниях, которые дают право этим лицам потребовать от реабилитируемого уплаченных сумм. В иных случаях, лица, оплатившие услуги по оказанию юридической помощи, не имеют возможности претендовать на возмещение со стороны государства затраченных ими средств.

Остается недостаточно регламентированным на сегодняшний день также вопрос о возврате имущества, изъятого у реабилитируемого в ходе предварительного расследования в качестве вещественных доказательств. В ст. 135 УПК РФ говорится лишь о возврате имущества, конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда.

Однако изъятое в ходе следственных действий имущество может быть утрачено или испорчено, что приведет к невозможности или бессмысленности их возвращения в натуральном виде. Именно тогда имеются основания для применения процедуры, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством для возмещения имущественного вреда.

В связи с этим, представляется необходимым в п. 2 ч. 2 ст. 135 УПК РФ внести следующее дополнение: «... а также имущества, изъятого и приобщенного к делу в качестве вещественного доказательства и не возвращенного в предусмотренном законом порядке».

2. Содержание реабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования как предпосылки возникновения права на возмещение вреда

Статья 133 УПК РФ регламентирует основания возникновения права на реабилитацию, перечисляя субъектов, обладающих данным правом, в том числе правом на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием. Право на возмещение вреда возникает в случае завершения уголовного преследования по основаниям, которые

именуются реабилитирующими. При наличии таковых соответствующие должностные лица обязаны предпринять меры по обеспечению реализации права на возмещение вреда в рамках реабилитации. Однако, содержание норм уголовно-процессуального законодательства формирует некоторую путаницу, определяя реабилитирующие основания для прекращения уголовного преследования и обязанность по обеспечению реабилитации лица. Так, в п. 3 ч. 2. ст. 133 УПК РФ указывается, что право на реабилитацию, в том числе на возмещение вреда, возникает в случае прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. п. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 или прекращения уголовного преследования по основаниям, предусмотренным п.п. 1, 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Таким образом, указанные основания являются реабилитирующими и влекут за собой необходимость обеспечения права на реабилитацию. Однако, обратившись к положениям ст. 212 УПК РФ, мы увидим, что законодатель обязывает следователя или прокурора принять меры по реабилитации лица в случаях прекращения уголовного дела только по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность к совершению преступления), ничего не говоря об основаниях, предусмотренных п. п. 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и п. п. 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Но ведь эти основания для прекращения уголовного преследования или дела тоже являются реабилитирующими. Почему закон не обязывает в этом случае должностных лиц органов уголовного преследования обеспечить реализацию права на реабилитацию? Можно ли тогда говорить о том, что реабилитирующими являются только такие основания для прекращения, как отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность к совершению преступления? Аналогичный вопрос возникает и при анализе положений ст. 302 УПК РФ, регламентирующей основания для вынесения приговора и ст. 254 УПК РФ, регламентирующей основания и порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании. В ст. 302 УПК РФ сказано, что оправдательный приговор выносится в случае, если в ходе судебного разбирательства не установлено событие преступления, отсутствует в деянии состав преступления, установлена непричастность к совершению преступления, если коллегией присяжных вынесен оправдательный вердикт. Тут же указывается на то, что оправдание по данным основаниям влечет за собой реабилитацию в порядке главы 18 УПК РФ. Однако в судебном разбирательстве возможно принятие решения судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Основания для принятия такого решения перечислены в ст. 254 УПК РФ, которая отсылает нас к ст. ст. 24 и 27 УПК РФ, включая, в том числе, и п. п. 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и п. п. 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Но указания на необходимость принятия мер по реабилитации лица, в отношении которого прекращено в судебном разбирательстве дело или преследование по этим основаниям, опять не содержится.

Отсюда следует, что содержание норм ст. ст. 212, 254 и 302 УПК РФ в определенной степени сужает содержание реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела или преследования, предусмотренных п. 3 ч. 2. ст. 133 УПК РФ.

Некоторыми авторами высказывались суждения о необходимости внесения в уголовно-процессуальный закон и институт реабилитации изменений в части признания в качестве реабилитирующих только тех оснований, которые предусмотрены в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность к совершению преступления) [9, с. 34]. Другие авторы считают правильным опираться на положения базовых для института реабилитации норм, содержащихся в ст. 133 главы 18 УПК РФ, которые имеют более конкретный характер [10, с. 49]. Нами поддерживается последняя точка зрения, которая позволяет сформировать более правильный подход к пониманию специфики институциональной сущности возмещения вреда в структуре уголовно-процессуальной реабилитации.

Касательно возмещения морального вреда реабилитируемому остаются неразрешенными некоторые вопросы, относящиеся к регламентации принесения прокурором официального извинения. Данная процедура, исходя из положений ст. 136 УПК РФ, не требует каких либо заявлений реабилитируемого. Извинение прокурора от имени государства

приносится в обязательном порядке, но его содержание, форма, процессуальное оформление детально не регламентированы. Отсутствует в законодательной регламентации и указание на возможность формирования какого-либо акта, в котором реабилитируемый мог бы выразить свою удовлетворенность результатами реализации требований ч. 1. ст. 136 УПК РФ. Впоследствии реабилитируемому затруднительно будет доказать факт отсутствия рассматриваемого извинения прокурора или факт ненадлежащего по своему содержанию извинения. В главе 18 УПК РФ не содержится специального положения, указывающего на возможность и порядок обжалования действий (бездействия) прокурора по принесению официального извинения в рамках возмещения морального вреда. Поэтому если реабилитируемый не удовлетворен результатами такого действия (бездействия), следует опираться на общее положение о праве на обжалование всех процессуальных действий (бездействия) и решений уполномоченных на производство уголовно-процессуальных субъектов, предусмотренное ст. 19 УПК РФ.

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 указывается, что «если вопрос о принесении извинения прокурором поставлен реабилитированным перед судом, суд возлагает исполнение такой обязанности на прокурора соответствующего уровня, о чем указывает в постановлении» [8]. Совершенно неясно, в каком случае этот вопрос ставится перед судом? Представляется, что тем самым Пленум Верховного Суда попытался разрешить вопрос, возникающий в ситуации, когда прокурор не принес извинений и реабилитируемый через суд пытается принудить его к этим действиям, что само по себе звучит странно. Необходимо стремиться к тому, чтобы извинения приносились без принуждения к тому судом. А значит, необходимо более детально регламентировать порядок принесения таковых.

Закон не регламентирует, какой именно прокурор должен принести извинения и это обстоятельство приводит к тому, что конкретный прокурор имеет возможность снять с себя эту обязанность, переложив на плечи другого. Анализируя положение п. 31 ст. 5 УПК РФ можно сказать, что субъект, обязанный принести от имени государства извинение, сформулирован довольно широко.

Представляется необходимым внести определенное уточнение в ч. 1 ст. 136 УПК РФ, указав, что принести официальное извинение от имени государства обязан прокурор, надзирающий за соответствующим органом, допустившим незаконное или необоснованное привлечение к уголовной ответственности или незаконное применение мер уголовно-процессуального принуждения. Если же речь идет о незаконном или необоснованном осуждении, то извинения должен принести прокурор района, субъекта Федерации или Генеральный прокурор, в зависимости от того, суд какого уровня выносил решение.

Выводы

Совершенствование института возмещения вреда жертвам судебно-следственных ошибок требует последовательного изучения проблем правоприменительной практики, анализа причин их формирующих. Принципиальными причинами возникновения проблем в части обеспечения прав реабилитируемых в уголовном процессе являются имеющиеся пробелы и противоречия в законодательном регулировании порядка возмещения данным субъектам вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием или осуждением. В настоящей работе нами рассмотрена только незначительная часть таковых, но даже их устранение поможет совершенствованию института реабилитации в российском уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. *Подопригора А.А.* Реабилитация в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ростовский юридический институт МВД России, Ростов н/Д, 2003. 175 с.
2. *Подройкина И.А.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в судебной практике // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 4(29). С. 66–71.

3. Нураева Н.Ф. Особенности наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Государство и право в условиях гражданского общества. 2015. С. 70–75.
4. Мирошниченко Н.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 51–56.
5. Воскресов Б.Н. Сложные вопросы назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 70–72.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] // Словари, энциклопедии и справочники – Slovar.cc. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ojegov/611469.html> (дата обращения: 23.07.2018).
7. Ефремова Т.Е. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах [Электронный ресурс] // Словари, энциклопедии и справочники – Slovar.cc. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/351650.html> (дата обращения: 23.07.2018).
8. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 // Российская газета. 2011. 5 декабря. № 5649 (273).
9. Макарова О.В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 34–35.
10. Коршунов А.В. Неустраненные проблемы реабилитации в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2015. № 4(75). С. 47–56.

A.A. Podoprigora

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURAL REGULATION OF COMPENSATION TO PERSONS UNLAWFULLY OR GROUNDLESSLY SUBJECTED TO CRIMINAL PROSECUTION OR CONVICTION

The article deals with some topical issues of legislative consolidation of the provisions of the Institute of rehabilitation of persons illegally or unreasonably brought to criminal responsibility in terms of compensation for damage caused by criminal prosecution. A number of issues of criminal procedural regulation of the order of compensation of rehabilitated property and moral harm are considered. A number of proposals have been made to amend the criminal procedure legislation.

Keywords: *unreasonable criminal prosecution; rehabilitation; rehabilitating grounds; property damage; moral harm; compensation.*

УДК 34:004

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОДДЕРЖКИ ТРАДИЦИОННЫХ (ОТЛИЧНЫХ ОТ ДОСТУПНЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ) ФОРМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗНАНИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2018 г. М.В. Алексеева

В статье рассматриваются правовые особенности традиционных форм распространения знаний в условиях информационной революции и бурного развития средств коммуникации. Автор акцентирует внимание на том, что в правовом регулировании связанных с этой деятельностью отношений преобладают диспозитивные способы.

Ключевые слова: *распространение знаний; информационное пространство; государственное управление; традиционные формы распространения знаний.*

Введение

В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [1] (далее – Стратегия развития информационного общества, Стратегия), одним из национальных приоритетов Российской Федерации при развитии информационного общества является формирование информационного пространства знаний путем поддержки традиционных (отличных от доступных с использованием сети Интернет) форм распространения знаний [2, с. 50–55].

Как системообразующий правовой термин словосочетание «поддержка традиционных (отличных от доступных с использованием сети Интернет) форм распространения знаний» в системе российского законодательства пока полностью не оформлено. В то же время активно используется термин «распространение знаний», образующий смысловую основу рассматриваемого словосочетания.

Цель работы: проанализировать правовые особенности традиционных форм распространения знаний в условиях информационной революции в системе государственного управления с учетом Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

1. Сущность понятия «распространение знаний».

Наличие в правовых актах положений такого содержания как «просвещение посредством распространения знаний» [3], указывает на то, что термин «распространение знаний» рассматривается в них как близкий по смыслу к термину «просвещение» и обозначает связанный с ним вид деятельности с учетом того, что «просвещение» в общем смысле – это «идейное течение, основанное на убеждении в решающей роли разума и науки в познании “естественного порядка”, соответствующего подлинной природе человека и общества».

Накопление, распространение и передача знаний от поколений к поколениям во все времена определяли развитие человеческой цивилизации. В науке можно выделить несколько основных подходов к пониманию сущности понятия «распространение информации» и особенностей процесса его осуществления.

Так, в рамках предметной сферы философии науки выделяются синхронный способ передачи опыта и знаний, указывающий на возможность согласования деятельности субъектов взаимодействия, и диахронный способ, указывающий только на передачу

наличной суммы информации, «суммы знаний и обстоятельств». За первым типом общения закрепилось название «коммуникация», за вторым – «трансляция». Знание в традиционном смысле связано с трансляцией [4, с. 562–563].

В теории управления знаниями особо подчеркивается, что в условиях информационной революции и бурного развития средств коммуникации, когда объемы и темпы прироста знаний и их использования многократно возросли [5, с. 76–80], «распространение знаний» как «этап жизненного цикла знаний» должно рассматриваться как «базовый вид деятельности, связанный со знаниями», «целью данного вида деятельности (процесса) является передача знаний в нужное место, в нужное время, с нужным качеством» [6, с. 28–36].

В рамках психолого-педагогического подхода в силу субъективной принадлежности знаний принципиальным для понимания сущности распространения знаний является вопрос о том, что информация передается и усваивается, а знания формируются в процессе ее последовательной интеграции в смысловую систему субъекта, процедуры понимания, усвоения и применения. На этой основе говорить о «транслировании знаний», об «обмене знаниями» и т.п. в рамках данного подхода считается некорректным [7].

2. Правовая характеристика понятия «распространение знаний»

«Неявное (скрытое) знание» (опыт, мастерство, культура мышление, интуиция и т.д.) находится в уме человека. «Явные знания» (описание теорий, методов, технологий, систем и т.п.) хранятся на материальных носителях (книги, документы, рисунки и схемы, фильмы, аудио- и видеозаписи, магнитные и электронные файлы, базы данных и т.п.).

Между явными и неявными знаниями происходит непрерывный обмен и трансформация, осуществляемые многими способами. При их обобщении выделяются так называемые «складской подход», когда потребители обращаются к легкодоступному хранилищу знаний (книги, документы, базы данных и т.п.) и «поточный метод», когда большая часть знаний лучше всего передается от человека к человеку посредством непосредственного общения (обучение, активные формы коммуникации и т.п.).

Фазы циклического процесса обмена и трансформации (социализация, взаимные преобразования (конверсии) и комбинации) показывают, что, несмотря на стремительный рост объемов «явных знаний», главным образом знания находятся в голове человека, мозг которого обладает уникальной способностью создавать знания и работать с ними. В то же время мозг человека ограничен в объемах запоминания разрозненных данных и сведений, ему проще работать с упорядоченной информацией и цельными структурами знаний [6, с. 15–23, 29–32, 35–36].

Как отмечается в Стратегии развития информационного общества, смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации.

Опасность здесь состоит в том, что «такая форма освоения информации упрощает влияние на взгляды и предпочтения людей, способствует формированию навязанных моделей поведения, что дает преимущество в достижении экономических и политических целей тем государствам и организациям, которым принадлежат технологии распространения информации» [8, с. 256].

Поэтому, с учетом того, что «российское общество заинтересовано в получении информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России», в Стратегии определяется задача: для формирования информационного пространства знаний необходимо в том числе «принять меры поддержки традиционных средств распространения информации (радио-, телевидение, печатные средства массовой информации, библиотеки)».

В данном случае перенос внимания в Стратегии развития информационного общества с термина «распространение знаний» на термин «распространение информации»,

также означающий содержание предмета правового регулирования в рамках решения задачи по формированию информационного пространства знаний, имеет целью выделение организации системы распространения знаний, ее коммуникационной стороны, обеспечивающей формирование, передачу и усвоение знаний в коллективных формах, формирование новых знаний в результате мыслительной деятельности в процессе познания.

В российском законодательстве присутствуют легальные определения понятия «распространение информации» и должное правовое регулирование отношений, связанных с распространением информации.

Так, выделяя легальное понятие «информация» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления) [9] применительно к рассматриваемому вопросу, можно отметить, что его центральным элементом является не столько содержательная, сколько коммуникативная сторона.

В Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятие «распространение информации» определяется как «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц», а в Федеральном законе от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – как действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или на передачу информации неопределенному кругу лиц, в том числе путем ее раскрытия в соответствии с законодательством Российской Федерации о ценных бумагах; связанные с опубликованием информации в средствах массовой информации, в том числе в электронных, информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая сеть Интернет); связанные с распространением информации через электронные, информационно-телекоммуникационные сети, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая сеть Интернет) [10].

И.А. Юрченко, рассматривая определение понятия «распространение информации», закрепленное в Федеральном законе «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации...», полагает, что его законодательная формулировка является неудачной в связи с излишним указанием на действия, содержащиеся в пунктах «б» и «в», так как они полностью охватываются понятием, закрепленным в пункте «а» и отражающим содержание базового легального понятия «распространение информации» [11].

Е.В. Дженакова, анализируя содержание базового легального определения понятия «распространение информации», закрепленное в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», выявляет в нем ряд неточностей и противоречий (например, несмотря на такой его признак, как «неопределенность круга лиц, в адрес которых направляется информация», включенные в определение понятия действия «получение» и «передача» подразумевают вполне определенный круг получателей информации) и на этой основе предлагает определить базовое легальное понятие «распространение информации» как «деятельность, направленную на доведение содержания информации до сведения многих лиц» [12, с. 8–12].

Ю.В. Волков соглашается с Е.В. Дженаковой лишь в констатации сложности вопроса понимания распространения информации и указывает на то, что, заменив в базовом легальном определении его понятия «действие» на «деятельность», а «информацию» – на «содержание информации», Е.В. Дженакова определяет «распространение информации» еще через большее количество недостаточно определенных понятий.

Кроме того, Ю.В. Волков справедливо отмечает, что проблема языковой и логической формы базового легального понятия «распространение информации» значительно шире. В частности, в российском законодательстве нет определения понятия «передача информации», через которое легально определено понятие «распространение инфор-

мации». Техническая документация (в частности, ГОСТ 7.73-96 СИБИД. Поиск и распространение информации. Термины и определения) предлагает иное понимание распространения информации («процесс предоставления информации, имеющейся в информационно-поисковых системах, потребителям информации»), с учетом которого распространение информации следует рассматривать как вид деятельности, отличный от процесса передачи информации.

Основную же логическую ошибку в базовом легальном определении понятия «распространение информации» В.Ю. Волков видит в том, что в нем произведена подмена основания: вместо означаемого действия дано толкование распределения информации, поскольку распределение – это передача чего-нибудь одному или нескольким лицам.

Что касается распространения информации, это действия, результатом которых является формирование режима общего доступа к информации. Исходя из этого, по мнению В.Ю. Волкова, «распространение информации – это действия, направленные на формирование режима свободного доступа к информации (сведениям) для неопределенного круга лиц» [13].

По нашему мнению, предлагаемое Ю.В. Волковым толкование понятия распространения информации имеет достаточно веские основания для использования, поскольку применительно к основному смысловому содержанию задачи по формированию информационного пространства знаний («формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений») создание адекватного юридического инструментария для ее решения обеспечивает именно формирование определенного правового режима в информационном пространстве.

3. Особенности правового режима распространения информации

Целевым назначением правового режима распространения информации при формировании информационного пространства знаний, согласно Стратегии, является обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора.

Носителем правового режима распространения информации при формировании информационного пространства знаний (объектом правового регулирования) являются качественные и достоверные сведения. Признак качества сведений в данном случае характеризует соответствие распространяемой информации заинтересованности российского общества в высоком интеллектуальном и культурном развитии граждан России, а признак достоверности сведений – соответствие объективной реальности окружающего мира.

Круг субъектов правового режима распространения информации при формировании информационного пространства знаний, определяемый в Стратегии развития информационного общества, достаточно широк и систематизирован по видам и формам распространения информации в соответствии с положениями Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [14] и Федерального закона от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» [15].

Так, по видам распространения информации в Стратегии выделяются такие традиционные (отличные от доступных с использованием сети Интернет) средства массовой информации, как радио-, телевидение, печатные средства массовой информации, а также такие информационные, культурные и просветительские организации, как библиотеки.

Все указанные параметры правового распространения информации при формировании информационного пространства знаний позволяют определить, что в правовом регулировании связанных с этой деятельностью отношений преобладают диспозитивные способы. Это обусловлено тем, что традиционные средства распространения информации (радио-, телевидение, печатные средства массовой информации, библи-

отеки), а также распространяемая с их помощью информация во многом недостаточно эффективно задействованы в противовес негативным формам освоения информации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, особенно в сети Интернет.

С учетом этого, например, в соответствии с Основами государственной культурной политики, утвержденными Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (далее – Основы государственной культурной политики), поддержка государственных, общественных, общественно-государственных институтов в распространении среди граждан знаний и культуры как стратегическая задача государственной культурной политики в области просвещения предусматривает: гуманизацию общего и профессионального образования; вовлечение граждан в различные формы просветительской деятельности, в том числе путем поддержки обществ, клубов, общественных объединений просветительской направленности; возрождение и развитие массового краеведческого движения в стране, а также деятельности по историческому просвещению граждан; развитие культурного просветительства с привлечением к этой деятельности профессиональных сообществ и организаций культуры и др.

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (далее – Стратегия государственной культурной политики), предусматривает принятие акта, направленного на развитие книгоиздания, на книгораспространение, распространение периодической печати, совершенствование инфраструктуры чтения [16].

План мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной культурной политики до 2030 года, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 01.12.2016 № 2563-р, предусматривает мониторинг состояния инфраструктуры книжной торговли и системы распространения периодической печати в розницу и по подписке, в том числе в рамках проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение», Всероссийского конкурса «Самый читающий регион», реализацию рекомендаций Минкомсвязи России по количеству объектов распространения периодической печати и книг в субъектах Российской Федерации, составление рейтинга российских регионов по этим показателям, проведение тематических конференций, круглых столов, семинаров по этим вопросам, организацию декад подписки и других мероприятий [17].

В рамках задач, определенных Основами государственной культурной политики и Стратегией государственной культурной политики в части усиления роли современных библиотек в деле просвещения и воспитания, создания на базе библиотек культурно-просветительских центров, развития библиотек как общественных институтов распространения книги и приобщения к чтению, Министерством культуры России утвержден и реализуется План мероприятий («дорожная карта») по перспективному развитию общедоступных библиотек Российской Федерации на 2017–2021 годы [18].

Отдельного внимания в рамках определения правовых основ поддержки традиционных (отличных от доступных с использованием сети Интернет) форм распространения знаний при формировании информационного пространства знаний требует вопрос об ответственности за деятельность, связанную с распространением при этом вредной информации. Данная ответственность носит межотраслевой характер и определяется нормами гражданского, трудового, административного и уголовного права. Однако правоприменительная практика реализации указанных норм в силу ряда причин пока во многом остаются малоэффективной.

Выводы

1. Уясняя сущность понятия «распространение знаний» и особенности процесса его осуществления, важно иметь в виду, что понятия «знания» и «информация» тесно связаны между собой, при этом основное различие состоит в степени организованности и осмысленности первичных (исходных) данных (исходные данные – информация (контекст, в котором использованы данные) – знание (выводы на основе данных и информации) [19, с. 11].

2. Согласно положениям теории управления знаниями, знания представляют собой особый вид интеллектуальных ресурсов, которые обладают рядом специфических свойств, различаются по уровням и способам систематизации, наиболее распространенным из которых является различие «неявного (скрытого)» и «явного» знания.

3. Основное смысловое содержание закрепленной в Стратегии развития информационного общества задачи по формированию информационного пространства знаний позволяет выделить такие основные параметры устанавливаемого при этом правового режима распространения информации, как: его целевое назначение, объект правового регулирования (носитель правового режима), правовое положение субъектов правового режима, основные способы правового регулирования и средства юридического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203: по состоянию на 01.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Алексеева М.В.* Особенности информационного пространства знаний как объекта государственного управления в информационной сфере // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 50–55.

3. Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808: по состоянию на 01.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Кохановский В.П. и др.* Основы философии науки: учеб. пособие для аспирантов. 6-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 562–563.

5. *Алексеева М.В., Линкин В.Н.* Особенности стратегии государственного управления в сфере развития информационного общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 76–80.

6. *Тузовский А.Ф., Чириков С.В., Ямпольский В.З.* Системы управления знаниями (методы и технологии) / под общ. ред. В.З. Ямпольского. Томск: Изд-во НТЛ, 2005. С. 28–36 [Электронный ресурс]. URL: http://portal.tpu.ru/SHARED/y/YVZ/work/Tab1/SUZ_monogr.pdf (дата обращения: 20.06.2018).

7. *Костромина С.Н., Гнедых Д.С.* Информация и знание: подходы к пониманию процессов усвоения информации и формированию знаний в обучении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 5–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24183951> (дата обращения: 20.06.2018).

8. *Фомин М.С.* Видеотекст как средство обеспечения информационной безопасности // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-4. С. 256–266. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30010612> (дата обращения: 20.06.2018).

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.04.2018): по состоянию на 01.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

10. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016): по состоянию на 01.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

11. *Юрченко И.А.* Уголовно-правовое обеспечение принципа информационной прозрачности корпоративного управления // Lex russica. 2017. № 4. С. 199. [Электронный ресурс]. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_103322.html

12. *Дженакова Е.В.* Понятие распространения информации // Информационное право. 2016. № 1. С. 8–12.

13. *Волков Ю.В.* О толковании термина «распространение информации» // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе:

сборник статей международной научно-практической конференции (6 октября 2017 г., Челябинск). Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 29–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30358209>

14. О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018): по состоянию на 01.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

15. О библиотечном деле: федер. закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ (ред. от 03.07.2016): по состоянию на 01.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р (ред. от 30.03.2018): по состоянию на 06.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 01.12.2016 № 2563-р (ред. от 20.05.2017): по состоянию на 06.08.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

18. План мероприятий («дорожная карта») по перспективному развитию общедоступных библиотек Российской Федерации на 2017–2021 годы (утв. Минкультуры России 27.04.2017): по состоянию на 11.08.2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

19. Ефимов В.В. Управление знаниями: учеб. пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2005. С. 11.

M.V. Alekseeva

THE LEGAL FRAMEWORK OF SUPPORTING TRADITIONAL (NON-ACCESSIBLE THROUGH THE INTERNET) FORMS OF DISSEMINATION OF KNOWLEDGE IN THE FORMATION OF INFORMATION SPACE OF KNOWLEDGE IN THE PUBLIC ADMINISTRATION

The paper considers the legal peculiarities of traditional methods of knowledge dissemination in the conditions of information revolution and rapid development of communication means. The author focuses on the fact that in the legal regulation of relations associated with this activity dispositive methods prevail.

Keywords: *knowledge dissemination; information space; public administration; traditional forms of knowledge dissemination.*

УДК 347.9

НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

© 2018 г. И.В. Бухарова

В статье рассмотрены предложенные Верховным Судом Российской Федерации изменения в арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве. Выявлены проблемы, которые могут возникнуть в результате введения предложенных изменений, а также рассмотрено влияние этих изменений на процессуальное законодательство в целом.

Ключевые слова: *Верховный Суд Российской Федерации; законопроект; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации; Арбитражный процессуальный*

кодекс Российской Федерации; арбитражный суд; суд общей юрисдикции; гражданский процесс; арбитражный процесс.

Введение

Современное процессуальное законодательство находится в процессе модернизации. «Главная проблема в данной области, которая тревожит научные круги на протяжении долгого количества времени, – унификация гражданского и арбитражного процессуального законодательства» [1]. Поэтому для наиболее эффективной и своевременной реализации задач правосудия коренным изменениям подвергаются арбитражно-процессуальный и гражданско-процессуальный кодексы.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что Верховный Суд Российской Федерации осенью прошлого года выступил с законодательной инициативой о реформе процессуального законодательства. Предложенный законопроект был одобрен Государственной Думой в первом чтении и предусматривает существенные преобразования в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Целью данной статьи является анализ предложенных Верховным Судом Российской Федерации изменений и преобразований, а также их влияния на реализацию правосудия в целом.

В соответствии с вышеприведенной целью автором были поставлены следующие задачи: подробное изучение поправок, включённых в гражданский процессуальный и арбитражный процессуальный кодексы, выявление проблемных аспектов, которые могут возникнуть с учетом введения предложенных изменений, а также оценка влияния данных изменений на процессуальное законодательство в целом.

Научная новизна заключается в том, что автором были проанализированы грядущие перемены привычных устоев гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

1. Реформа процессуального законодательства

Большое количество научных статей посвящено проблеме объединения Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). «Первый шаг на пути решения данной проблемы был принят еще в 2014 году, когда Верховный Суд Российской Федерации объединили с Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации. Уже тогда в научных кругах обсуждалась идея о создании единого процессуального кодекса, который регламентировал бы работу арбитражных судов и судов общей юрисдикции» [2]. «Но решение этой проблемы представлялось затруднительным, по причине того, что в действующих на тот момент АПК РФ и ГПК РФ не были решены общие вопросы, а также существовали разночтения при регулировании процессуальных отношений» [3]. В настоящее время данная проблема остается актуальной, отправление правосудия в арбитражных судах и судах общей юрисдикции так же, как и несколько лет назад осуществляется не единым процессуальным кодексом.

Относительно недавно Верховный Суд Российской Федерации, реализовав свое конституционное право на законодательную инициативу, внес в Государственную Думу Российской Федерации пакет документов, влекущий за собой существенные преобразования гражданского и арбитражного судопроизводства. Как отмечается самими судьями Верховного Суда, данный законопроект предусматривает масштабную реформу процессуального законодательства. Из пояснительной записки следует, что мы делаем шаг к сближению гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства.

Главным новаторством предложенных изменений является отказ от института «подведомственности» при разграничении компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Под подведомственностью в научных кругах принято понимать круг споров о праве, решение которых отнесено к ведению того или иного юрисдикционного органа. Как известно, разграничение юрисдикционных полномочий

между арбитражными судами и судами общей юрисдикции осуществляется исходя из пределов и форм отправления правосудия по конкретным категориям дел, круг которых определен Конституцией Российской Федерации и иными процессуальными актами [4].

Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации, «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

В силу ст. 47 Конституции Российской Федерации «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде или тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [5]. Подвергая анализу данное положение, следует признать, что понятие подсудности, которое характеризует разграничение дел внутри судебной системы, тесно переплетается с понятием подведомственности.

«В практических кругах институт подведомственности создает немало проблем при принятии судом дела, не отнесенного к его компетенции. Данная процессуальная ошибка суда влечет за собой правовое последствие – возвращение искового заявления. И хотя это не препятствует повторному обращению в суд с тем же предметом и по тем же основаниям, это является существенным нарушением права заявителя на получение судебной защиты» [6]. Предложенный Верховным Судом законопроект предусматривает упразднение данного института. «Одновременно законопроектом предлагается порядок, в соответствии с которым суд общей юрисдикции или арбитражный суд, ошибочно возбуждавшие производство по делу, не отнесенному к их компетенции, направляют дело для рассмотрения в суд другой судебной подсистемы. Если же отсутствие компетенции данной подсистемы судов на рассмотрение дела выявлено на стадии принятия заявления, заявление возвращается лицу в связи с неподсудностью» [7].

Еще одним новаторством, которое было предложено разработчиками проекта, является то, что наряду с адвокатами представителями в суде могут выступать лица, которые имеют высшее юридическое образование. Данное условие можно назвать «отсеивающим», с помощью которого из процесса будут исключены люди, не имеющие четкого профессионального представления об отправлении правосудия в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Аналогичная норма содержится в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, применение которой отмечается высокой эффективностью.

Помимо этого, разработчики проекта предлагают ввести новую категорию представителей – поверенные. «Однако объем его полномочий существенно меньше, чем объем представителя, поэтому наличие высшего юридического образования необязательно» [8]. Данная категория лиц является нововведением в процессуальной области, поэтому не представляется возможным отследить на деле эффективность их участия в процессе.

Спорным нововведением является исключение из составных частей решения суда мотивировочной части. Подобная практика применяется при составлении решения мировым судьей. Теперь и в судах общей юрисдикции решение суда будет состоять из описательной и резолютивной частей.

В полном объеме такие решения изготавливаются только по заявлению участвующих в деле лиц, их представителей в случае подачи апелляционной жалобы, а также в случаях, установленных законом. Кроме того, мотивированное решение может быть составлено по инициативе самого суда. «В целях защиты прав граждан и организаций законопроект выделяет определенные категории дел, наиболее значимые с точки зрения социальной и экономической направленности, по которым составление мотивированного решения всегда будет являться обязательным. К ним, в частности, законопроект относит дела, связанные с защитой прав детей; дела о выселении граждан из жилых помещений без предоставления других жилых помещений; дела о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц; дела о защите пенсионных прав; дела о банкротстве; дела по корпоративным спорам; дела, относящиеся к подсудности Суда по интеллектуальным правам и ряд других дел» [8].

2. Отдельные изменения в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном кодексах

Следует отметить, что рассматриваемый законопроект содержит помимо предложений общего характера также отдельные изменения в ГПК РФ и АПК РФ. Важным новаторством, по нашему мнению, будет введение нормы в ГПК РФ по аналогии с АПК РФ, которая определит полномочия помощника судьи и секретаря судебного заседания. Введение этого положения в гражданско-процессуальный кодекс наконец-то позволит определить процессуальное положение указанных лиц и прекратит дискуссии в научных кругах по поводу того, к какой категории участников гражданского процесса их относить.

При детальном изучении пояснительной записки к законопроекту можно заметить еще немалое количество предложенных изменений. В рамках усовершенствования ГПК РФ хотелось бы остановиться на введении отдельной главы о примирительных процедурах. В данной ситуации также не обошлось без заимствования идеи из АПК РФ, в котором нормы положений о примирении в судебном процессе действуют уже продолжительное время. Очевидно, что существует принципиальная необходимость введения отдельной главы, которая более детально смогла бы урегулировать вопросы заключения мирового соглашения в гражданском процессе, если таковое возможно. Существенным недочетом, который существует в обоих процессуальных кодексах, является отсутствие законодательно закрепленного понятия «мировое соглашение». В ГПК РФ о мировом соглашении упоминается только в некоторых частях отдельных статей. АПК РФ же содержит в себе нормы, которые определяют «форму и содержание мирового соглашения, утверждение его судом, исполнение» [9]. Следует отметить, что такая позиция наиболее предпочтительна. Считаем целесообразным предложить заключение мирового соглашения в устной форме путем фиксации его в протоколе судебного заседания. Это было бы одним из способов действия принципа устности, который закреплен в ГПК РФ [10] (в АПК РФ данный принцип текстуально не закреплен, что, по нашему мнению, является законодательным пробелом).

Если говорить об Арбитражном процессуальном кодексе РФ в рамках отдельных положений, предложенных разработчиками проекта, то изменения можно назвать «несущественными» или даже «малозаметными». В научных кругах сложилось четкое понимание того, что арбитражный процесс находится на несколько ступеней выше, чем гражданское судопроизводство. Другими словами, арбитражно-процессуальное законодательство наиболее развито.

Выводы

В результате анализа нововведений, предложенных Верховным Судом Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что наше законодательство эволюционирует. Другими словами, происходит сближение арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства. Конечно, для унификации двух процессуальных кодексов следует использовать по правовой сущности материал, содержащийся в АПК РФ. В настоящее время существуют разночтения между нормами ГПК РФ и АПК РФ, но следует отметить, что преобразования, которые вступят в силу, еще больше сотрут границу между гражданским и арбитражным судопроизводством.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для академического бакалавриата. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 354 с.
2. Рузакова О.А. Реформа гражданского и арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. № 1(5). 2016. С. 26–30.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Голованов Н.М. Проблемы совершенствования гражданского и арбитражного процессуального законодательства // Юридическая наука и юридическое образование. 2017. С. 112–121.

5. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный Кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный Кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 30 г. (Москва, 3 октября 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Блинные Л.А. Об исторических предпосылках и необходимых условиях процесса унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе. 2016. С. 347–353.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Власов А.А. Гражданский процесс: учебник и практикум для академического бакалавриата. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 470 с.

10. Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Гражданское процессуальное право: учебник для академического бакалавриата. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 522 с.

I.V. Bukharova

NOVELS OF CIVIL AND ARBITRATION LEGISLATION OR IMPROVEMENT OF PROCEDURAL LAW

The article considers the forthcoming changes in arbitration and civil procedural legislation. The author has analyzed the proposed changes by the Supreme Court of the Russian Federation, future changes in the customary foundations of civil and arbitration procedural legislation. The problematic aspects that can arise in view of the introduction of the proposed changes are revealed, as well as the favorable influence on the procedural legislation as a whole.

Keywords: the Supreme Court of the Russian Federation; the draft law; the Civil Procedure Code of the Russian Federation; the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation; the arbitration court; the court of general jurisdiction; the civil process; the arbitration process.

УДК 349.6

О ПОНЯТИИ И ВИДАХ ПРАВА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2018 г. А.Н. Горбачев

В рамках данной статьи представлено исследование родового понятия «право природопользования» и производных от него понятий, таких как «право общего природопользования», «право специального природопользования» и др. Рассмотрены теоретические подходы к определению права природопользования и его разновидностей.

Ключевые слова: право природопользования; виды права природопользования; общее природопользование; специальное природопользование.

Введение

Право природопользования – понятие, которое в современной российской юриспруденции имеет весьма специфический статус. Соответствующий термин присутствует в международных соглашениях с участием Российской Федерации, в региональном законодательстве, в подзаконных актах федерального уровня, в актах судебной практики, в специальной литературе. В то же время в федеральном законодательстве термин «право природопользования» даже не упоминается. При этом в федеральном законодательстве употребляются такие объективно производные от него термины, как «право землепользования» (пользования земельным участком, частью земельного участка), «право недропользования» (пользования недрами), «право водопользования» (использования водных объектов), «право лесопользования» (пользования лесными участками), «право пользования объектами животного мира». Сложившуюся ситуацию вряд ли можно признать нормальной.

Целью данного исследования является анализ содержания широко используемого в доктрине экологического права понятия «право природопользования» исходя из положений действующего российского законодательства.

1. Понятие права природопользования

Обращаясь к понятию «право природопользования», следует прежде всего согласиться с мнением Л.Г. Ключановой, которая указывает на «многозначность и сложность этой правовой категории» [1, с. 110]. В то же время, если допустить существование прямой пропорции между уровнем значимости социального феномена и уровнем его сложности, указанное обстоятельство является доказательством большой значимости исследуемого явления. Данный тезис находит свое подтверждение в специальной литературе. Н.Г. Жаворонкова в этой связи отмечает: «Устойчивое развитие экономики на основе рационального природопользования и минимизации вреда окружающей природной среде невозможно без развития научной доктрины права природопользования» [2, с. 4]. С.А. Боголюбов относит «обеспечение общего природопользования» к числу наиболее актуальных «направлений признания, обоснования и показателей суверенитета России на ее природные ресурсы» [3, с. 148].

Здесь следует уточнить содержание понятия «природопользование». В одном из первых отечественных исследований на эту тему «Право природопользования в СССР» говорилось следующее: «Общение человека с природой, постоянно необходимое ему для обеспечения своего существования, и есть в самом общем смысле слова природопользование» [4, с. 17]. Исследователи постсоветского периода природопользование определяют в целом аналогично, в то же время некоторые определения представляются требующими уточнения. Так, В.В. Петров рассматривал природопользование как «использование полезных для человека свойств окружающей природной среды» [5, с. 143]. Однако в обоснованности употребления критерия полезности в таком контексте можно усомниться, поскольку одни и те же свойства в различных ситуациях воспринимаются совершенно различно. Например, способность атмосферы конденсировать испаряющуюся с земной поверхности влагу позволяет во многих случаях обходиться без применения систем орошения земледелия. В то же время ливневые дожди могут явиться непосредственной причиной наводнения, влекущего отрицательные для общества последствия. Поэтому следует говорить о природопользовании как об извлечении потенциально полезных для человека свойств окружающей среды.

М.М. Бринчук пишет о трех позициях, с которых можно рассматривать понятие «право природопользования»: «как правовой институт, как правоотношение и как конкретное правомочие природопользователя» [6, с. 69]. Однако, как представляется, без каких-либо оговорок употреблять термин «право природопользования» корректно лишь в двух смыслах, а именно в объективном и субъективном. Право природопользования в объективном смысле представляет собой совокупность норм, регламентирующих отношения природопользования. Если такое отношение урегулировано соответствующей нормой, оно становится правоотношением. То есть право и правоотношение соотносятся

в этом случае как форма и содержание. В свою очередь, субъективное право природопользования является неотъемлемым элементом содержания соответствующего правоотношения как формы. Следовательно, нет оснований говорить о тождестве формы и содержания.

Что касается раскрытия содержания субъективного права природопользования, достаточно распространенным, хотя и не самым удачным, способом является попытка сделать это через правомочия обладателя вещного права. Так, например, М.М. Бринчук определяет содержание субъективного права природопользования как «правомочия владения, пользования и распоряжения предоставленным в пользование природным ресурсом» [6, с. 69]. Как представляется, с таким определением нельзя согласиться по ряду причин. Прежде всего, в такой редакции право природопользования ничем не отличается по содержанию от права собственности, которое, как известно, является основополагающим вещным правом. В то же время само по себе наличие в структуре права правомочия пользования не позволяет однозначно характеризовать такое право как вещное. Поэтому обладание возможностью использовать вещь отнюдь не подразумевает наличие у пользователя иных возможностей. Так, наиболее очевидно это в отношении возможности природопользователя распоряжаться объектом использования. Наличие либо отсутствие такой возможности напрямую зависит от условий предоставления природного объекта в пользование. То же самое можно сказать и в отношении правомочия владения.

В целом, недостаточно обоснованное употребление понятийного аппарата гражданского права по отношению к праву природопользования является довольно распространенным явлением. Так, А.В. Винницкий, исследуя «ограниченное субъективное право в отношении находящихся в публичной собственности объектов общего пользования» (в том числе природных объектов), пишет: «Представляется, что по своей природе данное право – вещное и при этом принадлежит неопределенному кругу лиц» [7, с. 422]. Вместе с тем в учебной цивилистической литературе конструкции «вещное право» и «неопределенный круг правообладателей» справедливо противопоставляются. Так, О.Г. Алексеева пишет о праве собственности: «Как и любое вещное право, оно является абсолютным, так как точно известен собственник (управомоченное лицо)» [8, с. 328].

Признавая дискуссионность своего тезиса, А.В. Винницкий сразу же подвергает критике утверждение М.И. Васильевой о том, что «право общего природопользования не может быть отнесено к вещным правам» [9, с. 66]. Однако именно данное утверждение представляется вполне корректно отражающим суть рассматриваемого явления. Существенным аргументом против механического отождествления права природопользования с вещными (имущественными) правами является тот факт, что такой вид природопользования, как общее, либо вообще лишен имущественного содержания, либо может осуществляться в отсутствие каких-либо вещных прав на используемый природный объект. Однако, прежде чем обосновать это тезис, следует обратиться к вопросу о видах права природопользования.

2. Виды права природопользования

Вопрос о видах права природопользования представляется значимым хотя бы потому, что российское законодательство, как уже отмечалось, регламентирует именно отдельные виды природопользования. Право землепользования регламентируется земельным законодательством, право недропользования – законодательством о недрах и т.д. В основе этой наиболее очевидной классификации лежит объект природопользования (используемый компонент природной среды). Однако в специальной литературе выделяют и другие классификации. Так, А.А. Ялбулганов справедливо отмечает: «Природопользователи как участники экологических и налоговых правоотношений могут быть: 1) постоянными (право природопользования носит бессрочный характер) и временными (право природопользования ограничено определенным сроком); 2) первичными (право природопользования получено от государства либо от других первичных природопользователей в порядке отчуждения этого права или универсального

правопреемства) и вторичными (право временного природопользования получено на основании договора от первичного природопользователя, сохраняющего за собой этот статус)» [10, с. 53].

Однако наиболее принципиальные различия, как представляется, существуют между такими видами природопользования, как общее и специальное. Природопользование принято подразделять на общее и специальное в зависимости от целей деятельности и способа оформления права на ее осуществление. Как писал В.В. Петров, «общее природопользование не требует какого-либо специального разрешения, осуществляется гражданином в силу принадлежащих ему естественных (гуманитарных) прав, возникающих и существующих как результат его рождения и существования. Специальное – реализуется гражданами и хозяйствующими субъектами на основе разрешения компетентных органов государства. Оно носит целевой характер» [5, с. 143].

Использование двух вышеупомянутых критериев для разграничения права общего и специального природопользования является, по сути, общепринятым. Здесь следует отметить, что вышеприведенные аргументы имеют под собой определенное основание, однако разные авторы обосновывают свои тезисы в различной степени. В отношении такого бесспорного признака, как необходимость наличия разрешения, прежде всего, следует отметить, что эта классификация носит строго формальный характер, абсолютно не приближая к сути вопроса. Очевидно, что требуется использование иных, содержательных критериев, позволяющих определить, в каких случаях необходима выдача разрешения, а в каких – без нее следует обойтись.

К тому же рассматриваемый критерий сам по себе является не бесспорным. Так, например, применительно к общему природопользованию М.М. Бринчук отмечает, что оно «возникает непосредственно из законов или иных нормативных актов» [6, с. 69]. В то же время ст. 221 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет, по сути, право общего природопользования в виде сбора или добычи общедоступных для сбора вещей в соответствии не только с законом, но и с местным обычаем, и с разрешением собственника. Таким образом, общее природопользование может иметь своим основанием норму не только закона, но и обычая, при этом может быть производным от права не только публичной, но и частной собственности (разумеется, в последнем случае разрешение собственника не будет иметь ничего общего с лицензией).

При специальном природопользовании пределы возможностей конкретного природопользователя устанавливаются органом исполнительной власти в пределах, определенных законом. Здесь следует особо подчеркнуть, что основанием является именно разрешение органа, наделенного в установленном законом порядке полномочиями действовать от имени и в интересах государства в сфере природопользования. Получение разрешения от собственника природного объекта (например, путем заключения договора аренды) права специального природопользования не порождает. Очевидно, в этом случае собственник, преследуя собственные интересы, реализует свое имущественное право, но никак не властные полномочия. Соответственно, общее природопользование – то, которое не требует получения лицензии, выдаваемой уполномоченным органом, независимо от необходимости получения разрешений других субъектов: обладателей различных имущественных прав на природный объект (на использование в рамках гражданско-правового договора), судебных решений (об установлении сервитута в отношении определенного природного объекта) и др.

С содержательной стороны вряд ли можно использовать в качестве самостоятельного критерия разграничения общего и специального природопользования цели использования. Так, общее природопользование осуществляется человеком в целях удовлетворения своих личных потребностей. Их, в свою очередь, можно подразделить на две группы: во-первых, естественные (в дыхании, в передвижении, в пище), присущие человеку как биологическому существу; во-вторых, социальные (культурно-эстетические), присущие ему как личности. В силу объективной обусловленности реализуемых потребностей общее природопользование, как правило, осуществляется непосредственно на основании закона. Специальное природопользование, напротив, выходит за рамки

личных потребностей и преследует целью либо реализацию общественно значимого интереса уполномоченным субъектом, либо извлечение прибыли для последующего удовлетворения каких-либо потребностей субъектом хозяйственной деятельности. Разумеется, такое различие нельзя признать абсолютным. К примеру, сбор гражданином дикорастущих ягод по форме представляет собой общее природопользование, а охота на диких животных – специальное. То есть осуществление одним и тем же субъектом двух различных видов деятельности, направленных в конечном итоге на удовлетворение одной и той же потребности, реализуется в рамках различных видов природопользования.

Также некорректна и попытка разграничить общее и специальное природопользование по кругу субъектов, наделенных соответствующим правом. Так, очевидно, что правом общего природопользования наделены лишь граждане (физические лица). В то же время специальное природопользование могут осуществлять любые субъекты права (разумеется, с учетом специфики правосубъектности публично-правовых образований), включая тех же граждан. Таким образом, в определенных случаях (когда субъект права природопользования – юридическое лицо) можно с большой долей вероятности квалифицировать его как специальное, однако в случае осуществления этого права гражданином без дополнительной информации не обойтись.

Поэтому требуется обратиться также к такому содержательному критерию, как степень значимости и обратимости негативных последствий природопользования. Если оно заведомо не способно причинить существенного или необратимого вреда, такое природопользование может осуществляться в режиме общего, в противном случае требуется определить в лицензии допустимые пределы специального природопользования. Иными словами, общее и специальное природопользование следует различать по характеру экологических последствий и обусловленному им способу оформления на осуществление соответствующего вида деятельности.

Однако здесь следует также отметить, что правоотношения, возникающие в рамках как общего, так и специального природопользования, в свою очередь, внутренне неоднородны. Это касается прежде всего оснований их возникновения. Так, общее природопользование в любом случае не нуждается в разрешении со стороны уполномоченных органов, однако, как уже отмечалось, далеко не всегда оно основано непосредственно на законе. О втором виде правоотношений общего природопользования следует вести речь, когда условием реализации права природопользования является наличие имущественного права на используемый природный объект. Здесь, учитывая уже характер имущественного права, можно говорить о наличии двух разновидностей. В первом случае природный объект принадлежит пользователю на одном из титулов, подразумевающих владение. Очевидно, что в таких случаях содержание права общего природопользования определяется непосредственно законом, также является по своей природе абсолютным и подлежит защите от действий любых лиц.

Другая разновидность имущественно обусловленных правоотношений общего природопользования представляет собой отношения, возникающие, когда реализация права общего природопользования одним лицом затрагивает имущественные права другого. В таких случаях, очевидно, условием правомерности действий природопользователя будет наличие согласия собственника природного объекта (либо обладателя иного имущественного права). Речь идет, например, об аренде природного объекта или об установлении сервитута. В последнем случае, разумеется, согласие собственника не обязательно: если определенная потребность объективно не может быть реализована иным способом, наличие основания для установления сервитута может быть установлено судебным решением. То есть в таких случаях пределы реализации права общего природопользования устанавливаются с участием других лиц и одновременно возникают, по сути, два правоотношения: относительное правоотношение между природопользователем и владельцем природного объекта и абсолютное правоотношение с участием природопользователя и третьих лиц. Разумеется, принципиально различен не только их субъектный состав, но и содержание.

Итак, общее природопользование осуществляется гражданином либо в силу естественных прав, либо при наличии имущественного права на природный объект. В зависимости от вида имущественного права содержание права общего природопользования определяется либо непосредственно законом, либо с участием других лиц. Что касается права специального природопользования, оно требует наличия имущественного права на используемый природный объект во всех без исключения случаях. Поэтому здесь можно говорить о двух видах права специального природопользования в зависимости от основания возникновения. В любом случае оно включает в себя акт распорядительной деятельности государства – получение природопользователем лицензии. Этого будет достаточно для возникновения права специального природопользования в тех случаях, когда его субъект уже владеет природным объектом. По сути, та же самая ситуация складывается, когда лицензия непосредственно порождает возможность приобретения имущественного права, например, на объект охоты.

Таким образом, в первом случае для возникновения права специального природопользования достаточно одного юридического факта – разрешения компетентного органа. Если же субъект претендует на пользование природным объектом, в отношении которого не имеет имущественных прав, со всей очевидностью, ему требуется сначала получить такое право одним из предусмотренных законом способов. Следовательно, в таком случае можно с определенной долей условности говорить о том, что в основании возникновения права специального природопользования лежит юридический состав.

Условность заключается в том, что, как уже отмечалось, право специального природопользования возникает только с момента получения лицензии. Действия, предпринятые природопользователем до этого момента, имеют значение только для него самого: при отсутствии основания лицензия просто не будет выдана. Разумеется, решающее значение будет иметь не объем имущественных прав, а совокупность условий природопользования, определенных в лицензии (разумеется, с учетом содержания имущественного права). Например, если собственник предоставляет арендатору определенный в договоре перечень возможностей, он может быть воспроизведен в лицензии, но не расширен. Наоборот, лицензия вполне может содержать в себе ограниченный объем возможностей арендатора по сравнению с договором.

Выводы

Право природопользования в той или иной его разновидности опосредует все без исключения возможности человека в сфере взаимодействия с природой, независимо от того, какой именно интерес подлежит реализации. Определяющее значение имеет не характер интереса, а сфера его реализации. Природопользование в любом случае регламентируется экологическим законодательством, в то же время требуется не только регламентация отдельных его разновидностей, но и легальное закрепление общих положений о праве природопользования.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. *Клюканова Л.Г.* О некоторых семантических характеристиках понятия «право лесопользования» как вида права природопользования и формы реализации права на доступ к природным ресурсам // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 110–118.
2. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития / под ред. Н.Г. Жаворонковой. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 160 с.
3. *Боголюбов С.А.* Признание и обоснование суверенитета России на ее природные ресурсы // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 141–152.
4. Право природопользования в СССР / отв. ред. И.А. Иконницкая. М.: Наука, 1990. 196 с.
5. *Петров В.В.* Экологическое право России: учебник. М.: БЕК, 1995. 558 с.

6. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник // СПС «КонсультантПлюс». 2008.
7. Винницкий А.В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 732 с.
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. 511 с.
9. Васильева М.И. О методах, средствах и способах правового регулирования экологических отношений // Экологическое право. 2009. № 2/3. Специальный выпуск. С. 56–67.
10. Ялбулганов А.А. Налогообложение природопользования: унификация законодательства государств – участников ЕАЭС // Публично-правовые исследования: электронный журнал. 2017. № 1. С. 46–60.

A.N. Gorbachev

ABOUT CONCEPT AND TYPES OF THE RIGHT OF NATURE USE

As part of this work presents a study of the generic concept the “right of nature use” and its derivatives, such as “the right of common nature use”, “the right of special nature use” etc. Theoretical approaches to the definition of the right of nature use and its varieties are investigated.

Keywords: *the right of nature use; types the of the right of nature use; common nature use; special nature use.*

УДК 347.736

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2018 г. С.В. Михайлов

В данной статье проанализирована эволюция российского законодательства о банкротстве физических лиц, предложен вариант совершенствования правового регулирования вышеуказанного механизма с парадигмы имплементации в национальное право опыта проведения аналогичных процедур в зарубежных странах. На основе обобщения правоприменительной практики сформулированы предложения по внесению изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: *банкротство физических лиц; правовой статус физических лиц; имплементация иностранного права; арбитражный управляющий; должник; кредитор.*

Введение

При всех историко-культурных особенностях задачи института банкротства граждан в различных странах понимаются сходно. Если взять историческое понимание банкротства как конкурсного процесса, то его основная задача – наиболее справедливым способом распределить недостаточные средства должника между несколькими кредиторами. При этом банкротство граждан призвано не только максимально удовлетворить кредиторов, но и освободить добросовестного должника от обязательств и дать ему шанс на новую экономическую жизнь. Какими бы ни были особенности законодательных моделей, эти основные идеи остаются неизменными.

Различия между правовыми системами (англо-американским и континентальным правом) для целей банкротства граждан не так существенны. Законы о банкротстве в государствах, относящихся к различным правовым системам, имеют много общего. Основным признаком, обуславливающим методологию их разграничения, является направленность либо на удовлетворение интересов кредиторов, либо на реабилитацию

должника. В связи с этим для построения оптимального законодательного регулирования института упрощенного банкротства в России целесообразно использовать релевантный международный опыт.

Цель работы: разработка рекомендаций по совершенствованию действующего в национальном праве механизма правового регулирования процедуры банкротства физических лиц на примере зарубежного опыта.

1. Российский опыт рецепции права при разработке процедуры банкротства

Рецепция иностранного права применялась на всех этапах развития российского законодательства о банкротстве, начиная с первых попыток разработки устава о банкротстве в XVIII веке. Более того, в период, когда российский устав о банкротстве еще не был утвержден (до 1800 года), в конкретных делах применялись иностранные законы о банкротстве: «в случае разномыслия... кредиторы обращались к правительству, и оно оказывало им свое содействие, часто даже повелевая применить к данному случаю иностранный кодекс» [1].

Для подготовки проекта устава 1768 года, который в дальнейшем лег в основу первого вступившего в силу российского закона о банкротстве 1800 года, Комиссия о коммерции привлекала специалистов по английскому и немецкому праву. В предреволюционный период был разработан проект устава о несостоятельности, воспринявший современные на тот момент тенденции европейского законодательства (разработчик – Н.А. Тур [2]), который в определенной степени учитывался при подготовке главы XXXVII Гражданско-процессуального кодекса РСФСР 1923 года [3] (положения о несостоятельности были включены в ГПК в 1927 году).

Современные российские законы о банкротстве 1992, 1998 и 2002 [4] годов также учитывали иностранный опыт, что было особенно актуально в связи с тем, что после окончания НЭПа проблематика банкротства в СССР приобрела умозрительный характер.

Вряд ли кто-то станет отрицать возможность и даже необходимость имплементации иностранных юридических норм в целом, но каковы ее пределы? Возможно ли ограничиться переносом одной или нескольких норм частного характера, не пользуясь при этом общими нормами того законодательства, из которого взяты эти частные нормы, или рецепция должна быть комплексной – вот основная проблема.

Если исходить из того, что для успешной рецепции иностранного права необходимо «поэтапное восприятие элементов чужого юридического опыта: сначала система ценностей, а затем собственно правовые нормы, институты» [5], то что можно считать системой ценностей законодательства о банкротстве – условную общую часть закона о банкротстве или же только основополагающие принципы, на которых этот закон построен?

Представляется, что более обоснован второй ответ. В противном случае возможности воспринимать положительный опыт зарубежных законодательств по отдельным вопросам практически не будет (каждая попытка что-то перенять приведет к необходимости одновременно корректировать общие положения национального законодательства).

В то же время совсем не учитывать общие принципы исходного регулирования невозможно, так как идентичная норма (например, о порядке продажи имущества должника единым лотом) будет иметь разное значение в системах, ориентированных на реабилитацию и на ликвидацию бизнеса должника.

Эти вопросы имеют явную практическую направленность, поскольку рецепция иностранных норм – не самоцель, а инструмент повышения эффективности законодательства [6]. И если рецептировать позитивный иностранный опыт некорректными методами, можно будет прийти к ложному выводу, что опыт оказался плохим и неприменимым к российским реалиям, в то время как неадекватными оказались методы его восприятия.

Актуальность рецепции весьма важна в контексте упрощенной модели банкротства граждан. Это насущная потребность как для системных кредиторов (банков, налоговой службы), так и для любых других должников: издержки обычной процедуры слишком высоки, чтобы проводить ее при отсутствии у должника сколько-нибудь значимых активов.

Упрощенные модели существуют в различных законодательствах современного мира. Их общими свойствами являются применение административных процедур, использование чек-листов, минимальное задействование судебных органов и переход к обычной процедуре банкротства лишь при возникновении споров.

Существующие в настоящий момент проекты упрощенного банкротства граждан в России значительно сложнее, чем их иностранные аналоги. Их принятие вряд ли особенно облегчит ситуацию как для должников, так и для кредиторов. Можно ли здесь воспользоваться иностранным опытом? Полагаем, что можно, и здесь ситуация более благоприятна для заимствования, чем в отношении реабилитационных процедур. Упрощенная модель банкротства граждан сравнительно автономна, и сейчас она отсутствует в действующем законодательстве. Соответственно, можно воспользоваться наиболее оптимальным иностранным аналогом, не нарушая существующего равновесия.

2. Зарубежные модели процедуры банкротства физических лиц

В части процедуры упрощенного банкротства граждан наибольший интерес представляет опыт Новой Зеландии. Помимо собственно процедуры банкротства (аналога российской процедуры реализации имущества должника), новозеландское законодательство предлагает должникам и кредиторам несколько альтернативных процедур. А именно: мировое соглашение, участие в реабилитационной процедуре при наличии у должника активов (summary installment order, SIO) и участие в так называемой процедуре без активов (no-asset procedure, NAP).

Основная задача NAP – максимально быстро и просто освободить гражданина от задолженности перед другими гражданами и организациями при условии соответствия должника определенным критериям.

В первую очередь, как следует из названия самой процедуры, у должника не должно быть каких-либо активов, за счет которых можно было бы исполнить обязательства. Примечательно, что в качестве такого актива не рассматриваются денежные средства, хранящиеся в качестве накоплений, если срок доступа к ним превышает три года. Если же указанные средства станут доступны должнику в течение трех лет, то он лишается права воспользоваться NAP.

Помимо этого, гражданину разрешается оставить транспортное средство стоимостью не более 6 тыс. долл., а также необходимую мебель, предметы быта и инструменты для работы в пределах стоимости, установленной официальным уполномоченным.

Кроме того, должник имеет право оставить за собой денежные средства в размере не более 1200 долл. для собственных нужд и содержания своей семьи.

Вторым условием для использования NAP является совокупный размер обязательств гражданина. Он должен составлять не менее 1 тыс. долл. и не более 47 тыс. долл. В эту сумму включаются практически любые денежные обязательства, в том числе по выкупному лизингу. Однако из расчета указанной суммы исключаются обязательства по займам на обучение, судебным штрафам, а также обязательства по возмещению причиненного вреда.

Закон также предусматривает определенные ограничения для участия в процедуре NAP. Например, использование NAP невозможно, если должник ранее признавался банкротом, за исключением случая участия в процедуре SIO – исполнения плана по возмещению долгов. Кроме того, процедура неприменима, если кредитор может получить лучший финансовый результат в случае признания должника банкротом, а также если имел место вывод активов со стороны должника.

Процедура NAP состоит из четырех основных стадий:

1. Подача электронного заявления. Если должник решает подать заявление о введении NAP, то для начала ему необходимо использовать специальный чек-лист, чтобы удостовериться в наличии всех необходимых документов и информации. Затем требуется пройти регистрацию на официальном сайте по банкротству Министерства бизнеса, инноваций и занятости Новой Зеландии. После регистрации необходимо подать заявление через сайт, введя запрашиваемую информацию в экранных формах (на сайте размещена соответствующая видеоинструкция).

В завершение должнику необходимо распечатать последнюю страницу заявления, подписать ее и направить по почте в адрес официального уполномоченного, в качестве которого выступает подразделение Министерства бизнеса, инноваций и занятости Новой Зеландии.

Важным нюансом является то, что после направления заявления должнику запрещается получать займы на сумму более 100 долл. без уведомления кредитующего лица о том, что он инициировал NAR.

2. Принятие решения официальным уполномоченным. В течение 10 рабочих дней официальный уполномоченный одобряет заявление либо отклоняет его. В случае необходимости он может запросить дополнительную информацию, которую должник обязан оперативно предоставить. Пока заявление не одобрено, информация о его наличии не размещается в публичных источниках, данные считаются конфиденциальными, а должник должен взаимодействовать с кредиторами, в том числе погашать задолженность в обычном режиме.

В случае отказа в принятии заявления должнику предоставляется право на обжалование, которым он должен воспользоваться в течение 15 рабочих дней путем направления письменной жалобы в адрес официального уполномоченного по почте. Жалоба рассматривается также в течение 15 рабочих дней.

3. Официальная публикация. Если заявление принято, на официальном сайте появляется информация о введении NAR в отношении должника, а всем кредиторам в течение пяти рабочих дней направляется официальное уведомление. Должнику также предписывается связаться с залоговыми кредиторами и достигнуть с ними соглашения или о продолжении платежей в обычном порядке, или об их остановке. В последнем случае залог подлежит возврату либо на него обращается взыскание, а оставшаяся невыплаченная сумма включается в NAR.

Должнику необходимо связаться с банком и уведомить его о наличии NAR, чтобы исключить безакцептное списание по любой задолженности, за исключением той, которая не учитывается в процедуре (алименты, судебные штрафы и т.д.). Эти действия должен выполнить именно должник, в круг обязанностей официального уполномоченного они не входят.

При этом если кредитор обратил взыскание на заработную плату должника, то после опубликования информации о процедуре удержание из заработной платы должно прекратиться по заявлению кредитора в адрес работодателя должника. Если кредитор этого не сделает, должнику придется получить соответствующий приказ в суде.

4. Освобождение от обязательств. Логическим завершением NAR является освобождение должника от обязательств, которое наступает в течение 12 месяцев. До этого момента должник продолжает жить своей обычной жизнью, соблюдая ряд ограничений, указанных в ст. 370 новозеландского Акта о банкротстве:

- должник обязан содействовать официальному уполномоченному и предоставлять необходимую информацию по его запросу;
- должник обязан уведомлять официального уполномоченного о любом изменении своего имущественного положения, которое может повлиять на погашение задолженности;
- должник не имеет права кредитоваться (в том числе совместно с кем бы то ни было) на сумму, превышающую 1 тыс. долл., без уведомления кредитующего лица о наличии NAR. В случае нарушения этого правила должнику грозит тюремное заключение сроком до одного года, а также штраф до 5 тыс. долл.

Таким образом, новозеландская модель в полной мере соответствует основным целям упрощенного банкротства:

- не предполагает существенных затрат средств и времени как со стороны должника, так и со стороны кредиторов;
- не предполагает проведения очных встреч с кем бы то ни было, построена на полностью автоматизированном процессе заполнения, направления и одобрения заявки;
- применяется в бесспорных ситуациях, а потому не задействует третьих лиц в виде суда, саморегулируемых организаций и арбитражных управляющих.

3. Предложения по совершенствованию процедуры банкротства физических лиц

Представляется рациональным заимствовать следующие ключевые идеи новозеландского правового механизма, имплементировать их в соответствующую редакцию Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»:

1. Процедура упрощенного банкротства должна быть внесудебной. В случае если инициирован спор о принадлежности имущества банкротящегося должника, дело о банкротстве должно рассматриваться в арбитражном суде (соответствующие изменения следует внести в ст. 213.3) [4, ст. 213.3];

2. Должник не может участвовать в процедуре упрощенного банкротства, если был признан банкротом ранее (следует изменить ст. 213.13) [4, ст. 213.13];

3. В процедуре не должен участвовать арбитражный (финансовый) управляющий (дополнить следует ст. 213.9) [4, ст. 213.9];

4. Не должны проводиться собрания кредиторов (ст. 213.8) [4, ст. 213.8];

5. Документооборот в рамках проводимой процедуры должен быть полностью электронным;

6. Процедура должна применяться только к тем гражданам, у которых отсутствуют активы (ст. 213.3) [4, ст. 213.3];

7. Освобождение от долгов должно быть отложено на один год в целях обнаружения признаков недобросовестности должника и при необходимости перехода к судебной процедуре банкротства (ст. 213.12) [4, ст. 213.12];

8. Должник не должен освобождаться от обязательств, связанных с личностью (ст. 213.11) [4, ст. 213.11];

9. Должна существовать франшиза суммы задолженности. В рамках переходного периода можно сохранить ограничения, предусмотренные ст. 223.2 в редакции законопроекта Минэкономразвития: минимальный порог задолженности – 50 тыс. руб., максимальный – 700 тыс. руб. [7].

Один из важнейших вопросов заключается в том, кто будет выполнять функции так называемого официального уполномоченного в России.

К таким функциям должны относиться обеспечение технической и административной инфраструктуры, проверка обращений должников на соответствие закону, введение и прекращение упрощенной процедуры банкротства, коммуникация с кредиторами и должником.

Очевидно, что в качестве официального уполномоченного не должны выступать суды, арбитражные управляющие или СРО арбитражных управляющих, поскольку в этом случае не произойдет принципиального упрощения процедуры и сокращения расходов на нее.

В качестве альтернативных вариантов можно рассмотреть комиссию при Минэкономразвития, финансового омбудсмена либо профессиональных кредиторов.

Проблема заключается в том, что специальной комиссии при Министерстве экономического развития не существует, а служба финансового уполномоченного начнет функционировать только в конце 2018 года [8].

В этом контексте достаточно интересным представляется вариант возложения функций официального уполномоченного на так называемых профессиональных кредиторов, например государственные банки.

Во-первых, современные банки обладают прекрасно развитыми технологиями и опытом в разработке новейших IT-решений. Это, безусловно, потребует в первой фазе проекта по внедрению института упрощенного банкротства.

Во-вторых, у банков имеется значительный кадровый потенциал, работники, обладающие большим опытом участия в банкротстве должников. Кроме того, государственные затраты на финансирование подобного проекта при взаимодействии именно с государственными банками будут намного ниже, чем в любом другом случае, поскольку последние будут возвращать вложенные в них средства в виде дивидендов.

Выводы

Дальнейшее совершенствование действующей модели банкротства физически лиц целесообразно проводить с использованием рецепции правоприменительного опыта зарубежных стран. В частности, крайне эффективным видится имплементировать в действующее российское законодательство ряд мер, изложенных в настоящей статье, наиболее важными из которых являются отмена участия арбитражных управляющих, отмена проведения собрания кредиторов, переход на полностью электронный документооборот.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. М., 2018.
2. Тур Н.А. Пересмотр положений о несостоятельности. СПб., 1896.
3. О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР (вместе с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 10.07.1923 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 01.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 1. С. 47–56.
6. Гришаев С.П., Овчинникова А.В. Эволюция правового регулирования института банкротства // СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (в части введения упрощенной процедуры банкротства граждан): законопроект от 16.09.2016 № 02/04/09–16/00054970 [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=54982> (дата обращения: 02.07.2018).
8. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: федер. закон от 04.07.2018 № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

S.V. Mikhailov

TO THE QUESTION OF IMPROVING LEGAL REGULATION OF THE BANKRUPTCY PROCEEDINGS OF PHYSICAL PERSONS MECHANISM

In this article analyzed the evolution of Russian legislation about personal bankruptcy, offered an option to improve the legal regulation of the above-mentioned mechanism with paradigm implementation in national law experience similar procedures in foreign countries. On the basis of practice generalization formulated proposals for amendments to the Federal law "On Insolvency (bankruptcy)".

Keywords: *bankruptcy of individuals; the legal status of individuals; implementation of foreign law; trustee; the debtor; the creditor.*

УДК 343.232

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2018 г. И.А. Подройкина

В статье рассматривается институт административной преюдиции в уголовном праве, анализируются различные точки зрения относительно перспектив существования данного института, дается критическая оценка существующим позициям.

Раскрывается понятие административной преюдиции, определяются составы преступлений с административной преюдицией, приводятся аргументы, подтверждающие вывод автора о бесперспективности существования института административной преюдиции в отечественном уголовном праве.

Ключевые слова: уголовное право; административная преюдиция; преступление; административное правонарушение; общественная опасность.

Введение

Количество научных статей, в которых говорится о несогласованности проводимой уголовной политики, о противоречивости законов, вносящих изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), о криминологический необоснованности вновь вводимых в УК РФ статей и теоретической непроработанности вновь вводимых в уголовное право институтов, с каждым днем все больше и больше. Это подтверждают и специалисты других отраслей права, в том числе уголовно-процессуального [1]. Сказанное касается и института административной преюдиции. Настойчивость законодателя, ежегодно увеличивающего число составов преступлений с административной преюдицией, даже привела к тому, что ряд исследователей стали искать нечто положительное в данном институте и высказывать предложения по дальнейшему расширению перечня таких составов. Несмотря на то, что, как отметила Н.Ф. Кузнецова, «академическая наука выброшена из законодательного процесса», ученые не прекращают поиск аргументов, которые бы удержали законодателя от необоснованных решений. Поэтому, несмотря на достаточно большое внимание к данной проблематике в теории уголовного права и значительное число публикаций, считаем необходимым продолжить исследование названного института с целью поиска новых, дополнительных аргументов, подтверждающих бесперспективность существования института административной преюдиции в уголовном праве.

Учитывая изложенное, *целью исследования* является изучение института административной преюдиции в уголовном праве с опорой на действующее уголовное законодательство и позиции ведущих ученых в области уголовного права. Для реализации названной цели необходимо решить следующие задачи: изучить аргументы противников и сторонников наличия в УК РФ составов преступлений с административной преюдицией; дать им критическую оценку; сформировать собственную позицию относительно названного института. Поставленные цели и задачи обуславливают научную новизну исследования.

1. Понятие административной преюдиции в уголовном праве, аргументы сторонников ее существования

В самом общем виде суть административной преюдиции состоит в том, что административное правонарушение переходит в разряд преступления при условии наличия факта привлечения к административной ответственности. В.И. Колосова, обобщив различные позиции, пришла к выводу, что административная преюдиция заключается в «привлечении лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного времени (чаще всего в течение одного года) после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение» [2, с. 247].

В первоначальной редакции УК РФ законодатель отказался от составов с административной преюдицией. Данный отказ был положительно воспринят научной общественностью, так как тем самым была проведена четкая грань между преступными и непроступными деяниями. Разработчики УК РФ, в свою очередь, говорили о том, что «два или более административных правонарушения не изменяют природы административно-правового деяния ввиду отсутствия в нем признаков общественной опасности, т.е. количество проступков не может перерасти в качество преступления» [3, с. 18; 4, с. 77].

Однако множественные изменения уголовного закона привели к тому, что ежегодно количество норм с административной преюдицией только увеличивается. Обращаясь к научным исследованиям, также обнаруживается возрастание сторонников включения составов с административной преюдицией в национальное уголовное законодательство.

При этом свою позицию они аргументируют по-разному. Одни авторы считают, что тем самым повышается «гибкость и адаптивность правового воздействия на правонарушителя при одновременной реализации принципа экономии уголовно-правовой репрессии, подчеркивают потребность в разработке модели уголовного проступка, прообразом которого могут стать нормы преюдиционного характера» [5; 6]. По мнению других, институт административной преюдиции «может стать эффективным средством противодействия преступности и будет способствовать достижению основных результатов: повысит эффективность практического применения уголовного законодательства, обеспечит реализацию принципа экономии мер уголовной репрессии и исключит случаи объективного вменения» [7].

Количество предложений о переводе «классических» составов преступлений в составы с административной преюдицией также неуклонно растет. Так, например, М.А. Лапина, Д.В. Карпухин, Ю.В. Трунцевский предлагают ввести институт административной преюдиции и сформулировать его в ряде статей главы 22 УК РФ: ст. 171 «Незаконное предпринимательство»; ст. 171.1 «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»; ст. 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр» и т.д. Всего, по их мнению, такому реформированию должны быть подвергнуты 34 состава преступления из главы 22 УК РФ [8]. По мнению А.Б. Коноваловой, И.Н. Мосечкина, «в совершенствовании нуждаются статьи, предусматривающие ответственность за незаконное предпринимательство и его специальные виды (ст. 171–172 УК РФ)» [9, с. 55]. В.Е. Дворцов высказывает аналогичные предложения относительно ст. 170.2 УК РФ, мотивируя свою позицию тем, что «внедрение в норму об уголовной ответственности за совершение преступления против порядка осуществления кадастровой деятельности состава с административной преюдицией имеет серьезное профилактическое значение, поскольку под воздействием административного наказания кадастровый инженер может пересмотреть свое поведение, не допустить впредь аналогичного поступка. Более того, инструмент административной преюдиции позволит полноценно реализовать принцип субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), так как правонарушитель путем применения административного наказания официально предупреждается о том, что повторение подобных нарушений чревато уголовной ответственностью» [10, с. 64]. Стоит заметить, что подобная аргументация может быть «подложена» под любой состав преступления, даже под изнасилование и убийство, вопрос только в том, как далеко готов зайти законодатель в своем стремлении защитить преступника и желании снизить нагрузку на правоохранительные органы.

Особенно сложно противникам административной преюдиции противостоять процессу ничем не обоснованного расширения сферы использования в уголовном праве данного института после принятого Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [11], в котором высшая инстанция подтвердила возможность использования дуалистического подхода (использование административной и уголовной ответственности) для борьбы с некоторыми видами правонарушений, мотивируя это тем, что изменившаяся степень общественной опасности позволяет корректировать их противоправность, что предполагает преобразование составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот (п. 4 названного Постановления).

2. Составы с административной преюдицией в УК РФ, аргументы противников ее существования

В уголовном законе уже насчитывается более десятка составов преступлений с административной преюдицией: ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»; ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»; ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»; ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»; 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и

спиртосодержащей пищевой продукции»; 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»; 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект»; ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» и др.

Несмотря на то, что в перечисленных выше нормах содержится преюдиционный элемент, исследователи обращают внимание на тот факт, что способы описания составов с административной преюдицией существенно отличаются друг от друга [12, с. 23]. Так, в ряде составов условием наступления уголовной ответственности называется повторное совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию (например, ст. 151.1 и ст. 264.1 УК РФ). В других случаях говорится о привлечении лица за совершение аналогичных деяний к административной ответственности более двух раз в течение ста восьмидесяти дней (например, ст. 212.1 УК РФ). Следует подчеркнуть, что в некоторых составах законодатель лишь ограничивается указанием на неоднократность незаконных действий и не проводит различий между фактической и юридической повторностью правонарушений (например, ст. 154 и ст. 180 УК РФ). Безусловно, такая непоследовательность в нормативном оформлении административной преюдиции, понятия неоднократности, ставит перед теорией и практикой целый ряд проблем, не способствует единообразному правоприменению, свидетельствует об отсутствии системного подхода при совершенствовании уголовного законодательства даже в части внедрения в него одного института – института административной преюдиции.

Более того, как отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, «эта преюдиция выводит уголовное законодательство из сферы федеральной юрисдикции, превращая его в законодательство субъектов Федерации, что не соответствует ст. 11 Конституции РФ, ст. 1 Федеративного договора от 31 марта 1992 г. “О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации”. Административные проступки и ответственность за них, устанавливаемые субъектами Федерации, способны привести и приводят к разному содержанию преступления с административной преюдицией. А это уже свидетельство разной «уголовной» законности в зависимости от региона, что является нарушением принципов законности и равенства, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конституцией РФ и ст. 3 и 4 УК РФ» [13, с. 54].

Стоит заметить, что возрождение института административной преюдиции проходит, как и иные многочисленные изменения УК РФ, в том числе в части реформирования системы уголовных наказаний, под лозунгом гуманизации и либерализации уголовного законодательства. Однако подчеркнем, что именно у административной преюдиции еще со времен советского периода (речь идет об уголовных кодексах РСФСР 1926 г. и 1960 г.), напротив, сформировалась «репрессивная» репутация, так как считалось, что составы с административной преюдицией усиливали репрессивную составляющую уголовного закона, распространяя сферу уголовных санкций на административные проступки и позволяя на практике привлекать к уголовной ответственности за «полупреступления».

В числе аргументов «за» введение института административной преюдиции выдвигался также тезис о том, что тем самым будет реализована цель сокращения количества граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы за действия, не представляющие повышенной опасности для общества. Однако стоит напомнить, что в ч. 1 ст. 56 УК РФ введено ограничение по назначению лишения свободы, согласно которому данный вид наказания не может быть назначен лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести, если отсутствуют отягчающие наказание обстоятельства. Кроме того, полагаем, что уголовное законодательство, которое призвано охранять наиболее значимые интересы общества и государства, итак является весьма (даже чрезмерно) гуманным. Например, в Уголовном кодексе Российской Федерации закреплено 6 обстоятельств, ис-

ключающих преступность деяния, 5 видов освобождения от уголовной ответственности, 7 видов освобождения наказания, а также амнистия и помилование. Значительное число санкций статей Особенной части УК РФ построено по типу альтернативных и предоставляют судам широкий выбор наказаний от самого мягкого (штрафа) до наиболее строгого (лишения свободы), некоторые санкции, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ), не имеют нижних границ наказания, что позволяет суду назначить наказание, выходящее за установленную категорию преступления. Статья 15 УК РФ в новой редакции предусматривает возможность изменения категории преступления на более мягкую, что влечет за собой ряд определенных правовых последствий, в том числе возможность освобождения от уголовной ответственности (например, в случае перевода преступления из категории тяжкого в категорию средней тяжести). Также встает вопрос о том, почему действия, «не представляющие повышенной опасности для общества» охраняются именно уголовным законодательством, а не административным. Ведь не секрет, что под сферу действия уголовного закона должны попадать только «крайние» формы негативного поведения, причиняющие наиболее существенный вред интересам личности, общества и государства. Учитывая это, уголовный закон и устанавливает весьма серьезные последствия, суровость которых выражается не столько в назначенном наказании, сколько в тех уголовно-правовых и общеправовых последствиях судимости, которые сегодня существуют.

Выводы

Подводя итог, отметим следующее. Если законодатель преследует цель действительной либерализации уголовного законодательства и озабочен минимизацией последствий факта осуждения за совершенное уголовно противоправное деяние, то более уместной видится переоценка общественной опасности отдельных преступлений небольшой и средней тяжести и перевод их в разряд административных правонарушений (например, ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав»). Ведь характер и степень общественной опасности, а также последствия судимости негативны и неадекватны для некоторых преступлений небольшой и средней тяжести. Сколько бы ни убеждали сторонники административной преюдиции в положительном эффекте введения названного института, тем не менее, мы не можем согласиться с тем, что очередной проступок из вереницы, совершенный в строго ограниченный временной период, может превратить его в преступление. Кроме того, нерешенным остается вопрос, почему в одних случаях следующий проступок превращается в преступление, а в других – нет? Если количество совершаемых проступков повышает общественную опасность, то тогда все административные правонарушения должны иметь свои «дублиеры» в УК РФ, но уже в виде составов с административной преюдицией. Ведь неслучайно выше был приведен пример, когда исследователи предлагают 34 состава из главы 22 УК РФ перевести в составы с административной преюдицией, при этом не приводя достаточно веских аргументов, почему именно эти составы должны получить такую переоценку общественной опасности.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Подопригора А.А., Чупилкин Ю.Б. Актуальные вопросы института реабилитации в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 46–50.
2. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2011. № 5(1). С. 246–253.
3. Кузнецова Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1996. № 5. С. 14–31.
4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 641 с.
5. Лапина М.А. Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно-деликтного и уголовного законодательства // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 575–581.

6. Мямхягов З.З. Административная преюдиция как средство разграничения административного и уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 80–83.

7. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.

8. Лапина М.А., Карпунин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1138–1148.

9. Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О применении института административной преюдиции в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 6. С. 50–56.

10. Дворцов В.Е. Об административной преюдиции применительно к норме об уголовной ответственности за совершение преступления против порядка осуществления кадастровой деятельности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 61–64.

11. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

12. Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право. Образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20–25.

13. Иногамова-Хегай Л.В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53–58.

I.A. Podroykina

TO THE QUESTION OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW

The article deals with the institution of administrative prejudice in criminal law, analyzes different points of view on the prospects of the existence of this institution, gives a critical assessment of the existing positions, reveals the concept of administrative prejudice, defines the elements of crimes in administrative prejudice, provides arguments confirming the conclusion of the author about the futility of the existence of the institution of administrative prejudice in domestic criminal law.

Keywords: criminal law; administrative prejudice; crime; administrative offense; public danger.

УДК 343.288

ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ С УЧЕТОМ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

© 2018 г. Е.В. Серегина, Ю.В. Преснухина

В статье поднимается проблема назначения наказания с учетом смягчающих обстоятельств. Обращается внимание на то, что суды недооценивают роль смягчающих обстоятельств, что приводит к назначению несправедливого наказания. Опираясь на материалы судебной практики, авторы приходят к выводу о том, что перечень

смягчающих обстоятельств нельзя оставлять открытым, и предлагают внести изменения в уголовное законодательство.

Ключевые слова: *назначение наказания; смягчающие обстоятельства; справедливое наказание; суд; приговор; судебная практика.*

Введение

Несмотря на то, что в правовой литературе существенное количество исследований посвящено институту назначения наказания, не все проблемы его применения находят свое разрешение [1, 2]. Это касается как вопросов назначения наказания, так и вопросов вынесения приговора с учетом смягчающих обстоятельств. Повышенный интерес к этой проблеме – явление неслучайное, поскольку назначение наказания судом является заключительным актом правосудия [3].

Уголовный закон содержит требование, согласно которому наказание виновному лицу следует назначать в точном соответствии с общими и специальными правилами. Рассматривать дела в установленные законом сроки, гарантировать объективное и беспристрастное судебное разбирательство, исключаящее осуждение виновных лиц, назначать справедливое наказание – достойная лепта судов в укрепление законности и правопорядка.

Обстоятельства, смягчающие уголовное наказание, закрепленные в ст. 61 УК РФ, вносят существенный вклад в процесс индивидуализации наказания, так как их установление способствует его справедливости и соразмерности. Именно поэтому в теории уголовного права и судебной практике им уделяется особое внимание. Обширный перечень библиографических источников по данной проблеме позволяет не рассматривать устоявшиеся позиции и общеизвестные аспекты толкования и учета смягчающих обстоятельств, а остановиться лишь на наиболее значимых проблемах, выявленных в том числе в ходе анализа судебной практики [4].

Справедливость наказания и его индивидуализация обеспечиваются всесторонним, полным, объективным исследованием судом признаков совершенного общественно опасного деяния, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств. Анализ судебной практики показал, что смягчающие наказание обстоятельства, не указанные в законе, встречаются в приговорах в несколько раз чаще, чем обстоятельства, в законе указанные (в соотношении примерно 4:1). Этот факт актуализирует проблему теоретико-правового анализа существа данных обстоятельств и объективизации правил их практического применения [5, с. 23].

Таким образом, актуальной задачей является совершенствование уголовного законодательства с опорой на потребности судебной практики, что невозможно реализовать без анализа проблем назначения наказания с учетом смягчающих обстоятельств.

Цель работы: изучение некоторых аспектов влияния смягчающих обстоятельств на назначение справедливого наказания с целью разработки рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства на основе судебной практики.

1. Проблема назначения справедливого наказания

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, в том числе государство гарантирует судебную защиту прав и свобод каждому (ст. 2 и 46 Конституции Российской Федерации) [6]. Данные конституционные положения касаются всех граждан России, как пострадавших от совершения преступления, так и подсудимых. Они находят свое отражение и в принципах уголовного права: законности, равенства, вины, справедливости, гуманизма.

Вопросы назначения наказания затрагивают как судьбу отдельного человека, так и существенные изменения, происходящие в современном обществе, касающиеся в том числе духовно-нравственных ориентиров. Именно они устанавливают социальную полезность и значимость уголовного закона. Несмотря на важную роль в противодействии

преступности правильной квалификации преступлений, окончательная эффективность Уголовного кодекса Российской Федерации проявляется в назначении справедливого наказания.

Справедливость предполагает вынесение объективного приговора, что закономерно влечет назначение уголовного наказания с учетом индивидуальных характеристик осужденного. Поэтому суд сможет вынести справедливый приговор, учитывая индивидуальные особенности обвиняемого, тогда, когда при назначении наказания он будет учитывать характер и степень общественной опасности преступления, особенности личности преступника, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Перечень обстоятельств, влияющих на наказание, не всегда был одинаковым, он изменялся по мере развития и совершенствования российского уголовного законодательства и в частности принципа индивидуализации наказания. Принцип индивидуализации хотя и не назван законодателем, но выделяется в уголовно-правовой литературе. Он рассматривается как конкретизирующий принцип справедливости уголовной ответственности [7, с. 36]. Верховный Суд Российской Федерации не раз обращал внимание нижестоящих судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, мотивируя это тем, что справедливое наказание содействует решению задач и осуществлению целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ [8, 9]. Указанное положение нашло свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [10].

Смягчающие и отягчающие обстоятельства нашли свое отражение в общих началах назначения наказания. Без ссылки на такие обстоятельства любой приговор утрачивает свою конкретность. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, являются критериями индивидуализации наказания, это тот инструментарий, которым пользуется суд при решении вопроса об ответственности конкретного лица. Именно поэтому законодатель расположил эти обстоятельства в нормах Общей части УК РФ, где определяется регламент деятельности суда по назначению наказания [11, с. 456].

В уголовном законе термин «справедливость» напрямую связан с мерами уголовно-правового характера, применяемыми к виновному лицу, и определяет, что уголовно-правовое воздействие в любой форме должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности преступника. Общие начала назначения наказания важны не только потому, что они детализируют понимание справедливого наказания; они универсальны, их соблюдение актуально по всем уголовным делам. Индивидуализация наказания в соответствии со специальными правилами его назначения (ст. 62–70 УК РФ) невозможна без учета общих правил [12, с. 17].

В уголовном законе нереально перечислить все факторы, свидетельствующие о снижении степени общественной опасности как совершенного деяния, так и личности виновного на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ. В Уголовном кодексе Российской Федерации указано, что суд вправе учитывать в качестве смягчающих наказание обстоятельства, не предусмотренные уголовным законом. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» даны следующие рекомендации: «в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать признание вины, в том числе и частичное, раскаяние в содеянном, наличие несовершеннолетних детей при условии, что виновный принимает участие в их воспитании, материальном содержании и преступление не совершено в отношении их, наличие на иждивении виновного престарелых лиц, его состояние здоровья, наличие инвалидности, государственных и ведомственных наград, участие в боевых действиях по защите Отечества и др.» [10]. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что суды часто прибегают к расширительному толкованию, учитывая в качестве смягчающих обстоятельства, не предусмотренные законом [5, с. 23].

Проблема назначения справедливого наказания охватывает не только самих обвиняемых, но и их близких, бытовую сферу, а также общество в целом. Несправедливый приговор подрывает доверие общества к государственной власти, в частности к судебной системе. Для устранения судебной ошибки требуются дополнительные затраты государственных средств на отмену и пересмотр приговора.

2. Ошибки судебной практики при учете смягчающих обстоятельств

Характер смягчающих обстоятельств, а также их совокупность дают возможность суду рассматривать их как исключительные обстоятельства и назначить наказание с применением положений ст. 64 УК РФ, то есть более мягкое, чем предусмотрено санкцией инкриминируемой виновному статьи. Данные обстоятельства принимают непосредственное участие в процессе формирования специальных правил назначения наказания (ст. 62, 64 УК РФ).

Наличие смягчающих обстоятельств свидетельствует о наименьшей степени опасности виновного. Они ассоциируются с назначением виновному наказания, близкого к минимуму, или же минимального наказания в пределах санкции инкриминируемой статьи. Однако в судебной практике встречаются случаи назначения наказания за совершение преступления в минимальных пределах и без наличия смягчающих обстоятельств. Помимо обстоятельств, которые указаны в уголовном законе, суды имеют право применять смягчающие наказание обстоятельства, которые прямо не предусмотрены в уголовном законе. Следовательно, надо иметь представление о том, какими признаками должно обладать то или иное обстоятельство, чтобы учитывать его в качестве смягчающего [13, с. 76].

Проанализировав приговоры судов Ростовской области, мы пришли к выводу о том, что чаще всего при назначении наказания в качестве смягчающих вину обстоятельств суды учитывают: признание вины; активное способствование раскрытию и расследованию преступления; чистосердечное раскаяние в содеянном. Нередко раскаяние и полное признание вины применяются в совокупности. Среди смягчающих обстоятельств учитываются и положительные характеристики виновного, а также наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи [14].

К сожалению, суд при вынесении приговора, применяя те или иные обстоятельства, ограничивается лишь общими формулировками. В качестве примера приведем приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 02 апреля 2018 года. Так, А.А., ранее судимый по ч. 1 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ, обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Согласно материалам дела, А.А., действуя из личной корыстной заинтересованности, в целях быстрого незаконного обогащения совершил противоправные действия в отношении Г.Э.В. (с которой ранее был знаком и которая сообщила ему пин-код от своей банковской карты с целью оплаты ее покупок) путем похищения ее банковской карты и снятия наличных денежных средств в сумме 13 000 рублей, тем самым причинив своими действиями Г.Э.В. материальный ущерб на сумму 13 000 рублей, что для последней было значительным. В судебном заседании подсудимый А.А. виновным себя признал полностью и поддержал свое ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства, заявленное при ознакомлении с материалами уголовного дела.

При назначении А.А. наказания суд учитывал характер и степень общественной опасности совершенного преступления, данные о личности подсудимого, обстоятельства, смягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на его исправление и на условия жизни его семьи.

В соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 61 УК РФ обстоятельствами, смягчающими наказание подсудимого А.А., суд признал явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, признание вины, раскаяние в содеянном, состояние здоровья подсудимого [15].

Как показывает судебная практика, среди причин аннулирования или изменения приговоров судов нижестоящих инстанций Верховным Судом Российской Федерации следует выделить назначение несправедливого наказания, в частности ошибки в учете

смягчающих обстоятельств. Чаще всего суды недооценивают или вообще не принимают во внимание наличие смягчающих обстоятельств либо дают слишком широкое толкование обстоятельствам, закрепленным в уголовном законе. Порой смягчающим обстоятельствам придается слишком большое значение, тем самым наказание чрезмерно смягчается. Очень часто суды, признавая смягчающими обстоятельства, не предусмотренные в законе, не дают мотивированного обоснования такого решения в приговоре. Вынесение судом слишком мягкого либо несправедливо сурового приговора, таким образом, может порождать новые преступления со стороны осужденного.

Выводы

Изучение судебной практики и существующих проблем в области назначения наказания позволяет сделать вывод о том, что перечень смягчающих обстоятельств нельзя оставлять открытым. На это есть ряд причин. Во-первых, по сути, в каждом уголовном деле есть обстоятельства, которые влияют на наказание. Эти же обстоятельства могут учитываться, исходя из субъективной оценки судьи. Данное положение не согласовывается с принципом справедливости. Во-вторых, обширный перечень обстоятельств, смягчающих наказание, и не конкретизированные формулировки приводят к широкому судебскому усмотрению, что влечет за собой отсутствие единства судебной практики, а иногда пересмотр или изменение вынесенного приговора.

Считаем, что, рассматривая вопросы о наличии смягчающих обстоятельств по конкретному уголовному делу, суд должен учитывать исключительно закрепленные в законе обстоятельства.

Проведенное исследование проблем назначения наказания с учетом смягчающих обстоятельств показало, что выявленные в судебной практике обстоятельства, смягчающие наказание, требуют обязательного закрепления в ст. 61 УК РФ в целях единообразного применения в правоприменительной практике, но каждое из них призывает к детальному и конструктивному обсуждению. В частности, такой признак, как наличие у виновного различных заболеваний, группы инвалидности, травмы, имеет индивидуально-казуистический характер.

Дальнейшее совершенствование уголовного закона должно пойти по пути внесения изменений в уже существующий перечень ст. 61 УК РФ. На этом основании полагаем ч. 2 ст. 61 УК РФ изложить в следующей редакции: «Суд не вправе учитывать в качестве смягчающих обстоятельства, не указанные в части первой настоящей статьи при назначении наказания». Обстоятельства, выявленные в ходе судебной практики, необходимо вносить в ст. 61 в виде поправки к Уголовному кодексу Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. *Подройкина И.А.* К вопросу о наказании в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4(21). С. 244–247.
2. *Подройкина И.А., Черенков Э.А.* Ограничение по военной службе и принудительные работы: проблемы и перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 9. С. 86–91.
3. *Мингалимова М.* Роль смягчающих обстоятельств при назначении наказания // Законность. 2013. № 9 // СПС «Гарант».
4. *Яхьяева М.У.* Обстоятельства, смягчающие наказание: проблемы систематизации и особенности учета [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 799–803. URL: <https://moluch.ru/archive/103/23840/> (дата обращения: 23.07.2018).
5. *Дядькин Д.С.* Обстоятельства, смягчающие наказание, не указанные в законе // Российский следователь. 2008. № 11. С. 23–25.
6. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. законов РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2009. 21 января.

7. Яркеев В.И. Уголовно-правовой принцип индивидуализации и учет личности преступника при назначении наказания // Отечественная юриспруденция. 2017. № 1(15). С. 34–38.
8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
9. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 20 (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1.
10. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
11. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Часть общая. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 592 с.
12. Коняхин В.П., Полтавец В.В. Институт назначения наказания: понятие и структурно-функциональный анализ // Российский следователь. 2016. № 14. С. 14–18.
13. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 4-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2018. 229 с.
14. Росправосудие Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: rospravosudie.com/region-rostovskaya-oblast-s/vidpr-ugolovnoe (дата обращения: 19.05.2018).
15. Приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 2 июня 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/region-rostovskaya-oblast-s/vidpr-ugolovnoe/act-> (дата обращения: 25.05.2018).

E.V. Seregina, J.V. Presnukhina

PROBLEM OF PURPOSE OF PUNISHMENT WITH CONTRACTS OF SOFTENING CIRCUMSTANCES

The article raises the problem of the appointment of punishment, taking into account mitigating circumstances. Attention is drawn to the fact that courts underestimate the role of mitigating circumstances, which leads to the appointment of an unfair punishment. Drawing on the materials of judicial practice, the authors come to the conclusion that the list of mitigating circumstances can not be left open and offers to make changes.

Keywords: *punishment; extenuating circumstances; just punishment; court; sentence; arbitrage practice.*

УДК 378:005.6:339.543

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ АКАДЕМИИ

© 2018 г. О.В. Адамова, М.Б. Худжатов

В статье представлены результаты анкетирования должностных лиц таможенных органов – мест трудоустройства выпускников, отражающие удовлетворенность качеством формирования компетентности выпускников, сильные и слабые стороны подготовки, профессионально значимые знания, умения (навыки) и способности, наиболее востребованные в деятельности должностных лиц таможенных органов.

Ключевые слова: оценка качества; компетентность; таможенные органы; выпускники вуза.

Введение

Системный подход к менеджменту качества побуждает организации анализировать требования потребителей, определять процессы, способствующие получению продукции, приемлемой для потребителей, а также поддерживать эти процессы в управляемом состоянии [1]. Анализируя положения стандартов [1, 2] и проведенные в данной области исследования [3, 4], можно заключить, что качество образования отражает степень соответствия характеристик образования (системы, процесса и результата) установленным или ожидаемым требованиям и потребностям. Управление качеством формирования компетентности предполагает определение комплекса показателей (в итоге – интегрального показателя), значение которого характеризовало бы поведение выпускника и было бы наиболее значимым для заинтересованного в образовательном процессе заказчика [3].

Российская таможенная академия – ведомственный вуз, основная цель функционирования которого – формирование кадрового потенциала Федеральной таможенной службы России. В связи с этим возникает необходимость объективной оценки основного результата деятельности Российской таможенной академии – качества подготовки выпускника как будущего представителя Федеральной таможенной службы России.

Всемирная таможенная организация предлагает компетентностный подход к формированию кадрового потенциала таможенных органов. Различные аспекты оценки кадрового потенциала таможенных органов представлены в исследованиях Н.Г. Липатовой, В.Е. Бурдина, И.Н. Колобовой и др. Значительное развитие получили общетеоретические вопросы кадровой политики и подготовки персонала для таможенных органов усилиями таких ученых, как В.Б. Мантусов, В.В. Макрусев, В.В. Лукьянова, Г.Б. Голуб, Р.В. Обухов, А.В. Кирилов, М.А. Эренценова, Н.В. Булей, А.П. Бочарова и др. Развитию компетентностного потенциала персонала таможенных органов государств – членов Евразийского экономического союза посвящено диссертационное исследование Е.О. Любкиной. По мнению автора, использование в процессе деятельности базовых качеств индивида (знаний, умений и навыков) позволяет установить компетенции, т.е. непосредственный механизм решения задач и выполнения функций. В данном случае компетенция – это технология, поскольку отвечает на вопрос «как и каким образом осуществить данное действие?». Однако при этом развитие или освоение компетенции невозможно, поскольку компетенция – это норма, по которой производится оценка выполнения работ. В качестве объекта совершенствования деятельности на основе компетентностного подхода следует рассматривать компе-

тентность, которая отвечает на вопрос «что?» и позволяет сформировать содержание компетенции [4, 5, 6, 7].

Таким образом, несмотря на то, что в целом вышеперечисленные ученые внесли существенный вклад в развитие теоретических положений по формированию и оценке кадрового потенциала организации, в том числе таможенных органов, в их работах вопросы формирования и оценки компетенций должностных лиц таможенных органов, в том числе будущих, представляются исследованными не в полной мере. По нашему мнению, в настоящее время недостаточно исследований, направленных на определение комплекса профессионально значимых качеств, знаний, умений и навыков и опыта деятельности, наиболее востребованных в деятельности должностных лиц таможенных органов, которые бы способствовали более качественному формированию содержания компетенций. Мониторинг удовлетворенности качеством подготовки выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии, отражающий удовлетворенность заказчика сформированностью компетенций, также не проводится на постоянной основе. Существование объективного противоречия между необходимостью информации от должностных лиц таможенных органов, требуемой для более качественной организации формирования компетентности выпускников Российской таможенной академии, и недостаточностью исследований, направленных на ее получение, определяет актуальность настоящего исследования.

Целью работы является получение дополнительной информации для повышения качества формирования компетентности выпускников Российской таможенной академии.

1. Особенности реализации образовательной деятельности вуза в русле компетентностного подхода

Требования образовательных стандартов [8] и результаты анализа современных тенденций развития системы вузовского образования [9, 10] позволяют утверждать, что сегодня формируется новая парадигма образования – внедрение компетентностного подхода как альтернативы абстрактно-теоретическим знаниям.

Несмотря на то, что единого понимания категорий «компетенция» и «компетентность» в методологии пока не сложилось, тем не менее ясно, что в рамках компетентностного подхода традиционная триада «знания – умения – навыки» не отрицается, а дополняется таким элементом, как «опыт деятельности». То есть компетентностный подход выдвигает на первое место умение применять полученные знания на практике, а не просто «знаниевую» информированность выпускника [11]. Таким образом, под «компетенциями» выпускника вуза мы будем понимать совокупность характеристик профессиональной деятельности выпускника, т.е. круг вопросов (объектов, видов деятельности, задач), в которых он обладает компетентностью.

Под «компетентностью» выпускника вуза, например, А.А. Фасоля, Т.С. Сливин [3] понимают совокупность знаний, умений, навыков, профессиональных позиций¹, акмеологических инвариантов² и психологических особенностей, необходимых для успешной реализации профессиональных функций.

Мы под «компетентностью» вслед за О.В. Гузаревич [12] будем понимать совокупность профессиональных и личностных качеств, заключающихся во взаимном сочетании необходимых знаний, умений, опыта и ответственности.

С учетом практикоориентированности компетентностного подхода понятно, что выпускник вуза должен обладать системой знаний и умений, соответствующей квалификационной характеристике и квалификационным требованиям, которые используются при решении задач профессиональной деятельности [13].

¹ Профессиональная позиция выпускника – это его собственные притязания, устойчивые ориентации и установки, система отношений и оценки опыта, в том числе окружающего, реальности и перспектив.

² Акмеологические инварианты выпускника – компоненты структуры компетентности, обуславливающие его активность, инициативу и творчество в достижении высоких результатов деятельности.

2. Исследование удовлетворенности качеством подготовки выпускников в местах их трудоустройства

Как закономерно вытекает из сущности компетентного подхода, в системе оценки качества подготовки выпускника вуза оцениванию подлежит совокупность знаний и умений, системно увязанная со структурой, семантикой и прагматикой профессиональной деятельности [13, 14]. Однако в настоящее время для оценки качества подготовки выпускников вуза, как правило, применяются разнообразные универсальные системы тестов. Одним из важнейших средств системы контроля качества является государственная стандартизация и аккредитация [15]. Однако, по нашему мнению, важным также является исследование удовлетворенности качеством подготовки выпускников со стороны должностных лиц таможенных органов в местах трудоустройства выпускников. Данное средство контроля позволяет дополнить и/или дать более объективную оценку компетентности выпускников, учитывая профессиональную специфику.

В связи с этим нами было проведено анкетирование должностных лиц Ростовской таможни и подчиненных таможенных постов. Содержание анкеты представлено на рисунке 1. Респондентами выступили должностные лица отделов таможенного оформления и контроля, таможенной статистики, контроля таможенной стоимости, товарной номенклатуры и происхождения товара, эксплуатации функциональных подсистем и информационного обеспечения, применения системы управления рисками и некоторых других подразделений. Средний возраст респондентов составил 35 лет (среднее значение – 34,56). Средний стаж работы в таможенных органах – более 10 лет (среднее значение – 10,78). По гендерному признаку респонденты разделились примерно пополам (27 женщин, 25 мужчин).

УВАЖАЕМЫЙ РЕСПОНДЕНТ,
в целях повышения качества подготовки специалистов
в Ростовском филиале Российской таможенной академии
просим Вас принять участие в настоящем анкетировании!

1. Насколько Вы удовлетворены компетентностью выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии?

☐ Полностью удовлетворен(а).
☐ Скорее удовлетворен(а).
☐ Скорее неудовлетворен(а).
☐ Полностью неудовлетворен(а).
☐ Другое _____

2. Каковы, на Ваш взгляд, слабые стороны подготовки выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии?

3. Каковы, на Ваш взгляд, сильные стороны подготовки выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии?

4. Обладание какими знаниями, умениями и качествами, по Вашему мнению, является наиболее важным для специалистов таможенного дела?

В целях комплексного анализа результатов анкетирования просьба указать:

Ваш пол ☐ М ☐ Ж Возраст _____

Подразделение таможенных органов _____

Стаж работы в таможенных органах _____ Дата заполнения анкеты _____

БЛАГОДАРИМ
за Ваш вклад в организацию подготовки специалистов таможенного дела!

Рис. 1. Содержание анкеты

Обобщенные результаты анкетирования, характеризующие удовлетворенность должностных лиц таможенных органов компетентностью выпускников Ростовского филиала

Российской таможенной академии, представлены на рисунке 2. Как видно, в целом респонденты удовлетворены компетентностью выпускников полностью или частично (около 1/3 и 2/3 соответственно).

Рис. 2. Обобщенные результаты анкетирования, характеризующие удовлетворенность компетентностью выпускников

Одной из задач исследования было определение знаний, умений (навыков) и способностей, которые являются профессионально важными и наиболее значимыми по мнению должностных лиц таможенных органов. Результаты анкетирования, отображающие наиболее важные, по мнению должностных лиц таможенных органов, профессионально значимые знания, умения (навыки) и способности, были соотнесены нами с образовательным стандартом [8] с целью определения основных компетенций, в рамках которых они закономерно должны проявляться, а также с учебным планом по программе специалитета Российской таможенной академии (2015 год набора) с целью определения основных дисциплин, направленных на формирование соответствующих компетенций (табл. 1).

Таблица 1

**СООТНЕСЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АНКЕТИРОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА И УЧЕБНОГО ПЛАНА**

Профессионально значимые знания, умения (навыки) и способности	Компетенции	Дисциплины (модули) по учебному плану (выборочно)
Навыки работы со специализированными информационными системами таможенных органов (отметили 60 % респондентов)	ПК-32: владение навыками применения в таможенном деле информационных технологий и средств обеспечения их функционирования в целях информационного сопровождения профессиональной деятельности	– Информационные технологии в таможенном деле (Б1.Б.27); – Системы обработки информации в таможенных органах (Б1.В.05); – Информационная безопасность в таможенных органах (Б1.Б.09); – Технологии и языки программирования (Б1.В.10); – СУБД и анализ данных (Б1.В.11); – Информационная безопасность в таможенных органах (Б1.В.12); – Моделирование таможенных информационных систем (Б1.В.13); – Интегрированные телекоммуникационные сети таможенных органов (Б1.В.15); – Электронное представление сведений таможенным органам (Б1.В.ДВ.08.02); – История (Б1.Б.02); – Философия (Б1.Б.03)
	ПК-35: владение навыками использования электронных способов обмена информацией и средств их обеспечения, применяемых таможенными органами	
Знание нормативной базы и умение применять ее на практике по основным направлениям деятельности функциональных подразделений таможенных органов (отметили 50 % респондентов)	ПК-1 – ПК-19 – по видам профессиональной деятельности, связанной с совершением таможенных операций, применением таможенных процедур, взиманием таможенных платежей и проведением таможенного контроля и иных видов государственного контроля	

Продолжение таблицы 1

Профессионально значимые знания, умения (навыки) и способности	Компетенции	Дисциплины (модули) по учебному плану (выборочно)
Способность ориентироваться в обстановке (отметили 20 % респондентов), анализировать конкретную ситуацию (отметили 25 % респондентов) и принимать взвешенные решения (отметили 35 % респондентов)	ОПК-3: способность владеть методами и средствами получения, хранения, обработки информации	– История таможенного дела и таможенной политики России (Б1.Б.04); – Геоэкономика (Б1.Б.07); – Математика (Б1.Б.10); – Информатика (Б1.Б.11); – Основы научных исследований (Б1.В.12); – Основы таможенного дела (Б1.Б.15); – Психология и педагогика (Б1.В.01); – Экономическая теория (Б1.Б.06); – Основы внешнеэкономической деятельности (Б1.В.08); – дисциплины профессионального цикла (Таможенные операции и таможенные процедуры (Б1.Б.19), Таможенный контроль (Б1.Б.20), Таможенные платежи (Б1.Б.24) и т.д.).
	ОК-4: готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести ответственность за принятые решения	
	ОПК-1: способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной культуры	
Способность воспринимать и усваивать новую информацию (отметили 20% респондентов)	ОК-3: способность к самоорганизации и самообразованию	
Знание и понимание основных направлений развития геоэкономики и геополитики (отметили 10 % респондентов)	ОПК-4: способность понимать экономические процессы, происходящие в обществе, и анализировать тенденции развития российской и мировой экономик	

При этом должностными лицами таможенных органов, принявшими участие в анкетировании, отмечалось, что сильными сторонами подготовки выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии являются, прежде всего, высокий уровень теоретической подготовки (отметили 45 % респондентов) и хорошее знание нормативно-правовой базы (отметили 22 % респондентов).

Однако подготовка имеет и слабые стороны, основными из которых являются полное или частичное отсутствие у выпускников практических умений и навыков по основным направлениям деятельности (отметили 37 % респондентов), неспособность применять знания на практике (отметили 12 % респондентов); недостаточно развитые навыки работы со специальными программными средствами таможенных органов (отметили 11 % респондентов).

При сопоставлении указанных выше результатов и данных, представленных в таблице 2, понятно, что, по мнению должностных лиц таможенных органов, недостающие знания, умения (навыки) и способности при этом являются наиболее значимыми в профессиональной деятельности.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно отметить, что по ряду дисциплин, представленных в таблице 2 (связанных в основном с использованием информационных систем и технологий, обработкой информации), кроме лекционных предусмотрен значительный объем практических и лабораторных занятий, в том числе в интерактивных формах. В то же время по многим другим дисциплинам – классические занятия семинарского типа, возможно, не обеспечивающие в полной мере формирование именно практических умений и навыков.

Кроме того, можно отметить, что в достаточном объеме дисциплины, обеспечивающие формирование и развитие навыков работы со специальными программными средствами таможенных органов, представлены только в рамках одной из четырех специализаций – специализации «Информационные системы и таможенные технологии». В рамках остальных специализаций изучается только две дисциплины – «Информационные таможенные технологии» и «Системы обработки информации в таможенных органах», а остальные либо вообще не включены ни в базовую, ни в вариативную часть, либо включены, в вариативную часть как дисциплины по выбору и не выбраны для изучения. Дополнительное обсуждение результатов анкетирования с должностными лицами таможенных органов позволило установить, что именно выпускники этой специализации характеризуются, в отличие от остальных выпускников, высоким уровнем развития навыков работы со специализированными информационными системами таможенных органов.

Выводы

Таким образом, с целью дополнения информационной основы для оценки качества формирования компетентности выпускников Российской таможенной академии было проведено интервьюирование должностных лиц таможенных органов в местах трудоустройства выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии. Со стороны должностных лиц таможенных органов в большинстве случаев отмечается частичная удовлетворенность качеством формирования компетентности выпускников Ростовского филиала Российской таможенной академии.

На основе анализа результатов проведенного исследования нами были сформулированы следующие рекомендации:

1. По возможности осуществить корректировку образовательных программ таким образом, чтобы перечень изучаемых дисциплин стал максимально приближен к перечню формируемых компетенций, а не компетенции распределялись по имеющимся дисциплинам.

2. При разработке тематического плана учебной дисциплины опираться на формулировки, раскрывающие содержание элементов компетенций, формируемых в рамках данной дисциплины.

3. При определении перечня планируемых результатов обучения в рабочих программах учебных дисциплин использовать знания, умения (навыки) и способности, сформулированные должностными лицами таможенных органов как наиболее профессионально значимые.

4. При разработке содержания рабочих программ учебных дисциплин предусматривать больше практикоориентированных заданий и форм проведения занятий (например, решение ситуационных задач, кейсы по разбору на практике конкретных ситуаций из профессиональной деятельности должностных лиц таможенных органов, ролевые и деловые игры).

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (ИСО 9000:2000) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.pqm-online.com/assets/files/lib/std/iso_9000-2005\(r\).pdf](http://www.pqm-online.com/assets/files/lib/std/iso_9000-2005(r).pdf) (дата обращения: 06.04.2018).

2. Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования (ГОСТ Р 52614.2-2006. Национальный стандарт Российской Федерации): приказ Ростехрегулирования от 15.12.2006 № 309-ст по состоянию на 06.04.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Фасоля А.А., Сливин Т.С. Структура системы управления инновационным компонентом качества военно-специального образования // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 4(29). С. 100–107.

4. Любкина Е.О. Развитие компетентностного потенциала персонала таможенных органов государств – членов Евразийского экономического союза: дисс. ... канд. экон. наук: защищена 14.12.2017. М., 2017. 243 с.

5. Мантусов В.Б. и др. Таможенный менеджмент: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2016. 319 с.

6. Макрусов В.В. и др. Управление таможенным делом: учебное пособие / под общей ред. Макрусова В.В. и Черных В.А. СПб.: Троицкий мост, 2011. 258 с.

7. Липатова Н.Г. Современные проблемы в управлении деятельностью таможенных органов и методологические принципы их решения // Российская таможенная академия – 20 лет в авангарде таможенного образования и науки: материалы международной научно-практической конференции (Люберцы, 18 сентября 2013 г.). М., 2013. С. 179–184.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 38.05.02 «Таможенное дело» (уровень специалитета): приказ Министерства образования и науки от 17.08.2015 РФ № 850: по состоянию на 06.04.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Дегтерев В.А., Трибунская В.А. Компетентностный подход – новая парадигма образования // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 4. С. 35–47.
10. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М.: Изд-во Института профессионального образования Министерства образования России, 1995. 287 с.
11. Гамидуллаев С.Н., Евгафова О.В. Компетентностный подход в образовании: реалии и перспективы // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2(15). 2013. С. 100–114.
12. Качество профессиональной подготовки специалистов в колледже: теория и опыт реализации: коллективная монография / под общ. ред. М.А. Емельяновой. М.: ВЛАДОС, 2012. 200 с.
13. Адамова О.В. Исследование удовлетворенности качеством подготовки специалистов таможенного дела в Ростовском филиале Российской таможенной академии // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 ноября 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 228–233.
14. Кудрявцева Л.Б. Формирование исследовательской компетенции в системе образовательных компетенций // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2(27) 2017. С. 104–110.
15. Дрешер Ю.Н. Как оценить качество подготовки специалиста // Образовательные технологии. 2014. № 2. С. 83–87.

O.V. Adamova, M.B. Khudzhatov

TO THE QUESTION OF FORMING THE GRADUATES' COMPETENCE OF THE RUSSIAN CUSTOMS ACADEMY

The paper presents the results of a questionnaire survey of officials of the customs bodies from employment places for graduates. The results presents reflecting satisfaction with the quality of education, strengths and weaknesses of training, list of professionally significant knowledge, skills and personality qualities of customs officials.

Keywords: *quality assessment; competence; customs; University graduates.*

УДК 378.147:811.112.2

РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РАЗВИТИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО (НЕМЕЦКОГО) ЯЗЫКА

© 2018 г. Е.Ю. Есионова

Для адекватного восприятия иностранного языка необходимо изучение всех его базовых и периферийных объектов. В этой связи понимание модальных компонентов семантики частиц в процессе изучения немецкого языка как иностранного (DaF – Deutsch als Fremdsprache) представляет определённые трудности для усвоения языковых объектов. Эти «незаметные» слова, необходимые для межличностного общения, говорящими на иностранном языке часто употребляются некорректно или не употребляются вообще. Употребление модальных частиц связано с приобретением социолингвистической и межкультурной компетенций и прямо пропорционально выбору регистров формального и неформального языкового общения. В статье исследуется проблема точности употребления модальных частиц в рамках языковой подготовки, а также грамотного восприятия иноязычных текстов и культурно-корректного использования

лингвистических средств. Автором подчеркивается значение прагматической и социолингвистической роли модальных частиц в немецком языке с учетом результатов текущих исследований по данной теме.

Ключевые слова: *немецкий язык как иностранный; модальные частицы; служебные слова; социолингвистическая компетенция; межкультурная компетенция; формальное / неформальное языковое общение; речевой регистр; разговорная речь; диалог; средство коммуникации.*

Введение

В немецком языке модальные частицы – это категория неизменяемых слов без конкретного лексического значения, которые могут выражать «вероятность или возможность, придавать оттенки сомнения, неуверенности или, наоборот, уверенности, заверения, подтверждения» [1, с. 590]. Модальные частицы в предложении обычно стоят перед ремой, не влияют на буквальное значение (смысл) высказывания, т.е. их употребление необязательно (синтаксическая факультативность). Тем не менее, их частое употребление в научных и технических текстах представляет определенную трудность для перевода, когда некорректный выбор значения может привести к искажению общего смысла. Модальные частицы не могут являться ответом на вопрос и ограничены по типу, т.е. частица со специфическим значением может использоваться только в определенном типе предложений. Например, частицы с оттеночным значением используются только в утвердительных, восклицательных и императивных предложениях. Следует также отметить, что многие модальные частицы, имея омонимы среди наречий (полифункциональность), в предложении также могут выполнять омонимичную функцию. Так, например, есть существенная разница между употреблением частицы «*ja*»: 1) «*Hast du schon gegessen? – ja.*»; 2) «*Das ist ja toll!*», где «*ja*» в одном случае является ответной репликой и выражает подтверждение, а в другом имеет оттеночное значение изумления.

Степень научной разработанности проблемы представлена актуальными исследованиями прагматического и социолингвистического аспектов функции немецких модальных частиц как средства организации коммуникативного процесса, а также их роли в производстве и интерпретации дискурса [2].

Изучая коммуникативно-прагматические функции, выполняемые модальными частицами в общении, Харольд Вейдт указывает на то, что модальные частицы с оттеночным значением обладают определенными семантическими, синтаксическими и прагматическими признаками, что позволяет говорить о них как о самостоятельной группе частиц [3]. Согласно Вейдту, употребление модальных частиц больше связано с выражением дружелюбия и любезности в устном и неформальном общении, когда модальные частицы, не влияя на степень любезности беседы, придают дискурсу более дружелюбный оттенок [4]. Что касается вежливости, то они выполняют в данном контексте нейтральную функцию, «...должно быть четкое различие между вежливостью и дружелюбием», поскольку, по его мнению, эти концепции несовместимы [4, с. 21].

Эльке Хентшель считает, что модальные частицы делают комментарии более теплыми, более текучими, но частицы также могут отрицательно влиять на общение [5]. С одной стороны, модальные частицы являются элементами предложения, значение которых может быть точно определено семантически, но функции могут быть различны. Частица как неотъемлемая часть члена предложения, к которому она привязана стилистически, в то же время может находиться в «оппозиции», т.е. стоять вне предложения, являясь самостоятельной единицей. Именно в этом смысле частицы иногда могут придавать «менее дружелюбный или даже нахальный» оттенок содержанию разговора. С другой стороны, Хентшель подчеркивает, что употреблять модальные частицы внутри сообщения не обязательно, и что предложение без частиц может выражать то же самое. Иными словами, частота использования модальных частиц в немецкоговорящем дискурсе иногда может быть интерпретирована партнерами по коммуникации как негативный признак,

что всегда вызывает трудности социолингвистического и межкультурного характера при обучении студентов немецкому языку как иностранному [5].

Манфред Кинпоинтнер указывает, что высказывание, в зависимости от речевой ситуации, намерения и контекста, может быть кооперативным или конкурентным. В совместно ориентированном разговоре все участники хотят достичь одной и той же цели, используя при этом одинаково эффективные средства коммуникации. В случае конкурентного разговора у участников нет единой цели, поэтому используемые модальные частицы способны усугублять или поляризовать определенное утверждение [6].

По мнению Вольфрама Бублитца, немецкий язык имеет четко оформленный ряд инструментов вежливости с его модальными частицами [7]. Кроме того, некоторые исследователи считают, что основной функцией модальных частиц в немецком языке является функция вежливости, особенно в определенных ситуациях (ухаживание) [8, 9].

Целесообразность разработки исследуемой тематики состоит в том, что наличие функциональных особенностей модальных частиц в немецкоговорящем дискурсе сохраняет проблему их корректного употребления в речи в процессе изучения DaF.

Актуальность работы обусловлена необходимостью создания условий для развития социолингвистической компетенции на занятиях DaF посредством эффективного изучения модальных компонентов семантики частиц.

Целью настоящего исследования является выявление основных проблем при изучении и употреблении модальных частиц в речи на занятиях DaF.

Задачи исследования: провести анализ основных результатов исследований по указанной тематике; определить случаи семантического совпадения и различия некоторых модальных частиц немецкого и русского языков; обозначить значение изучения функциональных особенностей модальных частиц в освоении социолингвистической компетенции при изучении иностранного (немецкого) языка.

1. Результаты и обсуждение

Модальные частицы были предметом интенсивных и плодотворных лингвистических исследований второй половины XX века, в 2019 году исследованию модальных частиц исполнится 50 лет (в феврале 2009 года в Берне состоялся международный конгресс, посвященный 40-летию изучения проблематики). Данный факт благоприятно отразился, в частности, на дидактическом обеспечении занятий DaF: появились методические и учебные пособия, сосредоточенные на развитии навыков разговорной речи с акцентом на изучение особенностей модальных компонентов семантики частиц и их употребления.

Понимание того, что модальные частицы не являются изолированными языковыми элементами, а должны быть встроены в предложения и в речевые акты, на данном этапе является неотъемлемой частью процесса обучения контекстуальным языковым особенностям DaF [10, 11]. В дополнение к вышесказанному Лутц Гётце также подчеркивает важность выбора иностранного культурного компонента [12]. Всегда следует начинать с того, что соответствует жизненному опыту студентов, изучающих иностранный язык, учитывая собственно родную культуру обучаемых, фиксируя сходства и различия вербально-невербального поведения при выражении таких типичных намерений, как угроза, предупреждение, изумление и т.п. Культурно обусловленные языковые компоненты родного языка играют важную роль в понимании категории модальности изучаемого иностранного (немецкого) языка, поскольку, как отмечает Гётце, межкультурный диалог в большей степени может не состояться из-за несовместимости отдельных культурных норм, чем вследствие различия лингвистических факторов [12].

Этот факт отмечают некоторые исследователи, определяя модальные частицы как иллокутивные индикаторы [13], призванные «облегчить» речевой акт:

- 1) *Schließ mal das Fenster;*
- 2) *Schließ ja das Fenster;*
- 3) *Schließ doch das Fenster.*

В первом случае дается слабый намек или просьба, во втором случае – рекомендация, в третьем – настоятельная рекомендация с указанием на пожелание оратора.

Данный пример наглядно демонстрирует иллокутивную функцию модальных частиц: модальные частицы «контролируют» ход речевого общения, влияя на дальнейшее развитие разговора, инициируют беседу, анафорически или катафорически ссылаются на уже сказанное или последующее и требуют внимания слушателя.

Опыт работы в группах, изучающих немецкий язык как иностранный, показывает, что обучаемые часто не могут корректно оценить значение модальных частиц для эффективного лингвистического взаимодействия. Нередко студенты независимо от уровня владения иностранным языком одинаково игнорируют употребление частиц в речи, в то время как для носителей немецкого языка отсутствие модальных частиц в дискурсе представляется неестественным. Поэтому процесс обучения в рамках занятий DaF должен включать анализ социолингвистических особенностей семантики модальных частиц двух языков родного и изучаемого (русского и немецкого). При сравнении модальных частиц обоих языков можно выделить ряд фиксированных сходств, что помогает создавать условия для эффективного усвоения иноязычного материала. И в русском и в немецком языках модальные частицы являются служебными словами и употребляются в зависимости от стилистического оттенка только в определенном типе предложений. Например, немецкая частица «*auch*» в своем первом лексико-семантическом значении выражает сомнение говорящего в действительном положении дел:

Können Sie auch mitziehen? Sie sind noch krank.

В русском языке, выражая неуверенность или сомнение, эту роль выполняет модальная частица «*ли*»:

Сможете ли Вы идти (вместе с другими)? Вы всё ещё не здоровы.

Достаточно сделать перевод примера с одного языка на другой, чтобы еще раз продемонстрировать совпадение семантического содержания исследуемого элемента.

Другая лексико-семантическая функция немецкой модальной частицы «*auch*» может выражать упрёк, досаду или даже осуждение со стороны говорящего:

Du musst mich doch auch immer ärgern!

В данном варианте русская частица «*ли*» не употребляется. Такая вариативность некоторых модальных частиц в немецком языке значительно расширяет область их применения, что в гораздо меньшей степени свойственно модальным частицам русского языка [14].

Немецкоязычные модальные частицы «*bloß*» и «*nur*» выполняют в повествовательной речи сходные функции с аналогичными частицами русского языка «*только*» и «*же*», чаще ограничивая высказывание. Например:

Sie gab bloß keine Antwort. (Она только промолчала в ответ.)

В вопросительных предложениях без вопросительного слова, так же как в повествовательных предложениях, эти частицы выражают ограничительное значение.

Соответственно, в сочетании со словами, которые ввиду их лексического значения не допускают ограничения, указанные частицы не употребляются. Невозможно сказать:

War das Theaterstück (nur / bloß) brilliant? (Постановка имела (только) блистательный успех?);

War er (nur / bloß) Kanzler? («Он был (только) канцлером?»)

Так же как частицы «*bloß*» и «*nur*», их русскоязычные эквиваленты в императивных предложениях являются ударными и выражают настойчивое требование, которое одновременно может быть связано с угрожающими негативными последствиями:

Nur / bloß ruhig bleiben! («Только тихо!»)

В немецких побудительных предложениях «*bloß*» и «*nur*» являются безударными и выражают отсутствие заинтересованности говорящего в действии. Например:

Lass ihn nur gehen! (Пусть идёт!)

Определенные трудности у изучающих немецкий язык как иностранный возникают с интерпретацией и употреблением модальной частицы «*doch*», которая не употребляется в вопросительных предложениях без вопросительного слова и используется только в повествовательных и побудительных предложениях. В немецком языке слово «*doch*» встречается ещё в значении союза и отрицания. В роли модальной частицы «*doch*» приобретает значение «*всё-таки*», «*всё же*», «*ведь*», «*же*».

Например:

Sie probieren doch, diese Arbeit besser zu machen. (Они же старались сделать эту работу лучше.)

Du kommst doch heute Abend? (Ты ведь придёшь сегодня вечером?)

Слово «*doch*» в немецком языке может употребляться в роли союза, выражая противопоставление, и переводится на русский язык союзными словами «но», «однако». Трудность в том, что противопоставление в немецком языке выражает и союз «*aber*», а разница в том, что «*doch*» в роли союза имеет смысловой оттенок «*всё-таки*», «*всё же*», союз «*aber*» такого значения не имеет:

Es (das Kind) ist klein, doch schon klug. (Он маленький, но (всё-таки) уже умный.)

Es ist klein, aber schon klug. (Он маленький, но уже умный.)

Модальные частицы часто называют «функциональными словами», т.к. они не обладают независимым лексическим значением и вследствие этого играют в языке значительную функциональную роль. Принимая участие в общей (объективной) модальности предложения, они привносят в него вспомогательные аспекты, определенную коннотацию. Частицы могут демонстрировать так называемую субъективную модальность, которая накладывается на общую модальность предложения. Кроме функциональной роли частицы имеют важное стилистическое значение, что в большей степени контекстуально обусловлено [14].

Известный перевод отрывка из поэмы Николая Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» наглядно иллюстрирует, как, используя смысловые оттенки элементов иностранного (немецкого) языка, можно добиться точного художественного перевода, сохранив риторику, лингвистическую стилистику оригинала:

«Armes verstümmeltes, Doch unerschöpfliches, Kräftiges, prächtiges, Doch oft ohnmächtiges, Mütterchen Rus!» [15] («Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка Русь!»)

Здесь в немецкоязычном варианте перевода в качестве эквивалента союза «и» выбран союз «*doch*»:

...всё же обильная, ... всё же бессильная...

Самое сложное и необычное значение «*doch*» принимает в случаях отрицания, то есть «*doch*» может вносить положительное значение в ответ на отрицание:

Hast du das Buch nicht mit? – Doch! (У тебя нет с собой книги? – Нет, есть!)

2. Методические особенности введения норм употребления модальных частиц в рамках языковой подготовки

Изучение модальных частиц как особенных элементов языковой категории, представляющей средства общения, в определенной степени присуще всем языкам, но реализуется по-разному. «Особое положение частиц наряду с другими частями речи актуально для немецкого языка, поскольку морфологические особенности каждого разряда в системе частей речи связаны с синтаксическими особенностями: порядком слов, типом предложения, интонацией. Также стоит заметить, что частицы нельзя смешивать ни с модальными словами, ни с наречиями» [16, с. 58]. Преодолевать трудности употребления немецких модальных частиц, осуществлять корректный выбор языковых элементов в зависимости от коммуникативной ситуации помогает развитая социолингвистическая компетенция, являясь необходимым компонентом эффективного языкового общения.

Обучение социолингвистической компетенции следует рассматривать как средство обучения диалогу, в котором модальные частицы помогают четко сформулировать речевую задачу, обеспечить выстраивание диалогической экспозиции и мотивировать эмоциональный аспект. Хорошим естественным подспорьем для знакомства с модальными частицами на занятиях DaF являются Интернет, телевидение, печатные СМИ, литература (анализ и обсуждение текстов различной направленности, устное аннотирование). Корректно подобранный текст с учетом реальных возможностей поэтапного регулирования возникающих трудностей социолингвистического характера может наиболее соответствовать обозначенной цели.

Методика обучения точному употреблению модальных частиц в рамках языковой подготовки на занятиях DaF, а также грамотного восприятия иноязычных текстов, культурно-корректного использования лингвистических средств была разработана и применялась еще в начале 70-х годов XX века [17]. В частности, введение норм употребления модальных частиц «*doch*», «*bloß*», «*nur*» осуществляется на материале русскоязычных диалогов, насыщенных частицами «*же*», «*ведь*» и т.п., после того, как студенты не справились с переводом. Чтобы добиться корректного употребления модальных частиц сначала в диалогах с заданной экспозицией, затем в спонтанных диалогах с преподавателем или между студентами, в системе упражнений соблюдается правило постепенного усложнения предлагаемого материала. Кроме того, студентам предлагается проанализировать и понять роль модальных частиц в немецком языке и то, где и как они контрастируют с родным языком, чтобы корректно использовать их в формальных и преднамеренных выражениях.

Выводы

Решать задачи обучения иностранному языку как средству коммуникации между представителями разных культур следует неразрывно от изучения культуры народа, говорящего на этом языке. Язык в данном случае рассматривается как открытая система, исторический факт, способ понимания, который напрямую связан, представлен определенной языковой общностью. В условиях межкультурной коммуникации формируется так называемая «вторичная языковая личность», способная коммуницировать в рамках различных культур. Успешному и эффективному диалогу будет способствовать сформированная социолингвистическая компетенция, являясь одним из показателей реализации «вторичной языковой личности», находясь в непосредственной связи с особенностями мировоззрения другой (иноязычной) социокультуры. Ведение иноязычного диалога требует конкретных знаний, формирование которых должно проходить в диалоговой форме, а не в форме назидательного монолога, который иногда может быть заученным наизусть [18].

Тот факт, что модальные частицы не обладают фиксированным лексическим значением, могут представлять другую омонимичную функцию, существенно затрудняет процесс их интерпретации на родном языке, но предоставляет возможность их максимальной семантизации непосредственно через контекст. Поэтому подбирать материал для введения модальных частиц на занятиях DaF нужно, ориентируясь на их доступность, используя неформальные языковые регистры. Модальные частицы являются важной частью неформального, разговорного языка, что может значительно облегчить усвоение материала и отработку устной речи на начальном этапе.

Как правило, более высокий уровень социолингвистической компетенции с точки зрения оценки употребления модальных частиц имеют студенты с высоким уровнем владения немецким языком как иностранным, а наиболее часто употребительными являются частицы «*ja*», «*doch*», «*denn*» и «*mal*», так как их значение менее выражено, но способно усиливать коммуникативную силу высказывания, выделяя частицы не только в качестве иллокутивных маркеров:

Was machst du denn hier? ... aber sag mal.

На современном этапе сохраняется проблема недостаточной разработанности изучаемой тематики. Ведению полноценного учебного процесса препятствует отсутствие естественных языковых условий, поэтому в качестве дополнительной дидактической поддержки для усвоения новых знаний корректного употребления модальных частиц можно использовать данные немецкоговорящих чатов, а также чат-ботов для изучения немецкого языка. Использование последних имеет ряд преимуществ: чат-боты всегда «отвечают», «знают» идиоматические выражения, их язык грамотен, а немецкий «новых знакомых» с немецкоговорящих сайтов не всегда идеален. Значение возможностей использования самообучающегося искусственного интеллекта на занятиях DaF, в том числе в рамках изучаемой тематики, можно исследовать дополнительно.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Duden – Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Mannheim: Dudenverlag, 2016. 1344 s.
2. Манаенко Г.Н. Значения «мира текста» и смыслы «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 6. Ставрополь-Краснодар, 2008. С. 13–18.
3. Weydt H. (Hrsg.) Partikeln und Interaktion. Tübingen: Nieraeher, 1990. 317 s.
4. Weydt H. (Warum) Spricht man mit Partikeln überhaupt höflich? In: Held (Hrsg.), 2003. S. 13–39.
5. Hentschel E. Wenn Partikeln frech werden In: Held (Hrsg.), 2003. S. 55–72.
6. Kienpointner M. Unhöfliche Partikeln? Kompetitive Verwendung von Partikeln in der Alltagskonversation. In: Held (Hrsg.), 2003. S. 73–94.
7. Bubltz W. Nur ganz kurz mal: Abschwächungsintensivierung durch feste Muster mit mal. In: Held (Hrsg.), 2003. S. 179–201.
8. Ankenbrand K. Höflichkeit im Wandel. 2013, Heidelberg. 566 s.
9. Feyrer C. Höflichkeitsstrukturen und Partikeln – Überlegungen aus transkultureller und translations-relevanter Sicht. In: Held (Hrsg.), 2003. S. 341–365.
10. Lochtmann K. & De Boe S. Die soziolinguistische Kompetenz bei DaF-Lernenden und die Rolle der Modalpartikeln // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2013. Vol. 18(2). S. 142–156.
11. Kostrzewa Fr. Der Erwerb der deutschen Modalpartikel mal – Zum Stellenwert von Modalpartikeln und Partikelkombinationen im DaF/DaZ-Unterricht // Deutsch als Zweitsprache 2. 2012. S. 50–55.
12. Götze L. Modalpartikeln aus der Sicht der Sprachlehr- und Sprachlernforschung // Deutsch als Fremdsprache 30. 1993. S. 227–232.
13. Helbig G. & Kötz W. Die Partikeln. In: Enzyklopädie Leipzig. Leipzig: VEB Verlag, 1985. S. 43–49.
14. Zimmermann K. Warum sind die Modalpartikeln ein Lernproblem In: Weydt (Hrsg.), 1991. S. 111–122.
15. Wer lebt glücklich in Russland? / Von N. A. Nekrassow ; Übers. von Rudolf Seuberlich. Leipzig: Reclam, 1947. 261 s.
16. Стрельцова А.Д. Особенности перевода частиц как особой части речи в немецком языке // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: международный сборник научных статей. Вып. 8. Нижний Новгород, 2018. С. 56–63.
17. Пустынникова Г.П. Методика обучения устной речи студентов первого курса языкового факультета в процессе усвоения модальных частиц немецкого языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 10.731. Воронеж: ВГУ, 1973. 23 с.
18. Есионова Е.Ю. Об особенностях обучения иностранному языку в сфере профессиональной коммуникации и формирования языковой корректности у будущих специалистов таможенного дела // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 9(76). С. 124–127.

E.Yu. Esionova

THE ROLE OF MODAL PARTICLES IN THE DEVELOPMENT OF SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE WHEN STUDYING GERMAN AS A FOREIGN LANGUAGE

For an appreciation of a foreign language, it is necessary to study all of its basic and peripheral objects. In this connection, it is difficult to study the modal components of particles semantics in the assimilation of linguistic objects in the process of studying German as a foreign language (DaF – Deutsch als Fremdsprache). These necessary for interpersonal communication «inconspicuous» words are often used incorrectly or not used at all. Correct use of modal particles is associated with the development of sociolinguistic and intercultural competencies and is directly proportional to the choice of registers of formal and informal

discourse. The article investigates the problem of the correctness of the modal particles use in speech in DaF classes, as well as the problem of literate perception of foreign texts and the cultural correct use of linguistic means within the framework of language training. The author emphasizes the importance of the pragmatic and sociolinguistic role of the German's modal particles, taking into account the results of current research on this topic.

Keywords: *German as a foreign language; modal particles; functional words; sociolinguistic competence; intercultural competence; formal / informal discourse; speech register; speaking; dialog; communicative means.*

УДК 378.14:811.111

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (АНГЛИЙСКОМУ) СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

© 2018 г. В.Д. Пономарева

В статье рассмотрены некоторые аспекты оптимизации учебного процесса. Акцентируется внимание на методах (формах и приемах) интерактивного обучения. Выделены возможности интерактивных технологий в формировании профессиональных компетенций: интенсификация процессов освоения профессиональных знаний путем решения различных практических задач и ситуаций, повышение мотивации и формирование способности к партнерскому общению, сотрудничеству, толерантности. Раскрыты особенности использования технологии интерактивного обучения в преподавании учебной дисциплины «Иностранный язык (английский)».

Ключевые слова: *оптимизация; эффективность обучения; интерактивный метод; интенсификация обучения; таможенный профиль; профессиональное общение; формирование компетенций.*

Введение

В статье представлены пути оптимизации процесса обучения иностранному языку (английскому) студентов неязыкового вуза для специальности 38.05.02 «Таможенное дело».

Концептуальной основой обучения иностранным языкам в неязыковом вузе выступает теория взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, а также деятельностный и компетентностный подходы. В соответствии с ФГОС высшего образования обучение студентов иностранным языкам нацелено на формирование общекультурных компетенций, необходимых для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия [1].

Вместе с тем одной из особенностей иностранного языка для неязыковой специальности является его профессионально-ориентированный характер, что также отражено в учебных целях и содержании обучения. Так, например, для специальности 38.05.02 «Таможенное дело» целью профессионально ориентированного обучения иностранному языку следует считать приобретение будущими специалистами основ иноязычной компетенции, необходимой для межкультурной и профессиональной коммуникации, овладение основами общения на иностранном языке для использования его в качестве средства информационно-коммуникативной и будущей профессиональной деятельности и дальнейшего самообразования, что обеспечит участие данной дисциплины в формировании следующих компетенций:

– общекультурной ОК-9 (способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия);

– общепрофессиональной ОПК-2 (готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности);

– профессиональной ПК-18 (готовность к сотрудничеству с таможенными органами иностранных государств) [2].

В рамках формирования данных компетенций значительно повышается роль таких оптимальных методов и приемов, которые позволяют существенно активизировать процесс овладения знаниями и обеспечивают индивидуализацию обучения иностранному языку, а также имитируют реальный процесс будущего профессионального общения.

1. Понятие оптимизации учебного процесса. Интерактивные формы и методы как средство оптимизации процесса обучения иностранному языку

Рассмотрим, что подразумевает понятие «оптимизация». Оптимизация (от лат. *optimus* – «наилучший») в общем виде означает выбор наилучшего, самого благоприятного варианта из множества возможных условий, средств, действий и т.п. Если оптимизацию перенести на процесс обучения, то это будет означать выбор такой методики, которая обеспечивает достижение наилучших результатов при минимальных расходах времени и сил преподавателя и студентов в данных условиях [3].

Идея оптимизации учебного процесса была выдвинута и развивалась Ю.К. Бабанским. Он отмечал, что под оптимизацией учебного процесса надо понимать не какую-то новую форму или новый метод обучения, а специальную процедуру действий педагога по обоснованию и осуществлению в конкретных условиях наиболее эффективных и качественных решений учебно-воспитательных задач при минимально необходимых затратах времени и усилий студентов и преподавателей [4].

Для оптимизации учебного процесса является важным соотношение объемов языкового материала с количественными характеристиками видов речевой деятельности [5]. Распределение учебного времени должно быть проведено оптимальным образом, с учетом реальных возможностей студентов и преподавателей.

Эффективным средством оптимизации процесса обучения иностранному языку являются интерактивные формы и методы, которые основаны на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи. Создается такая среда образовательного общения, которая характеризуется открытостью, взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля. В ходе интерактивного обучения повышается мотивация и вовлеченность студентов в обсуждение проблем и ситуаций, что способствует повышению осмысленности учебно-познавательной деятельности [6].

Можно сказать, что сам процесс передачи информации должен быть построен на принципе активного двустороннего взаимодействия преподавателя и обучающегося. Остановимся более подробно на некоторых методах, связанных с обменом информацией.

2. Метод дискуссии

Дискуссия является одной из наиболее эффективных технологий группового взаимодействия, обладающей особыми возможностями в обучении, развитии и воспитании будущего специалиста. Данный метод успешно применяется в группах студентов, обучающихся по специальности 38.05.02 «Таможенное дело».

Целью данного метода является совместное обсуждение проблем таможенного характера, развитие у будущих специалистов умений самостоятельного поиска, сбора и обработки данных по изучаемой теме, формирование навыков подготовки научного доклада, а также совершенствование навыков публичного выступления.

Следует отметить, что при проведении дискуссии студенты обмениваются мнениями относительно поставленного вопроса с целью достижения единства взглядов. Это в значительной степени способствует формированию коммуникативных компетенций, а также ускоренному формированию практических навыков [7].

На дискуссию, как правило, выносятся проблемные вопросы по коммуникативной теме занятия. Прежде чем перейти к обсуждению чего-либо, студенты повторяют фразы, которые используются для ведения разговора, выражения согласия / несогласия, высказывания своего мнения / точки зрения и т.д. Например:

Формальное согласие может быть выражено при помощи следующих фраз: I completely (absolutely, totally) agree with you. Exactly..., absolutely... This is perfectly true...

Для выражения неполного согласия используются следующие речевые формулы: Well, I agree with you on the whole, but ... I agree in principle with you that...; however... It is certainly reasonable, however ...

Несогласие в формальном языке, как правило, носит нейтральный характер, чтобы не обидеть собеседника и не привести обсуждение какой-либо проблемы к конфликту: Do you really think so? I can't say I share your view on this... I feel I must disagree... I'm afraid, I disagree with you ... To tell you the truth I have a different opinion. I disagree with you completely.

Для ведения разговора иногда просто необходимо перебить собеседника, чтобы дополнить что-то или высказать свою точку зрения. Для этого можно использовать такие фразы, как: Sorry to interrupt you but Sorry for the interruption but ... Pardon me / Excuse me ...

Рассмотрим на конкретном примере этапы методической подготовки проведения дискуссии, которые могут быть представлены следующим образом: организационный (подготовительный), основной и заключительный этапы [7].

Так, например, при проведении дискуссии по теме «Контрабанда. Методы борьбы с контрабандой» (Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык (английский)», раздел 9, тема 9.1, специальность «Таможенное дело», 2 курс, 3 семестр) студентам – участникам дискуссии предлагается обсудить меры, предпринимаемые таможенными и другими правоохранительными органами для пресечения провоза контрабанды (Class discussion. Speak on the measures taken by Customs authorities and other law enforcement bodies to suppress smuggling). Как правило, подобная дискуссия проводится в несколько этапов.

Этапы проведения дискуссии

Организационный этап (3–5 мин.)

Вступительное слово ведущего. Знакомство с участниками дискуссии. Ведущий определяет тему дискуссии, приглашает основных участников, оговаривает условия проведения дискуссии (продолжительность выступлений и т.д.). Ведущий начинает дискуссию: представляет основных участников дискуссии и объявляет ее тему.

Основной этап (30–40 мин.)

Во время подготовки к дискуссии будущие участники распределяют роли между членами группы и решают, как лучше распорядиться отведенным временем. Представители одной группы могут задавать вопросы представителям других групп, а также комментировать аргументы своих оппонентов. Участники могут использовать презентации, рисунки, схемы и другой наглядный материал. Представители групп должны договориться об очередности своих выступлений.

Выступления основных участников дискуссии продолжаются не более 5–7 минут, после чего ведущий приглашает остальных участников принять участие в обсуждении.

На основном этапе участники дискуссии обсуждают определенные вопросы. В нашем случае это может быть следующее:

The efforts to fight against contraband should be focused on:

- developing a state programme with a sufficient budget in each country;
- improving related laws and regulations, it must be tough anti-smuggling legislation;
- increasing enforcement operations, including intelligence-led Customs operations;
- using high-tech equipment for detecting cases of contraband;
- improving interaction between border and Customs control in Russia and neighboring regions / countries.

Участникам дискуссии предлагается высказать свое мнение по основным положениям своих выступлений, их можно поддержать или опровергнуть, аргументируя свой выбор. При обсуждении можно воспользоваться следующими фразами:

I'd like to ask you about...; Looking at it from another point of view ...; If I understand you correctly you are saying that ...; I mean that...; The fact is that...; I have a question about ...; As I said before ...; As for me, I think...; For example...; Let me add immediately ...; I would agree to you up to the point...; You may be interested to know that ...; To sum up... There is no doubt...

Заключительный этап. Подведение итогов дискуссии (15–20 мин.)

В качестве итогового действия студентам предлагается разработать план действий по борьбе с различными видами контрабанды (*As a result of the forum a plan of action to combat smuggling has been prepared*).

Подведение итогов дискуссии включает следующее:

- выработку студентами согласованного мнения и принятие группового решения;
- обозначение ведущим аспектов позиционного противостояния и точек соприкосновения в ситуации, когда дискуссия не привела к полному согласованию позиций участников;
- настрой обучающихся на дальнейшее осмысление проблемы и поиск путей ее решения;
- совместную оценку эффективности дискуссии в решении обсуждаемой проблемы и в достижении педагогических целей.

Использование метода дискуссии в качестве интерактивного метода способствует развитию неподготовленной речи, стимулирует студентов к разнообразным речевым действиям на английском языке. При этом можно говорить о формировании элементов общекультурной компетенции ОК-9, общепрофессиональной компетенции ОПК-2 и профессиональной компетенции ПК-18 (изучение закономерностей и приемов использования языковых средств в различных ситуациях и сферах профессионального общения; изучение речевых тактик в устной профессиональной коммуникации на иностранном языке, в том числе в режиме диалога и монолога; владение лексико-грамматическими навыками, обеспечивающими профессиональную коммуникацию при общении).

3. Метод проектов и технология ролевого взаимодействия

К другим, не менее эффективным, методам и приемам обучения иностранному языку относится метод проектов, который является интерактивной формой обучения, включающей совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, которые используются студентами при изучении учебной дисциплины и способствуют решению практических задач. Метод проектов ориентирован на самостоятельную деятельность субъектов обучения – индивидуальную, парную, групповую, которую обучающиеся выполняют в течение определенного периода времени [8]. Студенты факультета таможенного дела создают различные проектные темы на английском языке: «Профессия таможенник», «Система двойного канала в международном аэропорту. Эффективный пассажирский контроль», «Таможенные правила провоза культурных ценностей», «Международные конвенции и соглашения в сфере таможенного регулирования», «Конвенция о международной торговле редкими видами животных и растений. Трансграничная перевозка животных», «Деятельность таможенных администраций США, Великобритании, Австралии и Канады» и др. В качестве итоговой работы студенты готовят презентации на иностранном языке с использованием компьютерных технологий.

Среди интерактивных методов особая роль отводится технологии *ролевого взаимодействия*, развивающей у студентов культуру профессиональной вербальной и невербальной коммуникации. Ролевая игра, как одна из основных форм организации речевой ситуации является средством интенсификации обучения групповому общению, т.е. диалогическому [9]. Это одно из важных средств повышения мотивации студентов, один из продуктивных методов обучения иностранному языку в неязыковом вузе, способствующих усвоению новых знаний, которые могут быть необходимы для будущей профессии [7].

При подготовке к ролевой игре преподавателю необходимо разработать карточки ролевого поведения участников в различных ситуациях профессионального общения. Например, на заключительном занятии при изучении темы «Всемирная таможенная организация» (раздел 16, тема 16.1, 2 курс, 4 семестр) студентам предлагается ролевая игра, в которой участники представляют различные страны мира и решают современные глобальные проблемы развития таможенных органов, то есть моделируют деятельность рабочих органов Всемирной таможенной организации (ВТамО), выявляют особенности национальных таможен в процессе реализации стратегических задач развития.

Участники знакомятся с ролевым заданием и получают карточки с описанием ситуации и рекомендуемой лексикой.

Приведем образцы карточек с описанием ситуаций профессионального общения на заданную тему.

КАРТОЧКА № 1

Вы – представитель Совета таможенного сотрудничества (СТС) при Всемирной таможенной организации.

Вы рассказываете, что в настоящее время в соответствии с положениями Конвенции по организации СТС к функциям СТС относятся:

- изучение всех вопросов, связанных с сотрудничеством в таможенной области;
- изучение технических аспектов и экономических факторов, связанных с работой таможенных органов, для того чтобы предлагать членам СТС практические средства достижения наибольшей гармонии и единообразия в таможенном деле;
- подготовка проекта конвенций и поправок к конвенциям, а также выработка рекомендаций по их использованию правительствами заинтересованных стран;
- выработка рекомендаций для обеспечения единой интерпретации в применении положений конвенций и обеспечение применения этих положений.

Рекомендуемая лексика:

Customs Cooperation Council (CCC); World Customs Organization; sharing of best practices; to support for reforms and modernization of the Customs Services; technical aspects; Customs authorities; to achieve the greatest harmony and uniformity in Customs; preparation of draft conventions and amendments to the conventions; to ensure a common interpretation; provisions of the conventions.

КАРТОЧКА № 2

Вы – представитель ФТС России.

Вы рассказываете о реализации следующих стратегических задач, стоящих перед ФТС России:

- содействие безопасности, упрощению международной торговли;
- способствование установлению справедливых, эффективных и действенных таможенных сборов;
- защита общества, общественного здоровья, безопасности;
- оказание помощи в обмене информацией между заинтересованными сторонами;
- поднятие профессионального уровня и производительности таможен;
- проведение аналитических исследований.

Рекомендуемая лексика:

Strategic objectives; promotion of security, facilitation of international trade; promotion of fair, effective and efficient Customs duties; protection of society; public health security; facilitation of information exchange between concerned parties; raising professional level and productivity of Customs; conducting analytical research.

КАРТОЧКА № 3

Вы – представитель Таможенной службы Великобритании / Австралии / Германии / Финляндии.

Вы рассказываете о внедрении современных подходов к организации эффективного взаимодействия таможенных органов и предпринимательского сообщества на примере таможенных органов своей страны; об упрощении и унификации таможенных процедур; системе «Единое окно» на таможне как инструменте упрощения процедур международ-

ной торговли, акцентируя внимание на выявлении актуальных проблем реализации механизма «Единое окно».

Рекомендуемая лексика:

Introduction of modern approaches; interaction of Customs authorities and the business community; simplification and unification of Customs procedures; “Single window” system; facilitation tool for international trade.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что ролевое взаимодействие является одним из ключевых моментов при формировании элементов коммуникативной компетенции, а также позволяет студентам таможенного профиля подготовиться к профессиональному общению на иностранном языке.

В целом, применение новых образовательных технологий является необходимым условием разработки более эффективных подходов к процессу обучения и совершенствованию методики преподавания [10]. Использование интерактивных технологий при обучении иностранному языку значительно повышает качество подачи материала практического занятия и эффективность усвоения этого материала студентами, обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению иностранного языка со стороны студентов, при этом наблюдается тесное сотрудничество между преподавателем и студентами.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Бондина О.Н., Солдатова Н.В. К вопросу о повышении эффективности учебного процесса: контроль обученности студентов иностранному языку // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 3(24). С. 124–129.
2. Кузнецова Н.А. и др. Рабочая программа учебной дисциплины «Иностранный язык (английский)». Специальность: 38.05.02 «Таможенное дело». Уровень выпускника: специалитет. М.: Российская таможенная академия, 2017. 100 с.
3. Шляпникова Е.С. Оптимизация процесса обучения иностранному языку студентов музыкальных вузов // Общее и профессиональное образование (General and Professional Education). 2011. № 3. С. 52–54.
4. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения. Общедидактический аспект. М.: Педагогика, 1977. 254 с.
5. Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика: учебно-метод. пособие для преподавателей. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа: Школа Китайгородской, 2009. 277 с.
6. Кутепов М.М., Коровина Е.А. Роль интерактивных технологий в формировании профессиональных компетенций студента вуза // Успехи современной науки. 2016. Т. 1. № 10. С. 72–73.
7. Дышекова О.В. Активные методы обучения иностранному языку как средство формирования общекультурной компетенции студентов юридического факультета // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 1(22). С. 108–113.
8. Ходжалиев С.А. Место и роль интерактивных технологий в процессе формирования профессиональной компетенции выпускников вузов // Педагогика высшей школы. 2015. № 3. С. 45–48.
9. Макарушина Е.Н. Педагогические условия эффективного применения модели креативной направленности обучения студентов в вузе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. URL: <http://www.science-education.ru> (дата обращения: 25.08.2018).
10. Обсков А.В. К проблеме организации интерактивного обучения иностранному языку в вузе // Вестник ТГПИУ. Серия «Педагогика». 2012. № 11(126). С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-organizatsii-interaktivnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-vuze> (дата обращения: 25.08.2018).

WAYS OF EDUCATIONAL PROCESS OPTIMIZATION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE (ENGLISH) FOR NON-LINGUISTIC STUDENTS

The article deals with some aspects of the educational process optimization. Attention is focused on the methods (forms and techniques) of interactive learning. The possibilities of interactive technologies in the developing professional competencies are defined: intensification of the professional knowledge processes development by solving various practical problems and situations, increasing motivation and developing the ability to partner communication, cooperation and tolerance. The characteristics of using interactive training technology in teaching "Foreign language (English)" have been determined.

Keywords: optimization; training efficiency; interactive method; teaching intensification; Customs business profile; professional interaction; competence formation.

УДК 378.147:811

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

© 2018 г. Б.Г. Солдатов, Н.В. Солдатова

Предложены основные направления активизации познавательной деятельности и принципы организации самостоятельной работы студентов. В качестве факторов формирования познавательной активности обучаемых рассмотрены технологии проблемного обучения, инновационные и информационные технологии. Повышение качества учебного процесса по иностранным языкам подтверждает необходимость использования данных технологий для организации самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: познавательная деятельность; самостоятельная работа; педагогическая технология; проблемное обучение; инновационные технологии; информационные технологии.

Введение

В традиционном понимании образование – это процесс, в результате которого человек овладевает соответствующей системой знаний, умений и навыков, а также гибкостью мышления, необходимой для совершенствования его мировоззрения и адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Однако содержание традиционного образования и, соответственно, языкового образования было по существу строго регламентированным, не способствующим развитию творческой индивидуальности обучаемых. Поэтому важным условием модернизации российского высшего образования стала перестановка акцентов в образовательной политике, направленной на реорганизацию образовательной деятельности, которая является фактором формирования знаний студентов и отвечает потребностям их самореализации. Задачи высшего образования нового типа могут быть решены при условии обновления и переосмысления содержания образовательной среды.

Целью статьи является выявление педагогических условий формирования познавательной самостоятельности студентов, а также рассмотрение факторов, оказывающих влияние на познавательную самостоятельность в рамках компетентностно-деятельностного подхода к обучению. Предмет исследования – организация процесса изучения иностранных языков. Объект исследования – познавательная самостоятельность студентов.

1. Дидактические принципы организации самостоятельной работы студентов

Специально организованные педагогические условия развития личности студента, которые составляют основу образовательной среды, должны способствовать выработке умения самостоятельно находить способы получать образование и реализоваться в культурно-образовательном пространстве.

Языковая образовательная среда может быть сформирована, если обеспечены следующие условия:

- научная концепция является её опорой;
- соблюдена логическая последовательность в предоставлении информации обучаемым;
- обучаемые самостоятельно могут выбирать необходимую информацию [1, с. 1491].

Система дидактических принципов, которые составляют основу технологической организации образовательной среды, выглядит следующим образом:

- специально организованная деятельность;
- стимулирование студентов;
- обеспечение взаимодействия обучающего и обучаемых.

Следовательно, процесс обучения, направленный на развитие самостоятельности обучаемых, должен организовываться соответствующим образом, педагогически регулироваться и управляться. При обучении иностранному языку, который является областью наших интересов, необходимо сформировать иноязычную коммуникативную компетенцию, обеспечивающую развитие навыков творческого мышления, познавательной самостоятельности. Это позволит выработать у студентов умение самостоятельно организовать усвоение знаний в области иностранного языка и повысить уровень владения иностранным языком [2, с. 12].

Для развития и активизации познавательной деятельности при непосредственном и опосредованном взаимодействии преподавателя со студентами необходимо, чтобы обучаемые владели фоновыми знаниями и мотивами к самостоятельному познанию.

Классификация принципов организации самостоятельной познавательной деятельности студентов может быть представлена следующим образом:

- предъявлять материал последовательно – от простого к сложному;
- соблюдать регламент при выполнении заданий;
- инструктировать обучаемых о направлении деятельности;
- объяснять, в каких видах речевой деятельности необходимо выполнить задание (чтения, письма и т.д.);
- предъявлять задания, содержащие определённую проблему;
- осуществлять обратную связь;
- выработать у студентов умение контролировать себя самостоятельно;
- разработать график мониторинга выполненной работы;
- учитывать индивидуальность обучаемого при организации самостоятельной работы [3, с. 12–13].

Очень важным фактором формирования самостоятельной активности обучаемых является мотивация. Для формирования положительной мотивации студентов к самостоятельному познанию в процессе изучения иностранных языков преподавателю необходимо:

- разработать адекватные технологии самообразования;
- организовать совместную деятельность с обучаемыми;
- обеспечить разнообразие в организации работы с учётом личностных особенностей студентов.

Следующий аспект познавательной самостоятельности – содержательный – это материалы, необходимые для формирования лингвистической и коммуникативной компетенций с учётом будущей профессиональной деятельности студентов. Отбирая содержание обучения, преподавателю следует обращать особое внимание на следующее:

- соответствие учебно-методического комплекса целям обучения;

- представление всех аспектов иностранного языка в учебно-методическом комплексе;
- использование разнообразных заданий для введения и закрепления нового языкового материала;
- индивидуальная дифференциация и соответствие материала целям обучения;
- регулярный мониторинг результатов обучения;
- повышение интереса обучаемых к процессу обучения иностранным языкам с помощью информативных, познавательных и творческих заданий;
- обеспечение обучаемых и обучающих методическими рекомендациями [4, с. 76].

Самостоятельная деятельность обучаемых состоит в том, что они усваивают знания в области иностранного языка, овладевают когнитивными действиями на основе лексико-грамматического, страноведческого материала. Результатом этой деятельности является применение знаний и умений в профессиональной деятельности.

Обеспечить эффективность познавательной самостоятельности студентов можно при выполнении следующих условий:

- совершенствовать навыки студентов для формирования компетенций во всех видах речевой деятельности (аудировании, говорении, чтении и письме);
- создать психологически комфортные условия для деятельности;
- оптимизировать учебный процесс, учитывая личностно-ориентированный подход к обучению;
- широко применять мультимедийные технологии для обогащения учебного процесса [5, с. 115].

Большое значение для подготовки высококвалифицированных кадров имеет проблемное обучение как фактор формирования познавательной самостоятельности обучаемых. Этот вид обучения предполагает, что студенты решают поставленные задачи самостоятельно с привлечением фоновых и приобретаемых знаний. При управлении самостоятельными поисковыми действиями студентов необходимо учитывать типологию проблемных ситуаций:

1) по содержанию учебной дисциплины – категориальные (на знание категорий, уточнение понятий), поисковые (по дискуссионным вопросам теории), методологические (на применение методов анализа явлений);

2) по форме постановки проблем изучаемой дисциплины – дидактические: альтернативные, оценочные, аналитические, на выбор наиболее правильного и полного ответа.

Предложенная типология проблемных ситуаций будет работать только в том случае, если она отвечает определенным критериям и требованиям. Основными критериями типологии являются: обеспечение межпредметной преемственности в обучении иностранным языкам; ориентированность на рабочую программу дисциплины; применимость во всех формах учебного процесса; создание возможности применения в обучении иностранным языкам активных средств и методов, инновационных технологий, расширение возможностей для компьютеризации обучения [6, с. 72].

Следует обратить внимание на тот факт, что существенные изменения в социально-экономической сфере вызывают прагматичность в образовании, т.к. необходимый объем знаний приобретается при более широком применении инновационных технологий с увеличением познавательной самостоятельности обучаемых. Именно данные технологии способствуют реализации важных требований – выработать у студентов познавательную самостоятельность и повысить качество обучения. Определенные признаки инновационных технологий позволяют оптимизировать формы образования, а именно:

- концептуальность, т.е. определенная научная концепция должна быть основой инновационной образовательной технологии;
- системность, т.е. логика построения процесса, общая целостность;
- управляемость, т.е. возможность планировать и проектировать процесс обучения, осуществлять поэтапную диагностику, варьировать методами для корректировки результата;
- эффективность по результатам, а также гарантия достижения стандарта в обучении;
- воспроизводимость в образовательных учреждениях;

– воспитательный эффект – являться нравственно оправданной, осуществлять гуманистическое и творческое развитие обучаемых [7, с. 38–39].

Таким образом, анализ публикаций по проблеме педагогических условий формирования познавательной самостоятельности студентов даёт нам основание констатировать, что для развития познавательной самостоятельности необходимо организовать поисково-проблемную и образовательно-познавательную деятельность обучаемых и создать положительное эмоциональное отношение к ней. Правильно организованная самостоятельная деятельность при изучении иностранного языка будет способствовать тому, что обучаемые смогут получить те знания, которые отвечают требованиям современного общества.

2. Педагогические информационные технологии как один из факторов активизации познавательной самостоятельности студентов

Инновационные образовательные технологии позволяют реализовать процесс обучения иностранным языкам, включающего в себя методы и средства обучения, способствующие осуществлению целенаправленной деятельности обучающихся и обучаемых. В конечном итоге у обучаемых развиваются познавательная самостоятельность и соответствующие умения и навыки, которые отвечают требованиям профессиональной подготовки.

Внедрение и дальнейшее развитие педагогических информационных технологий существенно влияет на организацию самостоятельной работы с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции и активизации познавательной самостоятельности студентов. Использование данных технологий способствует:

- развитию мыслительных способностей обучаемых, необходимых для самостоятельного поиска материала в информационном пространстве с целью решения коммуникативных задач;
- повышению эффективности учебной деятельности по иностранным языкам с помощью дополнительных мультимедийных возможностей изучения разнообразных материалов;
- осуществлению контроля, компьютерного педагогического тестирования, коррекции результатов обучения;
- распространению научного и методического опыта;
- организации развивающих ролевых игр [8, с. 58].

Содержание информационных технологий, которые используются при обучении иностранным языкам, можно представить следующим образом:

- печатные материалы в электронном виде: учебники или учебные пособия (textbooks), справочная литература (reference books), тесты (tests);
- материалы, которые распространяются через компьютерные телекоммуникации;
- электронная почта;
- двухканальные видеоконференции;
- электронная информационная образовательная среда (ЭИОС).

ЭИОС применяется для обеспечения качества преподавания иностранных языков с учётом требований ФГОС ВО. ЭИОС помогает обеспечить прозрачную процедуру мониторинга обученности студентов и сформированности познавательной самостоятельности обучаемых, которая важна как для проведения практических занятий, так и для самостоятельной подготовки проектов. Проведение практических занятий по иностранным языкам с помощью ЭИОС позволяет внедрять инновационные методы при синхронном взаимодействии преподавателя и студентов, например интерактивные игры. Основными элементами ЭИОС являются электронные обучающие курсы для дисциплины «Иностранный язык (английский)». Данный курс содержит план изучения модуля, электронные образовательные ресурсы, которые обеспечивают работу по контрольным мероприятиям и занятиям, предусмотренным рабочей программой. Приоритетом использования ЭИОС в преподавании иностранных языков является совершенствование профессиональных компетенций преподавателей, их непосредственное участие в создании, мониторинге применения электронных обучающих курсов.

Для развития познавательной самостоятельности студентов широко используются мультимедийные аудиокурсы, которые позволяют обучаемым самостоятельно работать над такими заданиями, как: прослушивание текста и повторение его за диктором; ответы на вопросы по содержанию текста; выполнение грамматических упражнений. Затем проводится индивидуальная работа со студентами, работа в группах по 2–4 человека или совместная групповая работа с преподавателем. С использованием электронных блоков студенты имеют возможность прослушивать аутентичный языковой материал, готовить компьютерные презентации по теме занятия, а преподаватель затем получает возможность развивать разнообразные формы группового взаимодействия на практических занятиях: фронтальное взаимодействие с группой, парная работа, работа в мини-группах по 3–4 студента. Использование инновационных мультимедийных средств позволяет сократить время, необходимое для контроля качества самостоятельного усвоения различных аспектов учебной программы [9, с. 350]. Например, в аудиториях, оснащенных мультимедийными средствами, проводятся практические занятия – «проекты». Так как они характеризуются открытой структурной моделью, к преподавателю предъявляются высокие требования по организации самостоятельной работы над проектом, развитию умений делать выводы, обобщать материал, критически осмысливать полученные сведения, а главное – учить студентов самостоятельно приобретать знания и пользоваться ими для самообразования [10, с. 321].

Выводы

Таким образом, для реализации целей образования с учетом информационных условий деятельности, для развития познавательной самостоятельности студентов при изучении иностранных языков, для обеспечения саморазвития обучаемых следует обратить особое внимание на парадигму формирования образовательной среды, которая основана на принципах инновационной педагогики, предполагающих сотрудничество преподавателя со студентами и способствующих активизации деятельности педагогов и студентов, направленной на подготовку творческих, обладающих инновационным мышлением специалистов.

Содержательный анализ собственного практического опыта по заявленной в статье проблеме позволяет сделать следующие выводы для того чтобы сделать процесс изучения иностранного языка эффективным, необходимо:

- 1) варьировать разные формы и виды самостоятельной работы; обеспечить дифференцированный подход к обучению, учитывая конкретную учебную ситуацию на практическом занятии, дидактическую цель и предметное содержание;
- 2) применять инновационные методы обучения, которые раскрывают индивидуальные способности студентов и формируют личностно значимые способы самопознания;
- 3) оптимально сочетать организационные формы учебной работы, четко организовать самостоятельную и учебно-исследовательскую работы обучаемых.

Следовательно, качественно организованная образовательная среда, основанная на особых педагогических условиях как факторах развития познавательной самостоятельности студентов, способствует использованию обучаемыми современных достижений для развития их профессиональной компетентности как значимой части профессиональной готовности к работе в поликультурном обществе.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

1. Тереханова П.С. Современные технологии обучения как основной инструмент в работе педагога // Молодой учёный. 2015. № 11. С. 1490–1492.
2. Афанасова Т.С. Современные технологии обучения иностранным языкам // Сборник статей и тезисов Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. Минск: БГУ, 2018. С. 10–16.
3. Зельцына Т.В., Овчинникова Е.Ю. Организация самостоятельной работы и способы её совершенствования при изучении иностранного языка в неязыковом вузе // Акту-

альные вопросы обучения языкам: теория и практика: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГАУ, 2018. С. 36–40.

4. Степанова А.С. Технология развивающего обучения и традиционный подход на занятиях иностранного языка: о некоторых аспектах проблемы // Актуальные вопросы обучения языкам: теория и практика: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГАУ, 2018. С. 75–79.

5. Сэкулич Н.Б. Электронная информационно-образовательная среда университета: принципы построения и структура // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 4. С. 114–120.

6. Рулиене Л.Н. Технологии интерактивного обучения в научно-образовательном процессе университета // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1. С. 70–75.

7. Виноградов Г.П., Кузнецов В.Н. Самоорганизующиеся экспертные среды в образовательных проектах // Открытое образование. 2018. 22(1). С. 38–47. URL: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2018-38-47> (дата обращения: 30.06.2018).

8. Черных Т.А., Рубцова Ю.А. Возможности электронных средств обучения для развития познавательной активности студентов [Электронный ресурс] // Открытое образование. 2018. 22(2). С. 56–60. URL: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-56-60> (дата обращения: 30.06.2018).

9. Зайченко В.Н., Геращенко Н.А., Лозовская Е.Г. Развитие познавательной активности студентов в процессе решения социально-педагогических задач профессиональной направленности // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 1. С. 346–351.

10. Асанова Ж.Е. Особенности развития познавательной активности студентов в условиях полиязычного образования // Молодой учёный. 2017. № 8. С. 319–321.

B.G. Soldatov, N.V. Soldatova

FACTORS OF FORMING STUDENTS' COGNITIVE INDEPENDENCE IN FOREIGN LANGUAGES LEARNING PROCESS

The main trends of students' cognitive activities enhancing and students' independent work organization have been offered. Problem teaching, innovative and information technologies have been described as factors of forming students' cognitive activities. Raising the teaching process quality proves the necessity to apply the above mentioned technologies for students' independent work organization.

Keywords: *cognitive activity; independent work; pedagogical technology; problem teaching; innovative technologies; information technologies.*

ИНСТИТУТ ТАМОЖЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

1. *Аксенов И.А.* Информационная безопасность таможенных органов Российской Федерации и Евразийского экономического союза // *Инновационное развитие экономики*. 2018. № 1(43). С. 357–361. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32768713>

2. *Арабян М.С., Попова Е.В.* Таможенный представитель и его место в системе аутсорсинга таможенных услуг // *Таможенное дело*. 2015. № 2. С. 3–5.

3. *Бабахина А.Р., Меликсетова Я.Я.* Таможенный представитель: статус, роль и место в системе оказания услуг по таможенному оформлению // *Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сборник статей II Международной научно-практической конференции* (Пенза, 2018). С. 113–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32840997>

4. *Березовский Е.С.* Перспективы развития института таможенного представителя в Российской Федерации в условиях функционирования Евразийского экономического союза: выпускная квалификационная работа (специалитет) ; рук. работы С.В. Соленая.

5. *Брикса К.О.* Таможенный представитель как субъект гражданско-правовой ответственности // *Таможенное дело*. 2016. № 3. С. 16–19.

6. *Вергуш К.В.* Гражданско-правовые споры по вопросам деятельности таможенных представителей // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2017. № 5(118). С. 148–152. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30561505>

7. *Волков Д.А.* Вопросы административной ответственности должностных лиц таможенных представителей за правонарушения в области таможенного дела // *Вестник Уральского финансово-юридического института*. 2017. № 2(8). С. 61–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29750559>

8. *Кайнов В.И., Петров П.А.* Особенности административной ответственности таможенного представителя за правонарушения в области таможенного дела // *Правовое поле современной экономики*. 2016. № 8. С. 63–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34886234>

9. *Колодина О.Н.* Эффективность привлечения таможенных представителей при таможенном оформлении товаров // *NovaUm.Ru*. 2017. № 8. С. 50–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29914942>

10. *Лаврик Л.А.* Становление института таможенных представителей на российском Дальнем Востоке // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2018. № 1(82). С. 86–97.

11. *Михайлова С.А.* Повышение эффективности работы института таможенных представителей // *Особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях: материалы научно-практической конференции* (Ростов-на-Дону, 21 ноября 2014 г.). Ч. I. Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2014. С. 357–368.

12. *Мозолева Н.В.* Методические основы повышения эффективности деятельности таможенных представителей // *Особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях: материалы научно-практической конференции* (Ростов-на-Дону, 21 ноября 2014 г.). Ч. I. Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2014. С. 144–157.

13. *Островская И.В.* Становление института таможенного представителя в России // *Исследование проблем таможенного дела: сборник статей аспирантов / под общ. ред. Н.Г. Липатовой*. М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. С. 85–91.

14. *Полухин И.В.* Таможенные аутсорсинг на примере таможенного представителя // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 2. С. 69–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26189080>
15. *Сим И.С.* Эффективность применения института таможенного представителя при таможенном декларировании товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС // Студенческий вестник. 2017. № 8. С. 35–38.
16. *Синельников Б.А.* Деятельность таможенного представителя в условиях формирования информационного общества // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 2. С. 138–143.
17. *Ситник Т.С.* «Серые» схемы таможенного оформления и «серые» таможенные представители // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 8. С. 281–287. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29220625>
18. *Слепова Д.А., Чуйкова Е.В.* Таможенные платежи, исчисляемые таможенными представителями, как источник формирования доходов федерального бюджета Российской Федерации // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2016. № 11. С. 192–196.
19. Таможенный представитель: новое в правовом регулировании // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2012. № 7. С. 9–16.
20. *Халипов С.В.* Таможенный представитель: ответы на экзаменационные вопросы для специалистов по таможенным операциям. 4-е изд., перераб. М.: Юриспруденция, 2012. 284 с.
21. *Шерстобитов В.Ю.* Административно-правовой аспект саморегулирования деятельности таможенных представителей // Вестник Российской таможенной академии. 2013. № 2. С. 92–99.

Л.В. ИЩЕНКО,
библиограф СБО-библиотеки
Ростовского филиала
Российской таможенной академии

НАШИ АВТОРЫ

Кадыркулов Мукай Асанович – член Коллегии (Министр) по таможенному сотрудничеству Евразийской экономической комиссии

115114, Москва, ул. Летниковская, 2, стр. 1, стр. 2.

Тел.: 8(495)669-24-00

e-mail: info-kadyrkulov@yandex.ru

Адамова Ольга Вячеславовна – доцент кафедры информатики и информационных таможенных технологий Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат педагогических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-59-59

e-mail: liseikina@gmail.com

Алексеева Марина Владимировна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Донского государственного технического университета¹, доцент кафедры конституционного и международного права Ростовского филиала Российской таможенной академии², кандидат юридических наук, доцент.

¹ 344000, Ростов-на-Дону, Площадь Гагарина, 1

² 344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(918)544-32-04

e-mail: Alekseeva80@yandex.ru

Андрианова Елена Михайловна – главный инспектор отдела по таможенному сотрудничеству Государственного таможенного комитета Приднестровской Молдавской Республики 3300, г. Тирасполь, ул.Украинская, 15А

Тел.: 8(917)530-52-23

e-mail: elena.andrianovam@gmail.com

Беляева Елена Николаевна – доцент кафедры информатики и информационных таможенных технологий Ростовского филиала Российской таможенной академии; начальник отдела таможенной статистики службы федеральных таможенных доходов Южного таможенного управления; кандидат экономических наук, доцент

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-59-59

e-mail: belenika@list.ru

Бухарова Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-47-92

e-mail: 2909195irina@mail.ru

Горбачев Александр Николаевич – заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, кандидат юридических наук, доцент

241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 5

Тел.: 8(4832)66-62-36

e-mail: angorbachev@rambler.ru

Дригола Эдуард Владимирович – доцент кафедры административного и таможенного права Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-06-76

e-mail: ed.drigola@yandex.ru

Еременко Михаил Юрьевич – главный государственный таможенный инспектор отдела товарной номенклатуры и происхождения товаров Ростовской таможни

346715, Аксайский район, г. Аксай, пр. Аксайская, 13а

Тел.: 8(928)133-87-35

e-mail: eryomenko.mih@yandex.ru

Есионова Елена Юрьевна – ведущий научный сотрудник отдела планирования, координации и ведения научно-исследовательских работ Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат филологических наук

344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-00-11

e-mail: esle09@mail.ru

Заставной Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры информатики и информационных таможенных технологий Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат технических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-59-59

email: dzast@sfedu.ru

Кочергина Татьяна Евгеньевна – профессор кафедры экономической теории и международных экономических отношений Ростовского филиала Российской таможенной академии, доктор экономических наук, профессор

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)263-01-09

e-mail: tpodgurskaya@mail.ru

Лавринов Вячеслав Викторович – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(918)503-53-93

e-mail: vvl-rostov@mail.ru

Миллеров Евгений Владимирович – старший преподаватель кафедры административного и таможенного права Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-06-76

e-mail: millerovyevea@yandex.ru

Михайлов Станислав Владимирович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-08-03

e-mail: bk@spark-mail.ru

Мозолёва Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры экономической теории и международных экономических отношений Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат социологических наук

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)263-01-09

e-mail: moza1970@yandex.ru

Подройкина Инна Андреевна – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской таможенной академии, доктор юридических наук, доцент

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-00-11

e-mail: 919820@mail.ru

Подопригора Алексей Алексеевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-00-11

e-mail: a2299966@yandex.ru

Пономарева Вера Дмитриевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-36-29

e-mail: vera_dmitronomareva@mail.ru

Преснухина Юлия Владимировна – архивариус Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону

344068, Ростов-на-Дону, ул. Криворожская, д. 66

Тел.: 8(988)535-84-19

e-mail: kononova-yulechka@mail.ru

Серегина Елена Владимировна – профессор кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

344038, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66

Тел.: 8(863)297-57-14

e-mail: seregina51@mail.ru

Солдатов Борис Георгиевич – доцент кафедры мировых языков и культуры Донского государственного технического университета, кандидат филологических наук, доцент

344010, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Тел.: 8(863)238-13-16

e-mail: bsoldatov@rambler.ru

Солдатова Наталья Викторовна – доцент кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат филологических наук, доцент

344002, Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20

Тел.: 8(863)262-36-29

e-mail: bsoldatov@rambler.ru

Худжатов Михаил Бекзадаевич – доцент кафедры таможенного дела Российской университета дружбы народов, кандидат экономических наук

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: 8(926)984-42-53

e-mail: mikailkhudzhatov@mail.ru

OUR AUTHORS

Kadyrkulov Mukai Asanovich – member of the Board (Minister) for customs cooperation of the Eurasian Economic commission

2, Letnikovskaya Str., bld.1/2, Moscow, 115114

Ph.: 8(495)669-24-00

e-mail: info-kadyrkulov@yandex.ru

Adamova Olga Vyacheslavovna – Associate Professor, Chair of informatics and information customs technologies of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in pedagogics (PhD equivalent)

20, Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, 344002

Ph.: 8(863)262-59-59

e-mail: liseikina@gmail.com

Alekseyeva Marina Vladimirovna – Head, Chair of the theory and history of state and law of Don state technical university, Associate professor of Chair of the constitutional and international law of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in law (PHD equivalent), associate professor

1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000

Ph.: 8(918)544-32-04

e-mail: Alekseeva80@yandex.ru

Andrianova Elena Mikhaelovna – Chief inspector of Customs cooperation department of the State Customs Committee of the Dnestr Moldavian Republic

15A, Ukrainskaya st., Tiraspol, 3300

Ph.: 8(917)530-52-23

e-mail: elena.andrianovam@gmail.com

Belyayeva Elena Nikolaevna – Associate Professor, Chair of information science and information customs technologies of the Rostov branch of the Russian customs academy; Head of department of customs statistics of federal customs revenues service of the Southern Customs Authority; kandidat nauk degree in economics (PhD equivalent), associate professor
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-59-59
e-mail: belenika@list.ru

Bukharova Irina Viktorovna – senior lecturer, Chair of civil and legal disciplines of the Russian Customs Academy, Rostov branch, kandidat nauk degree in law (PhD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-47-92
e-mail: 2909195irina@mail.ru

Drigola Eduard Vladimirovich – Associate Professor, Chair of administrative and customs law of the Russian Customs Academy, Rostov branch, kandidat nauk degree in law (PhD equivalent), Associate Professor
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-06-76
e-mail: ed.drigola@yandex.ru

Eremenko Mikhail Yuryevich – Chief state customs inspector of the department of the product range and goods origin of the Rostov customs
13A, Aksaisky Ave., Aksai, Aksay district, 346715
Ph.: 8(928)133-87-35
e-mail: eryomenko.mih@yandex.ru

Esionova Elena Yurevna – leading researcher of the department of planning, coordination and guiding research and development operations of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in philology (PhD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-00-11
e-mail: esle09@mail.ru

Gorbachev Alexander Nikolaevich – Head, Chair of the land, labor and ecological law of the Bryansk state university named after Academician I.G. Petrovsky, kandidat nauk degree in law (PhD equivalent), associate professor
14, building 5, Bezhitskaya St., Bryansk, 241036
Ph.: 8(4832)66-62-36
e-mail: angorbachev@rambler.ru

Khudzhatov Mikhail Bekzadayevich – Associate Professor, Chair of Customs affairs, Russian university of peoples' friendship, kandidat nauk degree in economics (PhD equivalent)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198
Ph.: 8(926)984-42-53
e-mail: mikailkhudzhatov@mail.ru

Kochergina Tatyana Evgenyevna – Professor, Chair of economic theory and international economic relations of the Rostov branch of the Russian customs academy, PHD in Economics, Professor
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)263-01-09
e-mail: tpodgurskaya@mail.ru

Lavrinov Vyacheslav Viktorovich – Associate Professor, Chair of criminal law of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in law (PhD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(918)503-53-93
e-mail: vvl-rostov@mail.ru

Millerov Evgeny Vladimirovich – senior lecturer, Chair of Administrative and Customs law of the Rostov branch of Russian customs academy, kandidat nauk degree in law (PHD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-06-76
e-mail: millerovyevea@yandex.ru

Mikhailov Stanislav Vladimirovich – Associate Professor of civil disciplines of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in law (PhD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-08-03
e-mail: bk@spark-mail.ru

Mozolyova Natalya Vladimirovna – senior lecturer, Chair of economic theory and global economic relations of the Russian Customs Academy, Rostov branch, kandidat nauk degree in sociology (PhD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)263-01-09
e-mail: moza1970@yandex.ru

Podoprigora Alexey Alekseyevich – Associate professor, Chair of criminal trial and criminalistics of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in law (PHD equivalent), associate professor
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-00-11
e-mail: a2299966@yandex.ru

Podrojkina Inna Andreevna – Associate Professor, Chair of criminal law of the Russian Customs Academy, Rostov branch, PHD in Law, Associate Professor
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-47-92
e-mail: 919820@mail.ru

Ponomareva Vera Dmitriyevna – senior lecturer, Chair of foreign languages of the Rostov branch of the Russian customs academy
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-36-29
e-mail: vera_dmitrponomareva@mail.ru

Presnukhina Yulia Vladimirovna – a registrar of Voroshilovsky district court of Rostov-on-Don
66, Krivorozhskaya St., Rostov-on-Don, 344068
Ph.: 8 (988)535-84-19
e-mail: kononova-yulechka@mail.ru

Seryogina Elena Vladimirovna – Professor, Chair of criminal law of the Rostov branch of the Russian state university of justice, kandidat nauk degree in law (PhD equivalent), associate professor
66, Lenina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Ph.: 8(863)297-57-14
e-mail: seregina51@mail.ru

Soldatov Boris Georgiyevich – Associate Professor, Chair of world languages and culture of the Don state technical university, kandidat nauk degree in philology (PhD equivalent), associate professor
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344010
Ph.: 8(863)238-13-16
e-mail: bsoldatov@rambler.ru

Soldatova Natalya Viktorovna – Associate Professor, Chair of foreign languages of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in philology (PhD equivalent), associate professor
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-36-29
e-mail: bsoldatov@rambler.ru

Zastavnoy Dmitry Aleksandrovich – senior lecturer, Chair of informatics and information customs technologies of the Rostov branch of the Russian customs academy, kandidat nauk degree in engineering (PHD equivalent)
20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don, 344002
Ph.: 8(863)262-59-59
e-mail: dzast@sfedu.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рукопись статьи и сопроводительные документы к ней для опубликования в очередном номере журнала принимаются к рассмотрению до 6 ноября 2018 года.

Официальный сайт журнала: <http://akvest.donrta.ru/>

E-mail редакции: avestnik@donrta.ru

Контактный телефон: (863)262-00-11

ПОЛОЖЕНИЕ о порядке представления рукописей авторами в журнал «Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии»

1. Общие условия публикации

- 1.1. К публикации принимаются научные статьи научно-преподавательского состава высших учебных заведений, докторантов, аспирантов, а также должностных лиц таможенных и иных органов власти по экономическим, юридическим и педагогическим наукам в соответствии с рубриками журнала.
- 1.2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование.
- 1.3. Оплата за публикацию не предусмотрена.
- 1.4. Рукописи не возвращаются. Редакция оставляет за собой право литературной, орфографической и иной обработки текста статьи при ее подготовке к печати.

2. Рубрики журнала

Отрасли наук	Рубрики
08.00.00 – Экономические науки	1. Актуальные вопросы функционирования таможенной системы. 2. Проблемы экономической теории и методологии. 3. Национальная и мировая экономика. 4. Управление: вопросы теории и практики. 5. Информационные технологии в экономике.
12.00.00 – Юридические науки	6. Нормативно-правовое регулирование таможенной деятельности. 7. Государство и право.
13.00.00 – Педагогические науки	8. Методика и организация учебного процесса.

3. Необходимые документы

- 3.1. Для публикации статьи в журнале необходимо прислать на e-mail редакции **avestnik@donrta.ru** следующую информацию:
 - а) полные сведения об авторах и текст научной статьи, структурированные по шаблону оформления статей;
 - б) скан согласия на размещение информации о публикации в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, подписанный всеми соавторами;
 - в) отчет о проверке в системе «Антиплагиат».
- 3.2. В имени каждого файла должна быть указана фамилия автора (авторов).
- 3.3. Печатный вариант статьи и оригинал Согласия, подписанные всеми соавторами, должен быть прислан по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20 (с пометкой «Вестник»).

4. Публикационная этика

4.1. Редакция журнала:

- придерживается принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics (COPE)), Кодексе этики научных публикаций;
- принимает решение о публикации научной статьи на основе достоверности представленных данных и научной значимости рассматриваемой работы;
- оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения этических норм.

4.2. Авторы статьи:

- должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;
- должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны; заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника; чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;
- не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статья, уже опубликованная в другом журнале;
- не должны допускать дословное копирование собственных работ и их перефразирование;
- должны обеспечить в качестве соавторов всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования; среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

4.3. Рецензент:

- рассматривает рукопись как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции;
- обязан давать объективную и аргументированную оценку изложенным результатам исследования; персональная критика автора неприемлема;
- не должен использовать для личных целей неопубликованные данные, полученные из представленных к рецензированию рукописей;
- который не обладает, по его мнению, достаточной квалификацией для оценки рукописи, либо не может быть объективным, должен сообщить об этом редакции с просьбой исключить его из процесса рецензирования данной рукописи.

5. Структура статьи

- 5.1. Аннотация, которая должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), укладываться в объем 350–500 знаков с пробелами.
- 5.2. Введение – постановка задачи в общем виде и её связь с важными научными или практическими задачами, анализ последних исследований в этой области, содержащая выделение нерешённых ранее проблем или частей общей проблемы, которым посвящается данная статья; формулировка цели статьи.
- 5.3. Основная часть – изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего исследования в этом направлении. Основная часть должна быть структурирована по подразделам (как правило, около 3-х).
- 5.4. Выводы, отражающие полученные результаты, должны соответствовать цели научной статьи.

- 5.5. Библиографический список, в котором должно быть не менее 10 источников, в том числе 3 источника – это работы, опубликованные за последние 5–10 лет.

Разделы статьи – введение, основная часть (подзаголовки основных аспектов), выводы – должны быть в тексте обязательно выделены.

6. Порядок рецензирования статей

- 6.1. Все поступающие в редакцию научные статьи, соответствующие тематике журнала и требованиям к оформлению, подлежат обязательному рецензированию.
- 6.2. Рецензенты назначаются из числа членов редакционного совета или редакционной коллегии, а также иных компетентных ученых и специалистов при условии наличия собственных публикаций по тематике рецензируемой работы в течение последних 3-х лет.
- 6.3. В журнале установлено двустороннее закрытое рецензирование, при котором рецензенту не раскрываются личные данные авторов; авторам не раскрываются личные данные рецензента.
- 6.4. В рецензии должны быть отражены: оценка актуальности, научной новизны и практической значимости, структуры содержания статьи; замечания и рекомендации рецензента; вывод о возможности опубликования статьи в представленном виде после доработки или о нецелесообразности ее опубликования.
- 6.5. Окончательное решение о публикации или отклонении статьи, а также очередность размещения в журнале принимается редакционной коллегией.
- 6.6. Редакция журнала направляет авторам представленных статей копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в дискуссии с авторами по поводу отклоненных работ.
- 6.7. Оригиналы рецензий хранятся в редакции в течение пяти лет. Копии рецензий направляются в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Требования к оформлению статьи

- 7.1. Объем – 8–13 страниц, формат MS WORD, межстрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14.
- 7.2. Рабочее поле формата А 4: верхнее и нижнее – 2,5 см; левое – 3 см; правое – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.
- 7.3. На русском и английском языках представляются следующие элементы: фамилия, имя, отчество, должность, ученая степень и ученое звание авторов, адрес организации, название статьи, аннотация и ключевые слова.

Переводы на английский язык должны быть выполнены специалистом (машинный перевод не принимается).

8. Оформление таблиц

- 8.1. Таблицы должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (несканированные).
- 8.2. Таблицы размещаются внутри текста после ссылок на них, размеры таблицы не должны выходить за поля текста.
- 8.3. Таблицы должны быть пронумерованы, иметь название, расположенное над таблицей.

9. Оформление рисунков и формул

- 9.1. Количество графического материала (иллюстраций) должно быть минимально необходимым (не более 5).
- 9.2. Рисунки предоставляются отдельными файлами (в форматах .jpg (без сжатия) .cdr, .tiff) с распечаткой и перечнем подрисовочных подписей. Имя файла должно указывать на номер рисунка в тексте статьи (например, draw_14.tif). Возможно предоставление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи, только если рисунки сделаны в самом Word.

- 9.3. Рисунки должны быть четкие, не бледные и только черно-белые. Все обозначения на рисунках должны быть четкими и хорошо отличимыми друг от друга. Применение фоновых рисунков и заливки не рекомендуется.
- 9.4. Не допускается использование презентаций в качестве иллюстраций. Не допускается повторение содержания рисунков и таблиц в тексте статьи.
- 9.5. Все формулы должны быть набраны **только в Microsoft Equation 3** внутри текста статьи. Формулы, содержащие только текст и математические символы и верхний/нижний индекс, должны быть набраны только **обычным текстом (не в формульном редакторе)**. Символы **во всех формулах** должны быть **одинакового размера** и соответствовать размеру основного текста. Порядковый номер формулы ставится в круглых скобках справа от формулы у границы полосы набора.

10. Библиографические ссылки и список литературы

- 10.1. Библиографические ссылки на используемые источники даются в тексте в квадратных скобках [].
- 10.2. Библиографические ссылки должны быть затекстовые, т.е. список литературы приводится в конце статьи в порядке упоминания источников в тексте и оформляется по ГОСТ Р 7.05.2008.

Материалы, **не соответствующие установленным** правилам оформления, редакцией не рассматриваются и не рецензируются.